

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

Казаков Сергей Оганович

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ТРАНЗИТ ЭРНСТА ЮНГЕРА

Специальность 07.00.03. — Всеобщая история
(Новая и новейшая история)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель —
доктор исторических наук,
профессор П. Ю. Рахшмир

Пермь – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 ГЛАВА. ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН Э. ЮНГЕРА (1920-1932).....	47
2 ГЛАВА. УМЕРЕННО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ: Э. ЮНГЕР МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИМ И ЛИБЕРАЛЬНЫМ КОНСЕРВАТИЗМОМ (1933-1960).....	85
2.1. Формы и содержание традиционалистско-консервативной эволюции Э. Юнгера в нацистской Германии (1933-1943).....	85
2.2. Принципиальные признаки консервативного преодоления нацизма. Э. Юнгер и немецкий консерватизм после поражения Германии (1943-1953).....	106
2.3. Либерально-консервативная интеграция в ФРГ и метафизическое осмысление истории (1954-1960)	151
3 ГЛАВА. ИНТЕГРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА Э. ЮНГЕРА (1960-1997).....	176
3.1. Ревизия основных дефиниций творчества. Специфика консервативной критики современной цивилизации и глобализации (1960-1972).....	176
3.2. Пессимистические консервативно-экзистенциальные вариации. Эрнст Юнгер и европейские «новые правые» (1972-1982).....	194
3.3. Консервативный ценностно-стилистический синтез всего творчества. Эрнст Юнгер и «консервативная волна» (1982-1997).....	209

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....231

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....237

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Эволюция консерватизма как идеологии и типа политического действия в новейшее время является одной из ключевых проблем исторического исследования. С этой точки зрения особый интерес представляет духовное наследие выдающегося немецкого писателя и философа Эрнста Юнгера (1895-1998). Его биография захватила практически все XX столетие. В наследии мыслителя преломляются перипетии столь насыщенного потрясениями века, создававшего особые трудности для приверженцев традиционных ценностей и порядков. В линии судьбы и творчества Юнгера все это нашло отражение, обусловленное как его эволюцией, незаурядной индивидуальностью, так и событиями немецкой и всемирной истории. Отражение это было отнюдь не простым, часто не поддающимся однозначной интерпретации. Отсюда и возникает разноголосица исследователей юнгеровского наследия. Консерватизм Юнгера представляет собой сложный феномен, для раскрытия которого необходимо проникновение в глубинные пласты многопланового творчества писателя.

Несмотря на многообразие и довольно крутые перепады идейной и творческой трансформации Э. Юнгера, его наследию свойственна глубинная цельность, которая во многом обусловлена органическим консерватизмом, с которым он не порывал, даже находясь на радикальных позициях. Именно традиционалистский элемент помог в годы Веймарской республики и после нее избежать герою Первой мировой войны искушения нацизмом, перед которым не устояли многие консервативные политики, интеллектуалы, военные.

Консервативный транзит Э. Юнгера в плане исторического опыта свидетельствует, с одной стороны, о том, что с консервативных позиций в определенных исторических ситуациях можно соскользнуть на праворадикальные, а с другой стороны, что консервативные традиции могут стать своего рода «якорем», способным удержать от такого поворота. Для того, чтобы прийти к убедительным результатам в изучении юнгеровского консерватизма,

необходим анализ на протяжении всего жизненного пути писателя и его произведений всех без исключения жанров. Несмотря на несомненные успехи российского «юнгероведения» до сих пор нет исследований, где бы консервативные воззрения Юнгера были предметом монографического анализа, рассматривались бы как стержневой элемент его многообразного творчества на протяжении всей жизненной одиссеи писателя. Тем более что его консервативные позиции менялись на протяжении многих десятилетий. Именно это имеет особенно большое значение, так как личный транзит Э. Юнгера в русле консервативного образа мыслей и политики дает возможность существенно обогатить представления о консерватизме не только в прошлом, но и в современности.

Проблематика, связанная с творчеством Э. Юнгера, обладает особой актуальностью для России. Не случайно, именно в последние десятилетия так возрос интерес к нему¹. Дело не только в том, что в силу перемен, сложившийся подход к изучению его работ и биографии стал непредвзятым². Не может не

---

¹ Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. «Тотальная мобилизация». «О Боли». - СПб.: 2000, «Наука». - 539 с.; Юнгер Э. Гелиополь. - СПб.: Амфора, 2000.- 446 с.; Юнгер Э. В стальных грозах.- СПб.: «Владимир Даль», 2000. - 329 с.; Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель 1945). - СПб.: «Владимир Даль», 2002. 782 с.; Юнгер Э. Годы оккупации. (Апрель 1945-декабрь 1948). - СПб.: «Владимир Даль», 2007. 366 с.; Юнгер Э. Сады и дороги: дневник. - М.: ООО «Ад Маргинем пресс», 2008. - 368 с.; Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923-1933. - М.: «Скимень», 2008. 362 с.; Юнгер Э. Рискующее сердце. - СПб.: «Владимир Даль», 2010. 326 с.; Юнгер Э. Семьдесят минуло. 1965-1970. (Излучения III). - М.: ООО «Ад Маргинем» Пресс», 2011. - 704 с.; Юнгер Э. Сердце искателя приключений. - М.: «Ад Маргинем», 2004. - 284 с.

² Архипов Ю. Мафусаил немецкой словесности//Москва. 1998. № 8. С. 190-192; Ишимбаева Г. Г. Фауст в стиле Экзистенц (Антиутопия Эрнста Юнгера «Гелиополис») //Филологические науки. 1999, №4. С. 50-56; Гузикова М. О. Философия тотальной мобилизации в творчестве Эрнста Юнгера // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке.- Екатеринбург: Изд. УГУ, 2000. - С. 67-73; Микушкевич В. Последний рыцарь («Эрнст Юнгер в молодости»)//Э. Юнгер. Рискующее сердце. - СПб.: «Владимир Даль», 2010. С. 3-36; Михайловский А. Послесловие переводчика//Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. - СПб.: Наука, 2000. - С. 528-537; Его же. Послесловие.//Э. Юнгер. Сердце искателя приключений.- М.: «Ад Маргинем», 2004. - С. 232-284; Его же. Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии//Э. Юнгер. Националистическая революция. Политические статьи 1923-1933. - М.: Скимень, 2008. - С.317-362; 64. Его же. Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у «стены времени»// История философии. № 15. — М.: ИФРАН, 2010. — С. 57—82. Пленков О. Замечания к дневникам вечного нонконформиста//Э. Юнгер. Годы оккупации. -

броситься в глаза сходство в историческом развитии России и Германии, стран, переживших в новейшее время самую существенную ломку исторических традиций и институтов. Но именно это часто ограничивает историков и философов, концентрирующихся исключительно на Веймарском, консервативно-революционном этапе жизни и творчества Э. Юнгера, который при всей его значимости все-таки является эпизодом растянувшейся на столетие биографии писателя.

Источниковая база исследования. Основными источниками представленного исследования являются политико-философские и историософские труды, литературные произведения, эссе, статьи Эрнста Юнгера, обширное эпистолярное наследие, его интервью, совпадающие с хронологическими рамками данной работы. Учитывая некоторые особенности источниковой базы диссертации, такие как постоянное редактирование Юнгером своих уже изданных работ, а также наличие российских переводов на русский язык, в исследовании будут использоваться различные немецкие и российские варианты изданных текстов. Жанровая и идейно-политическая неоднородность большинства произведений, позволяют использовать весь спектр работ, поскольку взгляды Э. Юнгера проявляются не только через политические или философские труды, но и, в особенности, через литературные произведения.

В первую очередь, следует отметить те работы мыслителя, которые дают наиболее полное представление о политических, политико-философских, историософских и чисто философских воззрениях³. Следующей важной группой

Спб.: Владимир Даль, 2007. - С.5-42; Савчук В.В. Судьба нигилизма. Послесловие. В кн.: Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль.- Спб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 2006. - С.165-220.; Солонин Ю. Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа//Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. - Спб.: Наука, 2000. - С. 5-54; Его же. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории//Юнгер Э. В стальных грозах. - Спб.: Владимир Даль, 2000. - С. 11-34; Его же. Дневники Эрнста Юнгера: Впечатления и суждения //Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель1945). Спб.: Владимир Даль, 2002. С. 737-759; Хазанов Б. Эрнст Юнгер, или прелесть новизны//Вопросы литературы. М.: Наука, 1996. № 6. – С. 178-201; Его же. Эрнст Юнгер. Сластолюбец варварства// Новое время.-1999. 346. С. 36-37. и др.

³ Jünger E. Der Friede // Jünger E. Werke. Esseys I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. - S. 203-244.; Jünger E. Der Weltstaat. Organismus und Organisation// Jünger E. Werke. Esseys I. – Stuttgart:

источников являются дневники, которые Э. Юнгер вел на протяжении всей своей жизни⁴. Значительную роль в исследовании отведена литературным произведениям писателя, поскольку некоторые из них выходили далеко за рамки только литературного творчества, такие как, например, «В стальных грозах», «Авантюрное сердце» и «На мраморных скалах»⁵, что впрочем, характерно для

Ernst Klett, 1960. Bd. 5. - S. 497-538.; Jünger E. Die Totale Mobilmachtung//E. Jünger. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. - S. 125-147.; Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933 / Hrsg. von S. O. Berggötz. - Stuttgart: 2001, Klett-Cotta. – 898 S.; Jünger E. Rivarol// Jünger E. Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd.8. - S. 536-625.; Jünger E. Rivarol // Jünger E. Sämtliche Werke. – Stuttgart; Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. - S. 210-243.; Jünger E. Der Gordischen Knoten// Jünger E. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. - S. 391-494.; Jünger E. An der Zeitmauer // Jünger E. Werke. Essays II. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd.6. - S. 407 - 661.; Jünger E. Grenzgänge. Essays – Reden – Träume. Stuttgart: Ernst Klett, 1966. S. 70-85.; Jünger E. Grenzgänge. Essays – Reden – Träume. Stuttgart: Ernst Klett, 1966. S. 70-85.; Jünger E. «Maxima-Minima». Adnoten zum «Arbeiter» // Jünger E. Werke. Essays II. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd.6. S. 333 - 403.; Jünger E. Der Waldgang // Jünger E. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 5. - S. 293-385.; Jünger E. Über die Linie // Jünger E. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. - S. 247-289.; Jünger E. Typus, Name, Gestalt // Jünger E. Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 8. - S. 385 - 473.; Jünger E. Philemon und Baucis. Der Tod in der mythischen und technischen Welt// Jünger E. Sämtliche Werke. Essays VI. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 12. S. 439-471.; Jünger E. Autor und Autorschaft// Jünger E. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. - S. 9-267.; Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge// Jünger E. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. - S. 267-421.; Jünger E. Die Schere// Jünger E. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 437-605.; Jünger E. Gestaltwandel. Eine Prognosen auf das 21. Jahrhundert// Jünger E. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. - S. 607-621.; Jünger E. Gott und Götter. Epigramme // Jünger E. Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 8. - S. 647-672.; Jünger E. Mantras // Jünger E. Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 8. - S. 657-672.; Jünger E. Der Kombinatorische Schluß; Das Entsetzen// Kulturchronik. Bonn, 1998. №3. S. 15-16.

⁴ Jünger E. Das Erste Pariser Tagebuch// Jünger E. Werke. Tagebücher II, Strahlungen I. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd.2. S. 233-426.; Jünger E. Kaukasische Aufzeichnungen // Jünger E. Werke. Tagebücher II, Strahlungen I. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd.2. S. 429-517.; Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch// Jünger E. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. - S.11-304.; Jünger E. Kirchhorster Blätter// Jünger E. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. - S. 307-415.; Jünger E. Die Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation)// Jünger E. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. - S. 419-686.; Jünger E. Strahlungen. Vorwort // Jünger E. Werke. Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 2. - S. 11-24.; Jünger E. Siebzig verweht I. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1980.- 597 S.; Jünger E. Siebzig verweht II. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. - 641 S.; Jünger E. Siebzig verweht III. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1993. - 594 S.; Jünger E. Siebzig verweht IV. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. - 487 S.; Jünger E. Siebzig verweht V. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. - 204 S.

⁵ Jünger E. Auf den Marmorkrippen. - Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt. 1941. – 157 S.; Jünger E. Eumeswil//E. Jünger. Sämtliche Werke. – Stuttgart; Klett-Cotta, 1980. Bd. 17. - 379 S.; Jünger E. Die Zwille// Jünger E. Sämtliche Werke. Erzählende Schriften IV. Stuttgart: Klett-Cotta, 1983. Bd. 18. S. 95-269.

его авторского стиля. Наконец, вспомогательную функцию в работе несут на себе источники такого рода, как отдельные статьи писателя по различным случаям и событиям, посвящения к юбилеям друзей, короткие публичные программные заявления⁶. И, конечно же, нельзя переоценить важную роль переписки Э. Юнгера с многолетними собеседниками, такими, как его брат Ф.-Г. Юнгер или К. Шмитт⁷, а также данные Э. Юнгером в последние десятилетия жизни интервью, которые проливают свет на сущность его идейной трансформации⁸.

Еще одна важная группа источников в исследовании сформирована из произведений его постоянных собеседников или оппонентов, отношения с которыми во многом повлияли на мыслителя или, по крайней мере, на формирование культурно-исторического дискурса, в котором он находился. Речь, прежде всего, идет о работах О. Шпенглера, К. Шмитта, М. Хайдеггера, Ф.-Г. Юнгера и Т. Манна⁹.

---

⁶ Jünger E. An Friedrich Georg. Zum 70 Geburtstag// Jünger E. Ad hoc. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970. - S. 18-33.; Jünger E. Zum 80 Geburtstag M. Heidegger. Federbälle// Jünger E. Ad hoc. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970. - S. 34-69.; Jünger E. Nachruf auf Andre Gide // Jünger E. Sämtliche Werke. Ad hoc. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. - S. 39-40.; Jünger E. Geleitwort zu H. Schepidels "Invasion 1944"// Jünger E. Sämtliche Werke. Ad hoc. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. - S. 165-166.; Jünger E. Zur Geiselfrage // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. - Oldenburg, München: 51. Jahrgang/Heft 3/Juli 2003. - S. 418-472. ; Jünger E. Alfred Kubin// Antaios. / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. - Stuttgart: Ernst Klett Verlag. November 1965. Bd. VII. № 4. - S. 310-318.; Jünger E. Zur Verleitung des Schiller-Preises des Landes Baden-Württemberg// Jünger E. Sämtliche Werke. Ad hoc. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. - S. 188-193.; Jünger E. Antaios. Zeitschrift für eine freie Welt. Ein Programm// Jünger E. Sämtliche Werke. Ad hoc. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. S. 167-168.; Jünger E. Die Preußen und der Krieg// Jünger E. Sämtliche Werke. Essays V. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd.11.; Jünger E. Steglitz. 1933// Neue Deutsche Hefte. 1967. Jg 14. H. 4. S. 3-14.

⁷ Ernst Jünger– Carl Schmitt. Die Briefe. 1930-1983/Hrsg. von H. Kiesel. – Stuttgart, 1999. - 893 S.; Ernst Jünger-Gershom Scholem. Briefwechsel 1975-1981//Sinn und Form, №3, 2009. S. 293-302.; Jünger E. Briefe an Friedrich Georg // Criticon. München: Jan/Febr/März 1998. Nr. 157. S. 20-21.

⁸ "Wie ein Geschöß zum Ende". der Schriftsteller Ernst Jünger über das Alter, den Glauben und seine Zukunftserwartungen// Der Spiegel. 1995. №13. S. 240-241.; «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik//Der Spiegel. 1982. №33. S. 154-163.; Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. Dt. von Peter Weiß. – Wien; Leipzig: Karolinger, 2002. 155 S.

⁹ Манн Т. Доктор Фаустус. Собрание сочинений в 10 т. – М.; Гос. изд. худ. лит. 1960. т. 5. 694 с.; Рошель П. Д. ла. Фашистский социализм. – Спб.; Владимир Даль, 2001. – 244 с.; Рошель П. Д. ла. Дневник 1939-1945. – Спб.; Владимир Даль, 2000. - 602 с.; Хайдеггер М. О линии// Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. Спб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 67-119.; Шмитт К. Политическая теология. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.; Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис 2007. — 301 с.; Шпенглер О.

Степень изученности темы. Историография. Исходной точкой хронологии изучения творчества писателя, по некоторым данным, является 1934 г.¹⁰. За это время накопился большой объем различных по жанру, структуре и охвату исследований на разных языках мира, изучение которых представляет интерес для отдельной работы. Их большое число находится на стыке различных наук: истории, философии, литературоведения, языкознания, психологии и социологии, что в первую очередь, вызвано разнообразием творческого наследия Эрнста Юнгера. Но при всем, казалось бы, дисциплинарном многообразии, взгляды самого мыслителя, как правило, рассматривались под философским или литературоведческим углом зрения.

Наиболее часто предпочтение в изучении жизни мыслителя отдается самому раннему, Веймарскому периоду, который является в большей степени изученным в части исследования его консервативного реноме. По этой причине, при всем тематическом обилии, на долгие годы за Э. Юнгером закрепился «бренд» философа экстремистско-консервативного толка.

Еще одной важной особенностью работ о писателе является очевидное доминирование внимания к биографии, а не динамике его взглядов в

Пессимизм? М.: Изд. «Крафт +», 2003. – 304 с.; Шпенглер О. Годы решений. М.: Скимень, 2006. 239 с.; Юнгер Ф. Г. Ницше. – М.: Праксис. 2001. – 253 с.; Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность. - Спб.: «Владимир Даль». 2002. – 559 с.; Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб.: Владимир Даль. 2005. 511 с.; Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб.: Владимир Даль. 2005. 187 с.; Eliade M. Notes sur le journal d'Ernst Jünger//Antaios / Hrsg. Mircea Eliade - Ernst Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1965. B. VI №5/6 März, 1965. S. 488-492.; Evola. J. Zeitlichkeit und Freiheit// Antaios / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. - Stuttgart: Ernst Klett Verlag. Mai 1967- März 1968. Bd. XI. № 1. S. 86-100.; Jünger F. G. Der Bettler// Antaios. Ernst Jünger zum 70. Geburtstag / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. - Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März 1965. Bd. VI. № 5/6. S. 410-417.; Hesse H. Nach der Lektüre des Buches “An der Zeitmauer”//Über Ernst Jünger/ Hrsg. von H. Arbogast . – Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. S. 73-77.; Niekisch E. Die Gestalt des Arbeiters// Über E. Jünger/ Hrsg. von Arbogast H. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. S. 79-86.; Niekisch E. Die Gestalt des Arbeiters// Antaios. Ernst Jünger zum 70. Geburtstag / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. - Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März 1965. Bd. VI. № 5/6. S. 493-498.; Schmitt. C. Die Geschichtliche Struktur des heutigen Welt-Gegensatzes von Ost und West. Bemerkungen zu Ernst Jüngers Schrift: “Der Gordischen Knoten”//Freundschaftliche Begegnungen. Festschrift für E. Jünger zum 60. Geburtstag /Hrsg. A. Mohler. Frankfurt am M.: Klostermann, 1955. S. 135-167.; Schmitt. C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947-1951/Hrsg. von Eberhard Freiherr von Medem. – Berlin: Dunker und Humblot, 1991. ; Prezzolini G. Intervista sulla Destra. A cura di Claudio Quarantotto. – Rom. Borghese, 1978. S. 208-211.

¹⁰ Martus S. Ernst Jünger. - Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 3.

историческом измерении. Рассмотрение историографии юнгеровского творчества показывает, что при всей довольно высокой степени его изученности, ряд важных аспектов, особенно с исторической точки зрения, остаются «в тени». Это относится в какой-то мере и к проблеме взаимосвязи между консервативной традицией и взглядами Юнгера.

Представленный историографический обзор выстроен по жанровому и проблемному принципу, в него включены работы, которые, так или иначе, способствуют раскрытию предмета, отвечают цели и задачам исследования.

Особенности развития исследовательского интереса к Э. Юнгеру в советской историографии во многом продиктованы политической конъюнктурой, накладывающей свой отпечаток на все работы о зарубежных мыслителях и в особенности, эпохи нацизма и послевоенной ФРГ. По этой причине спектр отечественных исследований по проблеме гораздо более узок, нежели зарубежный. Не трудно предположить, что в советский период негативное отношение к творчеству мыслителя доминировало на всем научном пространстве. Основная тенденция заключалась в том, чтобы показать органичную связь воззрений публициста с нацистской и неонацистской идеологией¹¹. Однако, несмотря на жесткий идеологический марксистско-ленинский каркас, некоторые научные работы все же содержали определенный концепт и их авторы, пусть в сложных условиях преобладания догматизма, стали «первопроходцами» в изучении юнгеровского творчества.

Начало было положено в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. Первым из отечественных историков Э. Юнгера упомянул в контексте взаимосвязи с германским фашизмом крупнейший исследователь нацизма, А. А. Галкин в своей уже ставшей сегодня классической, и пережившей несколько изданий,

---

¹¹Архипов Ю. Эрнст Юнгер, буревестник «стальных ураганов»//Литература человеконенавистничества. – М.: Худ. литература, 1980. С. 118-138; Гинзбург Л. «Люцифер духа» и уроки истории//Литературная газета. 1969. №17. С. 13; Карельский А. В. Против идеологии реваншизма//Вопросы литературы. 1963. №7. С. 216-220; Филатов М. Н. Неонацизм и искусство//Октябрь. 1972. №10. С. 186-188; Филатов М. Н. Эрнст Юнгер и его мифы//Философские науки. 1977. №2. С. 91-102; Черная Л. Десять томов ненависти//Литературная газета. 1963. 7 дек. №146. С. 2.

монографии¹². За ней последовали ряд публикаций, трактовавших Юнгера в контексте тесной взаимосвязи с правым радикализмом и нацизмом¹³. Чуть позднее, специалист по немецкой философии С. Ф. Одуев, в своем главном исследовании посвятил Юнгера целую главу: «Воля к власти как воля к тотальной мобилизации. Эрнст Юнгер» а также публикацию в журнале «Вопросы философии»¹⁴. Однако, декларируемая им прямая зависимость от Ницше привела к упрощению наследия мыслителя. Надо отметить, что уже в постсоветской России усилиями Одуева был подготовлен интересный сборник, в котором продолжалось изучение немецкого иррационализма, в том числе и юнгеровского, без конъюнктурных препятствий¹⁵.

В контексте изучения «консервативной революции» исследование творчества писателя стало возможно благодаря научной деятельности историка, одного из ведущих российских исследователей западной консервативной мысли П. Ю. Рахшмира¹⁶. Работы ученого были направлены на постижение тогда еще малоизвестного в советской историографии явления, проблеме его взаимосвязи с нацизмом, которая до сих пор стоит остро и является дискуссионной. Впоследствии, Юнгер становился персонажем заметных работ П. Рахшмира, как в советский, так и в современный период¹⁷.

После 1991 г. параллели между постсоветской Россией и Веймарской Германией чаще побуждали отечественных исследователей обращаться к проблематике «консервативной революции». Естественно, в этом контексте

¹² Галкин А. А. Германский фашизм. - М.: Наука, 1967, (2 издание) - М.: Наука, 1989. - 352 с.

¹³ Хайзе В. В плену иллюзий: критика буржуазной философии в Германии: — М.: Прогресс, 1968. - 671 с.; Гинцберг Л. И. Идеологическая подготовка прихода фашизма к власти. «Ежегодник германской истории 1969». — М. 1970.

¹⁴ Одуев С. Ф. Воля к власти как воля к тотальной мобилизации. Э. Юнгер// Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию). — М.: Мысль, 1971. — С. 151-176; Его же. Философия “тотальной мобилизации”//Вопросы философии. — М.: 1971, №3. — С.136-148.

¹⁵ Одуев С. Ф. Метаморфозы иррационализма. — М.: Изд. РАГС, 1997. Вып. 3. – 187 с.

¹⁶ Рахшмир П. Ю. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии//Ежегодник германской истории. — М.: Издательство «Наука», 1973. - С.409-431.

¹⁷ Галкин А. А. Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. — М.; 1987. – 192 с. Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма. - Пермь: ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2004. - 338 с.

всегда фигурировал и Э. Юнгер. Философ и социолог А. Ф. Филиппов рассматривает юнгеровский консерватизм как «радикальный»¹⁸. В статье О. Ю. Пленкова писатель предстает «одним из самых ярких «революционно-консервативных» дарований XX в.»¹⁹. Его имя довольно часто встречается на страницах произведений такого публичного деятеля и автора как А. Дугин. Подобно Карлу Шмитту, Эрнст Юнгер для него не столько объект критики, сколько носитель поучительного опыта²⁰. У историка С. Г. Алленова он рассматривается «консервативный революционер»²¹.

В 2000-е гг. философские и культурные аспекты наследия мыслителя анализируются в книге философа А. М. Руткевича²², эссе публициста В. А. Сендерова²³, диссертации историка из Екатеринбурга М. О. Гузиковой, в которой проводится реконструкция проекта «тотальной мобилизации» Э. Юнгера как диагноза эпохи и модернистского проекта, критикующего модерн²⁴, в следующем за этой работой исследовании философа из Санкт-Петербурга О. В. Григорьевой, диссертации философа В. А. Милиева (сосредоточенного на включении раннего творчества Э. Юнгера в широкий исторический контекст изучения основных тенденций формирования немецкой консервативной философии), диссертации переводчика его трудов на русский язык А. В. Михайловского, а также в монографии О. Э. Терехова, посвященной тщательному исследованию

¹⁸ Филиппов А. Ф. Облик работника и революция справа: к истории радикального консерватизма// Россия 21. - М., 1996. №1/2. - С. 82-98.; Его же. Немецкая антропологическая политология: Э. Юнгер, Х. Фрейер, А. Гелен, Х. Шельски//Философские основания теории международных отношений. — М.: ИНИОН, 1998. — С.112-142.

¹⁹ Пленков О. Ю. Э. Юнгер и его вклад в современное консервативное мышление//Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. науч. тр. - Воронеж; 2001. С. 227.

²⁰ Дугин А. Консервативная революция. - М.; Арктогея, 1994. - 344 с.

²¹ Алленов С. Г. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Меллер ван ден Брук//Полис. 2001. №3. С. 129.

²² Руткевич А. М. Консерваторы XX века: Монография. - М: Изд-во РУДН, 2006. - 180 с.

²³ Сендеров В. А. Кризис современного консерватизма //Новый мир. 2007, № 1. С. 117-151; Его же. Выстоявший утес. Эрнст Юнгер. На мраморных утесах //Знамя. 2010. № 9. С.225-229.

²⁴ Гузикова М. О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03/Гузикова Мария Олеговна. Екатеринбург, 2004. – С. 13.

историографии «консервативной революции»²⁵. Работа кемеровского историка представляет особый интерес в связи максимально широким охватом немецкой историографии «консервативной революции» вообще, и литературы об Э. Юнгере в частности. Так, автор говорит в конце раздела о «многоплановости и неоднозначности интеллектуального наследия» мыслителя, особенно «его раннего творчества», считая, что «четко и однозначно определить политический профиль Юнгера представляется едва ли возможным»²⁶, обозначая чрезвычайно важный вывод для понимания проблематики исследований о нем.

В докторской диссертации историка из Брянска С. В. Артамошина Э. Юнгер включен в изучение феномена интеллектуального течения «консервативной революции» в контексте политической жизни Веймарской республики²⁷.

В каждом случае интерес главным образом направлен на раннего Юнгера эпохи «консервативной революции», «Тотальной мобилизации» и «Рабочего». Эта тенденция являлась подавляющей до недавнего времени, и в принципе, характерна для большинства зарубежных работ о писателе.

По причине появления как уже, отмечалось выше, переводов работ мыслителя (в первую очередь, его дневников разного времени, а также отдельных литературных произведений) связанных и с «поствеймарскими» периодами жизни, в предисловиях и послесловиях к ним А. Михайловский, О. Пленков, Ю. Солонин предпринимают попытки выхода за рамки рассмотрения Юнгера сугубо

---

²⁵ Григорьева О. В. Эрнст Юнгер в культурфилософском пространстве XX века: дис. канд. филос. наук : 09.00.13/ Григорьева Ольга Владимировна. — СПб. 2006. 165 с.; Гузикова М. О. Философия тотальной мобилизации в творчестве Эрнста Юнгера // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке. - Екатеринбург: Изд. УГУ, 2000. С. 67-73; Милиев В. А. Немецкий романтизм и формирование консервативной идеи: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03/ Милиев Вадим Анварович. — Мурманск, 2006. — 290 с.; Михайловский А. В. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера: дис. канд. филос. наук : 09.00.03/ Михайловский Александр Владиславович. — М., 2001. 168 с.; Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 2011. - 194 с.

²⁶ Терехов О. Э. Указ. соч. С. 166.

²⁷ Артамошин С. В. Интеллектуальное течение "консервативной революции" в политической жизни Веймарской республики: дисс. д-ра ист. наук : 07.00.03/ Артамошин Сергей Викторович. — Брянск, 2011. 390 с.

в рамках «консервативной революции». В связи с публикацией на русском языке замечаний писателя и его перевода максим французского мыслителя А. де Ривароля Пленков представляет Э. Юнгера как оторванного от политики интеллектуала, у которого «никогда не было никакой политической философии, и он никогда не участвовал в повседневной политике»²⁸. Следуя позиции немецких биографов Х. Кизеля и Х. Швилка, петербургский ученый видит в мыслителе «чуткого сейсмографа», уловившего в середине 50-х гг. XX в. «слабые толчки, свидетельствовавшие о грядущем обращении к консервативным ценностям», к неоконсерватизму. Автор, ссылаясь на цитату западных коллег о том, что писатель выступал как «ходячая реклама модного консерватизма» в эпоху канцлерства Г. Коля, поражается пластичности интеллекта и предвидению Юнгера²⁹. Помимо явного противоречия, возникающего между «оторванным от практики интеллектуалом» и «рекламой консерватизма», следует отметить, что чтением Ривароля Юнгер увлекся еще в 1941 г.³⁰ и к неоконсерватизму оно не имеет ровным счетом никакого отношения. В целом, публикации Пленкова изобилуют спорными суждениями и фактическими неточностями.

А. Михайловский, как и многие зарубежные авторы до него, не избежал крена в сторону «интеллектуализации» раннего Юнгера и презентации его как «сейсмографа грядущих изменений», посвятившего себя, «в конечном счете, чистой литературе»³¹. При этом, явным противоречием в статье-послесловии ученого-философа к публикации отдельных статей политической публицистики Э. Юнгера выглядит попытка уместить в нем одновременно и политического интеллектуала, и оторванного от политики литератора.

Чуть позже, несмотря на прежний курс отрыва мыслителя от практической политики, исследователь признает факт взаимосвязи между писателем и

²⁸ Пленков О. Ю. Роль и место Ривароля в творческой эволюции Э. Юнгера//Э. Юнгер. Ривароль. - Спб.: Владимир Даль, 2008. - С. 46.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Ernst Jünger-Carl Schmitt. Die Briefe. 1930-1983/Hrsg. von H. Kiesel. – Stuttgart, 1999. - S. 131.

³¹ Михайловский А. Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии. Послесловие//Э. Юнгер. Националистическая революция. - М.: Скимень, 2008. - С. 354-356.

распространенным в эру Аденауэра консервативным умонастроением³² (последнее вызывает ряд возражений из-за глубоко либерально-социального политического курса ФРГ). В статье, посвященной обзору интеллектуальной истории Германии, начиная с 1871 г. до наших дней Эрнст Юнгер наряду с другими правыми мыслителями представлен с 1950-х гг. как интеллектуал, избравший стратегию «эзотерической коммуникации» (термин, заимствованный у немецкого ученого Д. Мората), которая служила «распространению консервативной мысли в послевоенной Германии»³³. Философ полагает, что «этот стиль оставался характерным для правоконсервативных интеллектуалов и после их возвращения в публичное пространство»³⁴, без уточнения, когда это возвращение состоялось.

В. Сендеров в своей статье, посвященной выходу в свет русского перевода романа писателя «На мраморных скалах» отмечает, что в ФРГ «законченный консерватор, Юнгер сдержанно относился к прекрасному новому миру. Но знаки внимания и награды от Федеративной Республики все-таки принимал. Сильная, порвавшая с прошлым правовая страна устраивала его»³⁵. Однако, публицист считает, что влияние Юнгера после Второй мировой войны несравнимо с прежним, Веймарским временем и он «отодвинулся в непостижимо далекое прошлое»³⁶, тем самым продолжая линию исследовательского наклона в сторону раннего творчества.

Из всего вышеописанного, становится понятно, что относительно анализа взаимосвязи между консерватизмом и творчеством Э. Юнгера на протяжении всей его жизни российские ученые находятся в состоянии первоначального поиска.

---

³² Его же. «Подобрать свою рифму к миру»: путевые заметки Эрнста Юнгера//Э. Юнгер. Семьдесят минуло. 1965-1970. (Излучения III). - М.: ООО «Ад Маргинем» Пресс», 2011. - С 684.

³³ Его же. Германия//Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов/Под ред. В.А. Куренного. - М.: некомм. фонд «Наследие Евразии», 2009. - С. 154.

³⁴ Там же.

³⁵ Сендеров В. А. Выстоявший утес. Эрнст Юнгер. На мраморных утесах//указ. соч. С. 229.

³⁶ Там же.

В зарубежной историографии сформировались определенные принципы изучения юнгеровского творчества в части его консервативной составляющей. Во многом им следуют российские ученые, когда речь идет о таких характеристиках, как «сейсмограф эпохи», «правый интеллеktуал», «оторванный от политической практики писатель». Нужно отметить, что в наиболее обширной из всех европейских, немецкой «юнгерiane», также есть важные особенности.

Биографический жанр зародился в «юнгерiane» довольно рано, однако наиболее важными являются сравнительно недавние работы, которые охватывают весь жизненный путь Э. Юнгера. Речь идет о вышедших почти синхронно в 2007 г. работах Х. Кизеля и Х. Швилка³⁷. Оба не были новичками в исследовании творчества писателя. Профессор Гейдельбергского университета, специалист по современной немецкой литературе Хельмут Кизель является составителем и комментатором обширного тома переписки философа с известным и одиозным немецким правоведом Карлом Шмиттом. Кроме того, он был автором ряда статей и работ, посвященных юнгеровской проблематике³⁸.

Журналист Хаймо Швилк, не одно десятилетие занимался изучением творческого наследия и жизненного пути Эрнста Юнгера. Он с самого начала своей «юнгерiane» делает упор на изложение фактов из жизни философа, выпустив в 1988 г. альбом, снабженный выдержками из писем и документов, краткими информационными сообщениями от составителя, по структуре, напоминающий труд К. О. Пэтеля³⁹. Кроме того, он также отметился рядом

---

³⁷ Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. — München: Siedler Verlag, 2007. - 717 S.; Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biografie. — München: Piper Verlag, 2007. - 623 S.

³⁸ Kiesel.H. Wissenschaftliche Diagnose und Vision der Moderne. Max Weber und Ernst Jünger. - Heidelberg: Manutius Verlag, 1994. - 222 S.; Kiesel H. Eintritt in ein cosmisches Ordnungswissen//Frankfurter Allgemeine Zeitung, 29 Marz 1999. №74.- S. 55; Kiesel H. Nachwort des Herausgebers//Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. 1930-1983/Hrsg. von H. Kiesel. – Stuttgart, 1999. - S. 851-881.

³⁹ Ernst Jünger – Leben und Werk in Bilddokumenten und Texten/Hrsg. H. Schwilk. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. - 320 S.

публикаций по различным вопросам творчества мыслителя и участвовал в издании сборников статей к его юбилею⁴⁰.

Обе работы можно назвать по праву обобщающими с биографической точки зрения. В каждой из них, несмотря на изначально поставленные творческие задачи, доминирует фактологический уклон. В случае Кизеля, это чаще литературно-сравнительные контроверзы, в книге Швилка — малоизвестные события жизни писателя.

Кизель проводит обстоятельный текстологический анализ работ Э. Юнгера, прежде всего тех, которые впоследствии были подвергнуты неоднократной переработке (“Bearbeitungsmanie”)⁴¹, что представляет особый интерес и дает понять некоторые особенности писательского мировоззрения, его стремление «двигаться по различным слоям истины»⁴². Ученый также делает упор на широту масштабов юнгеровского подхода, далеко выходящего за рамки текущей политики.

Швилк пытается в соответствии с поставленными задачами раскрыть взаимосвязь между событиями в жизни писателя и его творчеством, при этом порой погружаясь в чрезмерные подробности личной жизни и психологические аллюзии. Так, довольно большое место в его исследовании отводится детским и юношеским годам жизни мыслителя. На взгляд Швилка, «поход» в детство автора — это важный момент в исследовании. Как он далее пишет: «если мы хотим знать, кем действительно был Юнгер за всеми масками и метаморфозами, то необходимо обратиться к его детству, потому что, несмотря на все превращения, он до конца оставался ребенком»⁴³.

Есть еще один важный с точки зрения классификации момент. Обе биографии существенным образом склоняют чашу временных весов в сторону

---

⁴⁰ Schwilk H. Widerstand durch reine Geistnacht. Ernst Jünger im Dritten Reich // Criticon. Konservativ heute. - München: Januar/Februar/März 1998, №157. - S. 22-27; Schwilk H. Wolff U. Die Konversion. Ernst Jünger und Katolizismus // Welt am Sonntag, 28 März 1999. №13, S. 33-34; Schwilk H. Ernst Jünger - A. Hitler. Die Briefe // Welt am Sonntag, 17.01. 1999. S. 31-32.

⁴¹ Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. S. 218.

⁴² Ibidem.

⁴³ Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. S. 23.

Веймарского периода писателя, который занимает в каждой из них более половины всей работы. Времени после Второй мировой войны уделено менее четверти всего объема. Оба автора, несомненно, являются во многом поклонниками мыслителя, и возможно, стремятся к тому, чтобы максимально обелить его в вопросе ответственности за приход нацистов к власти. В пользу этого говорит и материал книг. Кизель в единственном экскурсе в своей работе, посвященном теме нацизма, упоминает и о раннем признании «общей вины», и о рассуждениях мыслителя о «пути модерна» в связи с тоталитаризмом, выводящих феномен нацистских преступлений далеко за рамки Германии⁴⁴. Схожим образом Швилк говорит и о том, что для Э. Юнгера «техника массового убийства еще одно подтверждение тенденций современной цивилизации»⁴⁵, а для обозначения особой позиции писателя, приводит в качестве примера факт расхождения с Карлом Шмиттом в вопросе оценки такого события, как «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., упоминая о том, что Юнгер не принял оппортунизм Шмитта и демонстративно переправил последнему письмо, в котором запретил «Фелькише беобахтер» публиковать свои работы⁴⁶.

Авторы едины во мнении, что писатель — фигура большого масштаба и выражая это мнение хоть и в разных понятиях — «сейсмограф» у Кизеля или «европейский классик» у Швилка, стремятся всячески вывести Юнгера из узких шор разногласий последних 50 лет. Оба сходятся в том, что философ является «репрезентантом» прошедшего века, через изучение наследия которого можно уловить и понять суть произошедших катастроф и иных событий.

Оба исследователя практически обошли вниманием вопрос взаимосвязи консерватизма и творчества Э. Юнгера, и тем более динамики консервативных взглядов писателя. Кизель в конце книги посвятил небольшой подраздел под

---

⁴⁴ Kiesel H. Op. cit. S. 552-557.

⁴⁵ Schwilk H. Op. cit. S. 435.

⁴⁶ Ibid. S. 369.

названием: «Вдохновитель консервативной волны?», в котором ограничился перечислением чужих точек зрения на этот вопрос⁴⁷.

Еще одна биография, которая охватила весь период жизни мыслителя, вышла в 1998 г. Ее автор, Пауль Ноак, в значительной мере связывающего повороты в эволюции юнгеровской мысли с историческими потрясениями XX в., особенно мощно сказавшимися на судьбе Германии. Юнгер представлен в работе как «немецкий автор европейского ранга»⁴⁸. И все же Ноак отдал дань традиции, рассматривая его вне системы принятых политических координат, главным образом как «мечтателя, авантюриста и денди», оставляя ему только право быть «правореволюционным писателем, давшим отпор национал-социалистам»⁴⁹. Структура работы следует хронологии жизни писателя, и лишь иногда автор оканчивает главы короткими теоретическими резюме и обобщениями, например, о противоречиях с К. Шмиттом⁵⁰ или метафизике мыслителя⁵¹. В целом, в книге также наблюдается дисбаланс периодов изучаемого творчества, только две главы посвящены заключительному 35-летию жизни Юнгера и фактический материал явно доминирует над анализом. И, конечно же, консерватизму в его творчестве не уделено должного внимания. Последней крупной работой подобного плана является книга И. Магенау, в которой также сделан упор на биографическое исследование жизни и творчества братьев Юнгер⁵².

Сугубо академическим подходом к объекту исследования отличается книга берлинского ученого Стефена Мартуса «Эрнст Юнгер», вышедшая в 2001 г., в которой рассматривается творчество писателя, как по хронологической вертикали, так и проблемной горизонтали⁵³. Кроме того, важнейшей

⁴⁷ Kiesel H. Op. cit. S. 654-657.

⁴⁸ Noack P. Ernst Jünger. Eine Biographie. - Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. S. 7.

⁴⁹ Ibid. S. 333.

⁵⁰ Ibid. S. 259.

⁵¹ Ibid. S. 240.

⁵² Magenau J. Brüder unterm Sternenzelt. Friedrich Georg und Ernst Jünger. Eine Biographie.— Stuttgart: Klett-Cotta Verlag, 2012. — 315 S.

⁵³ Единственным, выбивающимся за рамки хронологической последовательности является 2 раздел в третьей главе, неожиданно посвященный детству, энтомологическому увлечению и наркотикам. Martus S. Ernst Junger. — Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S.109-123.

особенностью исследования является многообразие представленных в каждой из глав точек зрения по различным вопросам и проблемам творчества Юнгера. В этом смысле, оно представляет и особую историографическую ценность, прежде всего, на момент выхода в свет.

Подобно Ноаку, Мартус выводит воззрения философа за пределы политического поля, подчеркивая, прежде всего их неординарность и своеобразие. Они выглядят исключительно амбивалентными, ускользающими от какой бы то ни было классификации. В них Мартус выделяет, главным образом, остроту, «колючесть», неортодоксальность. При этом он ссылается на слова писателя: «Я в течение моей жизни вызывал раздражение у многих» — и не считает их кокетством, а скорее выражением той позиции, которая была органична для него⁵⁴. Иными словами, Мартус настойчиво проводит мысль о том, что для оценки творчества мыслителя не подходят партийно-политический и идеологический схематизм.

Книга Мартуса интересна тем, что в ней дается характеристика самым последним трудам Э. Юнгера в связи с его общей творческой эволюцией, хотя для нее также характерна концентрация внимания на Веймарском периоде. Однако, ученый не игнорирует серьезной трансформации воззрений мыслителя и упоминает о некоторых аспектах его консерватизма в связи с отдельными работами⁵⁵ и консервативной идеологией в период после 1945 г., когда шла речь о специфике отношений между Юнгером, новыми правыми и неоконсерватизмом в немецкой научной литературе. Особенное внимание Мартус уделяет роману Э. Юнгера «Эвмесвиль» (1977), в котором можно, на его взгляд, и взгляды других ученых, увидеть взаимосвязь между реакцией новых правых и позициями Юнгера на европейские события 70-х гг. XX в.⁵⁶.

Также следует сказать о работе явного симпатизанта мыслителя — книге Карла Отто Пэтеля. Он связан с ним общим национал-революционным прошлым,

---

⁵⁴ Ibid. S. 1.

⁵⁵ Ibid. S. 120; 169-170.

⁵⁶ Ibid. S. 173; 213.

являлся основателем группы социал-революционного национализма в консервативно-революционном течении, был даже ангажирован для издания журнала «Грядущее» (Die Kommenden). Наряду с А. Молером и Х. П. де Кудром вплоть до своей смерти в Нью-Йорке в 1975 г. Пэтель был глубоко погружен в творчество писателя. Поэтому его работа долгое время была источником важнейших фактов и фотодокументов.

Пэтель, в основном, старался представить взгляды своего кумира как аполитичные, лишённые конкретной идеологической подоплеки. Что касается произведений Юнгера «Мировое государство», «Мир», «У стены времени», то Пэтель рассматривает их в диалектической взаимосвязи с ранними произведениями⁵⁷. Следует сказать, что обилие фактов в работе Пэтеля сочетается с концептуальными обобщениями, а распределение материала по периодам, насколько это возможно, происходит равномерно, что даёт право назвать его композиционно сбалансированным.

Среди проблемно-аналитических работ, рассматривающих суть консервативного содержания и динамики творчества Юнгера, несводимую к одному Веймарскому периоду, особо следует выделить исследование авторитетного немецкого историка Х.-П. Шварца, автора, пожалуй, одной из самых глубоких и концептуальных монографий о мыслителе. В ней он не сомневается в правомерности причисления Эрнста Юнгера к консерваторам, с учётом его динамики от «милитаристски настроенного активиста» к консерватору либерального толка⁵⁸. Опираясь на выдержки из работы «Мировое государство», в названии своей монографии Шварц закрепляет термин «консервативный анархист»⁵⁹. Но все же, в этой странной смеси традиции и индивидуального протеста (отчасти связанного с ранним романтическо-консервативным пониманием свободы у консерваторов⁶⁰), учёный отмечает очень важный момент.

---

⁵⁷ Ernst Junger in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten / Hrsg. K. O. Paetel. S. 105.

⁵⁸ Schwarz H. P. Die konservative Anarhist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. — Freiburg in Br.: 1962. S. 15.

⁵⁹ Ibid. S. 188.

⁶⁰ Манхейм К. Консервативная мысль//Диагноз нашего времени. М.; Юрист,1994. С. 605.

Хотя Э. Юнгеру, в отличие от Эдмунда Берка и Рассела Кирка, и не присуща вера в преемственность, в возможность синтеза традиционного и нового⁶¹, тем не менее, считает Шварц, Юнгер очень близок по духу традиционалистским консерваторам XIX в., как по набору ценностей, так и в метафизическом плане. Ему так же, как и Х. Доносо Кортесу, Ж. де Местру, Ф. Р. де Шатобриану, свойственна дифференциация между «традиционными формами бытия», подверженным времени и вечным «надвременным» порядком, считает исследователь⁶². Это замечание, сделанное в начале 60-х гг. прошлого века, является, на наш взгляд, одним из самых важных во всей «юнгерiane».

Несомненно, по оригинальности и концептуальности исследования после Шварца следует работа философа и социолога Петера Козловски, чье представление о творчестве Э. Юнгера захватывает непредсказуемостью поворотов в основной канве. Несмотря на относительно небольшой размер монографии (200 страниц в немецком издании) автору удалось в заданных им хронологических рамках с 1914 по 1989 гг. найти необходимый временной и смысловой баланс. Козловски одним из первых заявил о связи между работами писателя и постмодернизмом, правда, в особом понимании постмодерна⁶³, чем существенно повлиял на формирование особого подхода в современном юнгероведении. Важнейшим моментом в трудах Юнгера для исследователя является возможность понимания модерна как целого, «духа эпохи и тем самым самих себя»⁶⁴. Для Козловски является знаковой манера писателя творить «непринужденно» (автор использует понятие *desinvoltura* — излюбленный термин Э. Юнгера) и одновременно «на поэтической дистанции», что «может служить метаисторическому рассмотрению идеологий»⁶⁵. Как видно из этого, автор стремится к максимально широкому обобщению, и поэтому не случайно, что в его работе появляется ключевое методологическое понятие мифа. По мысли

⁶¹ Schwarz H. P. Op.cit. S. 187.

⁶² Ibid. S. 186.

⁶³ Koslowski P. Der Mythos der Moderne. Die dichterliche Philosophie Ernst Jüngers. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. S.13; 166.

⁶⁴ Ibid. S. 13.

⁶⁵ Ibid. S. 15.

философа, мыслитель создает философский эпос, находящийся на стыке наук и мифа⁶⁶ и это особенно заметно при наблюдении за динамикой юнгеровских работ⁶⁷.

Козловски, как и Шварц, по-своему постоянно подчеркивает амбивалентность воззрений и творчества автора. Например, исследователь считает, что ранние юнгеровские труды являются «попыткой выйти за пределы рационализма, не становясь иррациональным», а «его мифология и теософия рождены из стремления преодолеть нигилизм», но привели, в конце концов, к еще большему погружению в нигилизм⁶⁸.

Очевидно, что этими выводами и продиктовано появление определения «консервативный модернист». Ученый считает, что юнгеровский «консерватизм колеблется между модернизмом и традицией, нигилистическими идеями порядка и мифом, мобилизацией и сохранением»⁶⁹. В конце концов, Козловски называет Э. Юнгера даже «скрытым либералом»⁷⁰. Исследователь отражает многообразие воззрений Юнгера, но не всегда может убедительно в них разобраться.

Наконец, наверное, одной из самых важных в ракурсе диссертации является недавно появившаяся большая работа Даниэля Мората, в которой проводится сравнительно-исторический анализ консервативных взглядов Э. Юнгера⁷¹. Помимо творчества Э. Юнгера в монографии рассматриваются воззрения близких к нему брата, Фридриха Георга и Мартина Хайдеггера. В основе работы лежит идея о том, что консерватизм Э. Юнгера и его интеллектуальных партнеров претерпел существенные изменения от политического активизма 20-х — начала 30-х гг. прошлого века, через «внутреннюю эмиграцию» в годы нацизма к отходу от политики к «спокойствию» в 50-е гг. XX в⁷². Автор видит в их консерватизме

---

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibid. S. 17.

⁶⁸ Ibid. S. 19-20.

⁶⁹ Ibid. S. 164.

⁷⁰ Ibid. S. 198.

⁷¹ Morat D. Von der Tat zur Gelassenheit. Konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger. — Göttingen, Wallstein Verlag. 2007. — 592 S.

⁷² Ibid. S. 524.

формальную динамику от «консервативно-революционной» стадии, «активистской логики «консервативной революции» 20-х начала 30-х гг., до неполитического «антидемократизма» и традиционалистских форм консерватизма в конце 40-х -50-х гг. XX в. через изменение отношения к участию в реальной политике и идеологической борьбе⁷³. Отход от активного участия в политике в 50-е гг. не означал, полагает Морат, что писатель утратил консервативное сознание, которое проявлялось в критике современных тенденций и в таком же, как и прежде, неприятии демократических и буржуазных порядков, несмотря на включенность в официальную систему жизни в ФРГ⁷⁴. Подобно Шварцу, помимо типологической динамики, Морат также отмечает некоторые черты сходства юнгеровского консерватизма с классическими формами идейно-политической традиции, внешний сдвиг к которым произошел под воздействием узнавания нацистских преступлений после 1945 г.⁷⁵. И хотя после этого последовали обвинения со стороны новых правых в «садовом консерватизме» в духе Э. Берка, Юнгер все же оставался, считает Морат, их «идейным вдохновителем»⁷⁶.

Работа Мората является чрезвычайно ценной, но ее главным недостатком, который изредка прорывается через упоминание фактов, выходящих за рамки рассматриваемых периодов жизни мыслителей, являются ограниченные хронологические границы, не позволяющие делать полномасштабных выводов о консервативном транзите юнгеровских воззрений.

В связи с вышеуказанным противоречием с новыми правыми, было бы несправедливо не упомянуть о важнейшей, с типологической точки зрения, работе одного из ведущих идеологов «новых правых» в ФРГ. Речь идет о диссертации известного правоконсервативного публициста и мыслителя Армина Молера, бывшего недолгое время секретарем Э. Юнгера, «Консервативная революция в Германии 1918-1932», которая пережила несколько изданий (шестое,

---

⁷³ Ibid. S. 16.

⁷⁴ Ibid. S. 528.

⁷⁵ Ibid. S.18.

⁷⁶ Ibid. S.17.

переработанное издание вышло уже после смерти автора)⁷⁷ и сегодня считается едва ли не классической по типологии такого многосложного явления, как «консервативная революция». По крайней мере, ни один ученый не может пройти мимо нее, особенно при изучении раннего периода творчества писателя. Основательное знание предмета исследования, можно сказать, «изнутри», придает книге Молера большой познавательный интерес. Но принадлежность к стану «консервативных революционеров» побуждает его проводить между революционным консерватизмом и нацизмом гораздо более глубокий водораздел, нежели это было в реальности. Такой подход не мог не сказаться на интерпретации Юнгера как «революционного консерватора». Тем не менее, Молер, хорошо знавший творческий путь писателя, раскрывает оригинальность его взгляда и специфическое место в обширном комплексе «консервативной революции». Вполне оправданно его стремление показать Э. Юнгера без какой-либо «ретуши» как своеобразную фигуру, которая не растворялась в потоке этого движения, а сама по себе была важным элементом, «оказывавшим доминирующее влияние на весь «национал-революционный лагерь»⁷⁸.

Анализируя эволюцию писателя, Молер видит в начале его пути «наивный национализм» с оттенком идей Барреса (прежде всего в работе «Борьба как внутреннее переживание»), элементы «прусского анархизма» и национал-большевизма в «Рабочем»⁷⁹. Кроме того, «раннего» Юнгера автор относит к группе «Солдатского национализма»⁸⁰. Все это свидетельствует в пользу того, что даже в этот период он как публицист интегрировал в своем мировоззрении широкий спектр праворадикальных идей.

Молеру же принадлежит важная публикация в сборнике «Международный консерватизм» под названием «Фашистский стиль» в которой он противопоставляет понятия «фашизм» и «национал-социализм» на примере

⁷⁷ Mohler A. Weißmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. 6, überarb. und erw. Auflage. — Graz: Ares-Verlag, 2005. — XXV — 643 S.

⁷⁸ Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. - Darmstadt, 1972. S. 457.

⁷⁹ Ibid. S. 331-332.

⁸⁰ Ibid. S. 441.

Юнгера⁸¹, и относит его к эстетам, литературным репрезентантам «фашистского стиля»⁸², имеющим мало общего с нацизмом.

Значительно позднее будет заочно полемизировать с Молером немецкий ученый С. Бройер, который в своей работе о «консервативной революции» сомневается в правомерности употребления этого термина по отношению к разномастным критикам республики, которых объединяет лишь одно – неприятие ими либерализма, что не может быть достаточным основанием для их объединения⁸³. Для Бройера молеровское обобщение является исследовательским мифологическим архетипом, которому следуют по привычке. В то же время, общие черты, которые находит ученый, такие как «апокалиптика и готовность к применению насилия»⁸⁴, скорее стирают особенности групп, входящих в круг «консервативной революции» и поэтому также не могут быть основанием для применения термина. В отношении Э. Юнгера Бройер также находит аргументы, подтверждающие его категорийное отличие от всех остальных участников «консервативной революции»: его причастность к «фронтовому поколению», военной «старой когорте»⁸⁵, особенности представлений об имперском стиле⁸⁶ и социальном устройстве, как явно правого толка, так и анархистского плана⁸⁷, полагая, что понимание юнгеровского творчества этого периода не нуждается в таком обобщении как «консервативная революция».

Американский исследователь Клеменс фон Клемперер в своей книге «Германский новый консерватизм. История и дилемма в XX веке» (1957) по-своему смотрит на феномен «консервативной революции». Он говорит о «новом консерватизме», тем самым подчеркивая связь этого явления с традиционным консерватизмом. Историк видит в юнгеровском радикальном творчестве

---

⁸¹ Mohler A. Der faschistische Stil//Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. – Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 178-179.

⁸² Ibid. S. 188.

⁸³ Breuer S. Anatomie der konservativen Revolution. — Darmstadt: Wiss. Buchges., 1993. - 232 S.

⁸⁴ Ibid. S. 47.

⁸⁵ Ibid. S. 33.

⁸⁶ Ibid. S. 108.

⁸⁷ Ibid. S. 154; 183; 193.

сочетание черт и свойств, присущих традиционному консерватизму и консерватизму новому, настроенному на радикальное разрушение Веймарской «системы». При этом, на его взгляд, у Юнгера веймарских времен радикализм явно доминирует над традиционализмом. Клемперер считает, что «он пожертвовал принципом ради напора. Среди всех неоконсерваторов он наиболее отчетливо показал точку, где консерватизм потерял своеобразие из-за нигилизма»⁸⁸. Следует отметить, что для исследователя неоконсерватор – это новый консерватор в буквальном, хронологическом смысле, отличающийся от традиционных консерваторов и течения в американском консерватизме. Вообще же, считает Клемперер, в идеологии «консервативной революции» «революционное» преобладает над «консервативным» и склонен называть ее «псевдоконсерватизмом»⁸⁹.

В третьей части работы («Три основных выразителя нового консерватизма») одна из глав называется «Нигилизм раннего Эрнста Юнгера», что говорит о том значении, которое придает ему, наряду с М. ван ден Бруком и О. Шпенглером, Клемперер. Автор отмечает, что публициста отличало от двух уже упомянутых авторов: «Юнгер протестовал против мышления самого по себе. Для него Мёллер и Шпенглер были “литературой”»: его неприятие буржуазного мира приняло форму восхваления чистого действия. Он был активистом. В свете удушающего эффекта общества и тщетности его ценностей и целей, для Юнгера оставался, как выражение протеста, только величественный поступок»⁹⁰. При этом Клемперер дает неожиданную характеристику писателю, замечая, что и в то время молодой автор был явлением европейского масштаба, «каковым является и в наши дни. Он принадлежал той плеяде мыслителей, которых мы сейчас называем “экзистенциалистами”»⁹¹. В то же время, для Клемперера «Эрнст Юнгер не был отдельным феноменом. Он являлся частью

⁸⁸ Klemperer K. von. *Germany's New Conservatism. Its History and Dillema in the Twentieth Century.* — Prinston; New Jersey, 1957. — P. 185.

⁸⁹ Цит по: Рахшмир П. Ю. Проблемы западноевропейского консерватизма в современной буржуазной историографии//Рахшмир. П. Ю. Вариации на тему консерватизма. - Пермь, 2004. - С. 15.

⁹⁰ Klemperer K. *Op. cit.* S. 180.

⁹¹ *Ibid.* S. 181.

неспокойного поколения»⁹². Исследователь полагает, что «в истории западной мысли ранний Эрнст Юнгер занимает положение, где сходятся экзистенциализм и нигилизм» и видит в нем одновременно антирационалиста, «мощного картезианца и ницшеанца» и посему «его можно было бы политически назвать консерватором, если бы он не довел консерватизм до абсурда»⁹³.

Близкую позицию занимает шведский историк Йоран Даль в своей работе «Радикальный консерватизм и будущее политики», хотя понятие «радикальный консерватизм» несколько шире и «консервативной революции» и «нового консерватизма», поскольку выходит за рамки Веймарского периода. Произведение Даля отличается еще тем, что Юнгер рассматривается в нем как представитель не только немецкого, но и международного «радикального консерватизма». И в этой связи он размещается среди обширной плеяды мыслителей, каждый из которых является слишком крупной величиной, почти не поддающейся сопоставлениям⁹⁴. Полюсами этой плеяды являются Мирче Элиаде и Мартин Хайдеггер. Взгляды Юнгера рассматриваются в одной связке с воззрениями Хайдеггера, Шмитта, Фрайера⁹⁵.

Американский исследователь Джеффри Херф применяет довольно парадоксальное общее определение по отношению к Юнгеру и другим праворадикальным идеологам Веймарской республики, считая, что его можно назвать «реакционным модернистом» за попытку соединения технологического и социального господства, политического господства и традиционных немецких символов, таких как воля и форма⁹⁶.

Вкратце следует упомянуть еще несколько авторов, давших разные оценки в своих работах раннему творчеству Э. Юнгера. В контексте понятия «новый

---

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibid. S. 185.

⁹⁴ Казаков С. О. Современная историография творчества Эрнста Юнгера // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екат.: Изд. Уральского ун-та. 2008. Вып. 16, №59. С. 132.

⁹⁵ Dahl G. *Radical Conservatism and the Future of Politics*. - New Delhi: Sage Publications. 1999. - P. 99.

⁹⁶ Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge, Cambridge University Press. 1984. P. 106.

национализм» его рассматривают М. Хиетала, Р. Зиферле и Л. Дюпе, причем последние двое отмечают видную роль Юнгера в «консервативной революции»⁹⁷. Зато подобно Хиетале, исследователь Р. Буше фиксирует определенные сложности в сочетании «нового национализма» Юнгера с консерватизмом⁹⁸. М. Шлосбергер идет дальше всех и ставит под сомнение идейную взаимосвязь мыслителя не только с консерватизмом, но и с «консервативной революцией»⁹⁹. Используя модернистскую трактовку «консервативной революции», рассматривает воззрения Э. Юнгера в контексте модерна английский германист Т. Рокрэммер¹⁰⁰. Известный немецкий историк Генрих Август Винклер назвал в своей истории Веймарской республики Э. Юнгера «самым значительным автором правых»¹⁰¹.

Среди монографий, упоминающих Э. Юнгера, важно отметить две крупных работы по немецкому консерватизму: Мартина Грайфенхагена и Курта Ленка, включающие в себя глубокие структурно-аналитические и исторические обобщения¹⁰².

В обширном исследовании М. Грайфенхагена Э. Юнгер первоначально появляется в его 3 части в связи с «консервативной революцией», «эстетической концепцией войны» и ее мифическим восприятием¹⁰³. Затем автор монографии утверждает, что в романе «Гелиополис» (1949) как раз ярко проявляется дилемма

⁹⁷ Hietala M. Der Neue Nationalismus in der Publizistik E. Jüngers und des Kreises um ihn 1920-1933. - Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1975.— 274 S.; Dupeux L. «Nazionalbolschewismus in Deutschland 1919-1933: kommunistische Strategie und konservative Dynamik. - München: Beck, 1985. — 492 S.; Siefert R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lesch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer. — Frankfurt/Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. — 250 S.

⁹⁸ Bussche R. Von dem Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. – Heidelberg: Universität C. Winter, 1998.— 428 S.

⁹⁹ Schloßberger M. Ernst Jünger und die Konservative Revolution. Überlegungen aus Anlaß der Edition seiner politischen Schriften// http://www.iaslonline.lmu.de/index.php?vorgang_id=2382

¹⁰⁰ Rohkrämer Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880-1933. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. — 404 S.

¹⁰¹ Винклер Г. А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии. — М.: Росспэн, 2013. С. 676.

¹⁰² Greifenhagen M. Das Dilemma des Konservatismus im Deutschland mit einem neuen Text. - Frankfurt am M.; 1986. — 437 S.; Lenk K. Deutscher Konservatismus. – Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag, 1989. — 330 S.

¹⁰³ Greifenhagen M. Op. cit. S. 277.

немецкого консерватизма (традиции и авторитета), демонстрирующая его (консерватизма) дистанцию «от своей истории и традиции, в отличие от остальных европейских консервативных движений»¹⁰⁴. Далее, в главе, посвященной технократическому консерватизму, Грайфенхаген затрагивает понятие «органическая конструкция» из «Рабочего» Э. Юнгера, подчеркивая его связь с этим консервативным ответвлением и являющимся, на взгляд ученого, еще одним проявлением старой консервативной дилеммы традиции и авторитета¹⁰⁵. Таким образом, Юнгер в работе Грайфенхагена предстает с одной стороны, выразителем извечного противоречия немецкого консерватизма между авторитетом власти и традицией, а с другой, — архитектурной фигурой для всего современного немецкого консерватизма.

В монографии Курта Ленка Эрнст Юнгер фигурирует только в 3 части, посвященной консервативной революции и оказывается, тем самым, жестко связанным с этим явлением. Критика парламентаризма и буржуазности наиболее ярко, по мнению Ленка, представлена в трактате «Рабочий» (1932), в котором нет ничего общего с экономическим господством буржуазного класса, подчеркивает исследователь, а скорее речь идет о «его протесте против раннебуржуазной прогрессивной мысли, якобы вызывающей унификацию и массовизацию»¹⁰⁶.

Несколько крупных работ сосредоточены на подробном литературоведческом и философском анализе работ Э. Юнгера. Речь идет о книге 1957 г. Герхарда Лоозе «Эрнст Юнгер: гештальт и труды»¹⁰⁷ и структурно совпадающей с ней во многом монографии швейцарского публициста Мартина Майера «Эрнст Юнгер», изданной в 1990 году. В центре каждой из них — глубокая проработка юнгеровских текстов и выстраивание через них связующих нитей с практической действительностью.

С точки зрения анализа творчества философа монография Майера вполне может считаться энциклопедической. Автор скрупулезно вписывает наследие Юнгера в ткань духовной и культурной истории XX в. Вместе с тем, он

---

¹⁰⁴ Ibid. S. 284.

¹⁰⁵ Ibid. S. 341.

¹⁰⁶ Lenk K. Op. cit. S. 160-161.

¹⁰⁷ Loose G. Ernst Jünger: Gestalt und Werk. — Frankfurt am Mein: Klostermann 1957. 380 S.

сопоставляет произведения Э. Юнгера с трудами различных крупных философов XIX – XX вв., среди которых можно встретить Карла Маркса, Освальда Шпенглера, Якоба Буркхардта. Далеко не все мысли Юнгера, высказанные в «Рабочем», «Тотальной мобилизации», нашли историческое подтверждение. Более того, некоторые из них были решительно опровергнуты ходом истории¹⁰⁸. Тем не менее, его, по мнению Майера, нельзя отнести к разряду пессимистов, поскольку ему чужд подход, в духе палингенетического мифа¹⁰⁹.

Для характеристики Юнгера Веймарского периода Майер, в отличие от многих, не использует термин «революционный консерватизм». В его книге этот период оценивается как «эра консервативного национализма»¹¹⁰. Завершением этой эры, по Майеру, явился приход к власти Гитлера. После этого автор уже не оперирует термином «консерватизм», оценивает взгляды объекта своего исследования уже в других категориях.

Примером избыточного концептуализма в структурном анализе является диссертационная работа Клауса-Фридера Бастиана, посвященная проблеме политического в трудах Э. Юнгера¹¹¹. В основе подхода ученого — внутреннее противоречие между нонконформизмом и компромиссом в «структуре политической экзистенции» мыслителя при столкновении с действительностью¹¹². Бастиан заостряет внимание на амбивалентности экзистенциального и социального положения писателя¹¹³.

При этом, весьма сложной и чрезмерной обобщенной в диссертации является представленная динамика консервативных настроений и предпочтений писателя, связанная с определенными событиями и работами. По мысли автора,

---

¹⁰⁸ Казаков С. О. Многоцветный консерватизм Эрнста Юнгера // В мире консерватизма: идеи, политика, люди. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Перм. ун-т.; ЗУИЭП, 2006. С. 50-51.

¹⁰⁹ Meyer. M. E. Jünger. — München-Wien: Hanser, 1990. S. 398.

¹¹⁰ Ibid. S. 218.

¹¹¹ Bastian K. - F. Das «Politischen» bei Ernst Jünger. Nonkonformismus und Kompromiß der Innerlichkeit. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Ruprecht-Karl-Universität zu Heidelberg. – Heidelberg: 1963. – 355 S.

¹¹² Ibid. S. 227.

¹¹³ Ibid. S. 237.

после прихода нацистов к власти во взглядах Юнгера произошло «консервативное торможение»¹¹⁴. Затем он, по мнению Бастиана, продемонстрировал «консервативное мужество» во второй редакции «Авантюрного сердца»¹¹⁵. Время Второй мировой войны для Э. Юнгера, считает исследователь, – это момент «консервативной адаптации», проявившийся в «экзистенции консервативного типа»¹¹⁶. В послевоенных же работах, происходит, считает Бастиан, «отделение» и «падение консерватизма», заключающееся в невозможности возврата к традиционной формам консерватизма¹¹⁷, что просматривается в романе «Гелиополис» (1949), являющимся еще одним продуктом «консервативной революции»¹¹⁸.

Серьезный вклад в понимание взглядов мыслителя вносит диссертация немецкого исследователя Аннэ Сундрам – «Риторика мифа. Литературная картина мира и политическая символика в трудах Мориса Барреса и Эрнста Юнгера» (1995), где дан анализ воззрений двух мыслителей. На этот параллелизм обращали внимание и другие авторы¹¹⁹, но Сундрам сделала его центральной темой крупного исследования. Сопоставление двух знаковых представителей правой политико-философской мысли оказалось чрезвычайно плодотворным¹²⁰.

И тот, и другой в разное время прошли похожую эволюцию в направлении от радикального консерватизма к его более умеренным типам. Автор как раз отмечает, что Юнгер после 1933 г., подобно Барресу кануна Первой мировой войны, эволюционирует от радикального национализма к консерватизму¹²¹, давая

---

¹¹⁴ Ibid. S. 146

¹¹⁵ Ibid. S. 151.

¹¹⁶ Ibid. S. 172.

¹¹⁷ Ibid. S. 201.

¹¹⁸ Ibid. S. 201-202.

¹¹⁹ Weißmann K. Maurice Barrès und der "Nationalismus" im Frühwerk Ernst Jüngers//Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten/Hrsg. G. Figal, H. Schwilck. -Stuttgart: Klett -Cotta. 1995. S. 133-146.

¹²⁰ Казаков С. О. Современная историография творчества Эрнста Юнгера//Указ. соч. С. 132.

¹²¹ Syndram A. Rhetorik des Mythos. Literarische Bilderwelt und politische Symbolik im Werk von Maurice Barres und Ernst Junger: Masch. Diss. — Aahen, 1995. S. 58.

свидетельство подвижности консерватизма, его способности к внутренней трансформации, переходу от одного типа к другому.

Если говорить об исследованиях крупных ученых, посвященных антидемократическому течению в Веймарской республике, в которых в той или иной мере Юнгер фигурирует в качестве знаковой персоны, то следует выделить работы либеральных историков К. Зонтхаймера и Дж. Моссе¹²². В них он проходит как носитель радикального антидемократического мышления.

Из статей, отражающих фрагменты других периодов творчества, следует отметить несколько важных публикаций, в разной степени погружающих в проблематику исследуемого объекта на том или ином этапе жизни, включая важные подробности личной и творческой жизни¹²³.

Отдельно следует сказать о малоформатном материале Карла Прюмма, который отмечает динамику политических взглядов Э. Юнгера от национализма к европеизму до начала 60-х г. XX в.¹²⁴. Несколько позднее, Рудольф Аугштейн в статье в журнале «Шпигель» подобным образом пытается проследить эволюцию создателя «военного эпоса» к состоянию «элитарного буржуа»¹²⁵. Важное историографическое значение для рассмотрения отдельных этапов жизни и творчества Юнгера имеют комментарии к его тексту о заложниках в Париже 1941-1942 гг.¹²⁶. Особую ценность представляет публикация с комментариями

¹²² Sontheimer K. Antidemokratische Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München. 1968. 359 S.; Mosse G.L. Die völkische Revolution. Über die geistigen Wurzeln des Nationalsozialismus. Fr. am M. 1991. 368 S.

¹²³ Reinhold U. Ernst Jünger: "Der Friede" – ein Beitrag zum Frieden?// Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. Berlin, 1989. S. 110-119; Jessen J. Wer denkt für die CDU?// Die Zeit. 2.06.2005, №23. S. 61; Müller H. "Stählerne Romantik" und Mythos Krieg. Anmerkungen zur Ernst-Jünger-Renaissance im Konservatismus der achtziger Jahre//Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. Berlin, 1989. S. 130-142;

¹²⁴ Prümm.K. Vom Nationalismus zum Abendlander. Zum politische Entwicklung Ernst Jüngers// Basis. Jahrbuch für deutsche Gegenwartsliteratur/ Hrsg. R. Grimm und J. Hermand. Frankfurt am Mein: 1976, Bd. 6. S.7-29.

¹²⁵ Augstein R. Der Ton der Bratsche. Über den Weg Ernst Jüngers vom Kriegerheros zum Elitebürger // Der Spiegel. 1995. №12. S. 206-212.

¹²⁶ Berggötz S. O. Ernst Jünger und die Geiseln// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte/Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. Oldenburg, München; 51. Jahrgang. Heft 3. Juli 2003. S. 405-417; Meyer A. Kleistische Prosa oder Polizeibericht? Anmerkungen zu Ernst Jüngers Denkschrift "zur

переписки Юнгера с выдающимся израильским ученым-философом, крупнейшим знатоком религии, каббалы и еврейской мистики Г. Шоломом (1897-1982)¹²⁷, проливающая свет на личное и публичное отношение Юнгера к антисемитизму. И, безусловно, большое значение имеют публикации, касающиеся переписки с А. Гитлером¹²⁸, позволяющие сформировать представление о степени близости с нацистским лидером.

В 70-е, 80-е и 90-е гг. XX в. в разрезе консервативной проблематики появлялись публикации, главным образом, обсуждавшие взаимосвязь Юнгера с «новыми правыми», «консервативной волной», оценкой глобальных процессов, и принадлежащие, как сторонникам из правоконсервативных изданий, таких как «Критикон» («Criticon») или «Юная свобода» («Junge Freiheit») ¹²⁹, так и критикам, обвинявшим мыслителя в реакционности, возврате к временам «консервативной революции», связывавшие с его именем возрождение экстремистско-консервативных идей¹³⁰.

Во время «консервативного ренессанса» 70-х гг., наступившего в качестве реакции на молодежные бунты конца 60-х, подход к Юнгера, особенно у консервативных авторов, ощутимо меняется по сравнению с послевоенным периодом. С этой точки зрения наиболее показательными являются произведения

Geiselfrage”//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. Oldenburg, München: 52. Jahrgang. Heft 2. April 2004. S. 281-289.

¹²⁷ Schöttker D. Zum Briewechsel zwischen Ernst Jünger und Gershom Scholem//Sinn und Form, №3, 2009. S. 303-308.

¹²⁸ Herzinger R. Der Fund des Parvenüs. Als Ernst Jünger von Adolf Hitler Post bekam // Die Zeit 21 Januar, 1999. S. 33; Schirrachter F. //H.-M. Hitler, Jünger und der entwandete Brief.Frankfurter Allgemeine Zeitung /18 Januar 1999.№14. S. 45.

¹²⁹ Schwilk H. Ernst Jünger – Prophet der Globalisierung//Criticon. Konservativ heute. München: Winter 2000, № 168. S. 26-30; Pschera A. Sehnsucht nach der großen Destillation. Jüngers Lektüren, zweiter Teil der JF-Serie: Ernst Jünger liest Leon Bloy, den Nietzsche Frankreichs//Junge Freiheit. 09/05/2005. Februar. 2005.

¹³⁰ Herzinger R. Werden wie alle Jünger? Über die renaissance konservativer Modernerkritik und die postmoderne Sehnsucht nach der organischen Moderne//Kursbuch. Die Zukunft der Moderne. — Berlin. Dezember, 1995. — S. 93-117; Kröll F. “Postmoderne und ‘Neue Rechte’: “Der Fall Ernst Jünger”//Sehnsucht nach Schicksal und Tiefe. Der Geist der Konservativen Revolution. Eickhoff V. /Korotin I. (Hg). — Wien: Picus, 1997. S. 166-182; Müller H. “Stählerne Romantik” und Mythos Krieg. Anmerkungen zur Ernst-Jünger-Renaissance im Konservatismus der achtziger Jahre//Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. — Berlin, 1989. S. 130-142; Seferens H. «Leute von übermorgen und von vorgestern». Ernst Jüngers Ikonographie der Gegenauflklärung und die deutsche Rechte nach 1945. — Bodenheim, 1998. - 398 S.

видного представителя «консервативной волны» в западногерманской историографии Г. К. Кальтенбруннера, который подчеркивает в произведениях мыслителя, прежде всего консервативную составляющую¹³¹. Автор в предисловии составителя в уже упомянутом сборнике «Интернациональный консерватизм» привел в пример писателя как «пионера глубокого проникновения в основы консерватизма», недоступного авторам обыкновенных консервативных идей¹³². Уже от этого высказывания возникает впечатление некоего баланса радикального и традиционалистского элементов. Кальтенбруннер подчеркивает трудности, связанные с интерпретацией консерватизма, ссылаясь при этом на слова Юнгера о том, что «понятие консерватизма вряд ли можно отнести к числу «счастливых»», легковоспринимаемых. Скорее всего, этим навеяно и название методологической статьи Кальтенбруннера «Трудный консерватизм»¹³³.

В сборнике «Неоконсерваторы и новые правые», вышедшем в 1983 г., в статье «Новые правые во Франции» М. Кристадлер отмечает важное значение творчества братьев Юнгеров – авторов, ставших одними из немецких теоретиков этого течения¹³⁴. Во Франции «новые правые» видят результат воплощения «буржуазного идеала просветительского рационализма», тогда как Германия предстает как «образец органически созданной общности с аристократическими ценностями»¹³⁵. Ален де Бенуа, один из лидеров «французской правой», весьма резко говорит о том, что «Немец – это Рабочий, а Француз – это Буржуа»¹³⁶. В своей работе «Дух буржуазности» он прямо следует рассуждениям Юнгера 20-х гг. прошлого века, когда пишет о том, что для буржуа «государство имеет

¹³¹ Казаков С. О. Современная историография творчества Эрнста Юнгера// Указ. соч. С. 130.

¹³² Vorwort des Herausgebers // Konservatismus International / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. — Stuttgart, 1973. S. 11.

¹³³ Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus//Rekonstruktion des Konservatismus/Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner.— Freiburg, 1972. S. 19-54.

¹³⁴ Christadler M. Die “Nouvele Droite” in Frankreich//Neokonservative und “Neue Rechte”. — München, 1983. S. 198.

¹³⁵ Ibid. S. 200

¹³⁶ Ibidem.

значение только с точки зрения соблюдения безопасности, позволяющей ему без риска пользоваться тем, чем он владеет»¹³⁷.

Важная роль в освещении творчества Э. Юнгера в 1990-е и 2000-е годы принадлежит правоконсервативному публицисту и историку Карлхайнцу Вайсманну. С ним связана пусть не широко известная, но вполне четко выраженная общественная тенденция особого правоконсервативного самовыражения, реализующаяся через медиа-структуру «Junge Freiheit» и «Sezession» («Сецессия»). В последнем, в феврале 2008 года (к 10-летию со дня смерти) целый номер был посвящен Э. Юнгеру¹³⁸. Авторы журнала при всей симпатии к писателю стремятся к объективному описанию его жизни и творчества, отмечая, в том числе и противоречия творчества и глубокую связь с правым движением¹³⁹. В «Sezession» публицисты часто не ограничиваются описанием лишь только Веймарского периода и в одной из последних публикаций даже называют Э. Юнгера «классиком мировой литературы»¹⁴⁰.

В уже упомянутом выше шестом переиздании работы А. Молера «Консервативная революция в Германии. 1918-1932» К. Вайсманн выступил в качестве ее соавтора, существенно переработав аналитическую часть книги, тем самым обозначив свое отношение к этому явлению и его ярчайшим представителям¹⁴¹. Вайсманн отстаивает понятие «консервативной революции» перед критиками Молера, ее идейное единство¹⁴², усиливая «защитный слой» при помощи новых историко-политических аргументов, через включение в почти полуторавековой контекст немецкого консерватизма. В этой связи, несколько по-иному представлен в содержательной части и Э. Юнгер. Вайсманн относит, как и Молер, Юнгера к «национал-революционерам», отмечая его изначальную

¹³⁷ Бенуа А. де. Дух буржуазности: URL: <http://arctogaia.com/public/v3/v3-1.shtml>

¹³⁸ http://www.sezession.de/wp-content/uploads/alte_nummern/sezession_heft22.pdf

¹³⁹ Weißmann K. Jünger und Mohler; Benoist A. de. Ernst Jünger und die Nouvelle Droite: URL: http://www.sezession.de/wp-content/uploads/alte_nummern/sezession_heft22.pdf

¹⁴⁰ Lehnert E. Wieder Neues über Jünger//Sezession. 2012. №46. S.42: URL: <http://www.sezession.de/wp-content/uploads/2012/01/Sez46.pdf>

¹⁴¹ Mohler A. Weißmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. 6, überarb. und erw. Auflage. — Graz: Ares-Verlag, 2005. — 643 S.

¹⁴² Ibid. S. 87-97.

идейную широту¹⁴³. Однако в этом издании он посвящает отдельный раздел К. Шмитту и Э. Юнгеру в связи с 1932 г.¹⁴⁴, полагая, что их отношение к национал-социализму было типологическим для всех консервативных революционеров¹⁴⁵. Юнгер в разделе представлен, как автор, который, начиная с «Авантюрного сердца» (1929), «гасит» националистическую риторику в своих работах, а высшей точки «этот процесс дистанцирования от национализма» достиг, по мнению Вайссмана, в «Рабочем» (1932)¹⁴⁶. При этом, лидер современных немецких «новых правых» не склонен видеть в Юнгере утописта, и находит, что «Рабочий» с его «органической конструкцией» несет в себе политические черты прусской государственной модели («Третьей Пруссии»), тем самым сближая Юнгера с Гегелем и его понятием «мирового духа»¹⁴⁷. Вайсманн обнаруживает наличие динамики во взглядах Э. Юнгера в националистический период и отмечает его моральную дистанцию от гитлеровского режима¹⁴⁸. Все это позволяет новым немецким правым использовать раннее наследие Э. Юнгера для своей политической аргументации, поскольку Вайсманн видит в нем не только заряд консервативного революционера, но и позицию правого консерватора с традиционными, прусскими ценностями.

Наконец, в правоориентированном журнале «Scheidewege» («Перекрестки. Ежегодник скептической мысли») на протяжении 30 лет с 70-х по 90-е гг. XX в. публиковались отрывки работ или порой целиком произведения Э. Юнгера¹⁴⁹, который в 1971 г. стал его соредактором.

Из всего рассмотренного спектра исследовательских работ следует вывод о том, что консервативные стиль, позиции и ценности на всем протяжении жизни Э. Юнгера не являются прямой и тем более основной темой для российских и зарубежных исследователей его наследия. Однако, отдельные фрагменты работ,

---

¹⁴³ Ibid. S. 146.

¹⁴⁴ Ibid. S. 180.

¹⁴⁵ Ibid. S. 188.

¹⁴⁶ Ibid. S. 184.

¹⁴⁷ Ibid. S.186.

¹⁴⁸ Ibid. S.187.

¹⁴⁹ URL: http://www.scheidewege.de/archiv_vergriffen/archiv_vergriff.htm

посвященных этой проблеме, показывают, что именно в ней заложен стержень, позволяющий понять эволюцию его воззрений. Большинство сложностей «споров о Юнгере», таких как: вопрос взаимоотношений с нацизмом, континуитет в его творчестве, соотношение писательского, интеллектуального и политического компонентов, так или иначе, связаны с проблемой консервативного транзита. Только анализ консервативного транзита на протяжении всей жизни мыслителя создает основу для оценки юнгеровского консерватизма. Исследование этого процесса дает основание считать, что консерватизм Э. Юнгера обрел на заключительном этапе творчества интегральный характер.

Из представленного обзора можно заключить, что большинство исследователей творчества Юнгера в основном концентрировались на его раннем праворадикальном этапе. Лишь немногие авторы, прежде всего, Х.-П. Шварц и Д. Морат, выходят за эти относительно узкие рамки, однако их анализ юнгеровского консерватизма ограничивается рубежом начала 60-х гг. XX в. После этого времени, как либеральных ученых, так и консервативных исследователей, «новых правых» интересовало преимущественно творчество радикального периода. Чаще всего, исследователи вслед за публицистами, выясняли, остался ли он правым радикалом или же присоединился к умеренным консерваторам ФРГ, чем существенно сужали диапазон духовных исканий писателя. Можно сказать, что проблема транзита консервативных взглядов Э. Юнгера является важнейшей во всей «юнгерии», разделяя даже исследователей на сторонников и противников, правых и левых, поскольку, как уже говорилось выше, ее решение позволяет разрешить ключевые задачи «споров о Юнгере», от отношения к нацизму до вопроса о континуитете в его творчестве.

Вышеуказанный подход в принципе характерен и для работ, в которых анализировалось творчество «позднего» Юнгера. Безусловно, отмечалось различие между воззрениями мыслителя времен «консервативной революции» и «постмодерна». Однако, в связи с этим, возникало много вопросов и ответ на них может быть дан, прежде всего, с учетом его консервативного транзита.

Объект исследования. Объектом исследования является творческое наследие Эрнста Юнгера в контексте его консерватизма, состоящее из литературных, политических и философских произведений, эссе, писем, за почти 80-летнюю творческую деятельность¹⁵⁰.

Предмет исследования. Предметом исследования является консервативный транзит Э. Юнгера. Понятие «транзит» представляется предпочтительным по сравнению с понятием «эволюция». Правый радикализм является своего рода «перевалочным пунктом» к фашизму или консерватизму, а неровный и неплавный процесс перехода от праворадикальных к более умеренным формам воззрений точнее обозначается именно этим термином. Кроме того, транзит оставляет возможность для частичного возврата, реверсивного движения при прохождении через различные идеологические пункты в ходе времени. В самом этом сложном процессе необходимо проанализировать соотношение субъективных факторов, обусловленных самой личностью мыслителя, и объективных — грандиозной трансформацией мира и соответственно консерватизма как идеологии, политической философии и типа политического действия. Учитывая масштаб личности и творчества Юнгера, следует иметь в виду, что его консервативный транзит помогает понять важные аспекты эволюции консерватизма в XX веке и в современности.

Цель исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть специфику консервативных воззрений Э. Юнгера как доминанты его творческой и общественно-политической жизни, а также как своеобразного отражения в его творчестве эволюции германского и европейского консерватизма в XX столетии. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решить следующие задачи:

---

¹⁵⁰ Немецкий правоконсервативный журнал «Критикон» начинает отсчет в писательской жизни Э. Юнгера с первого года Первой мировой войны (См: Hochhuth R. Dreiundachtzig Jahre Autor. Tagebucher: die klassische Form Ernst Jüngers//Criticon. – Bonn: GES Verlag, Sommer, 2000. - S. 37-41), однако в данной работе нижней хронологической границей выбран год официальной публикации военного дневника «В стальных грозах» (1920).

- рассмотреть во взаимодействии комплекс объективных и субъективных причин, исторических и политических факторов, повлиявших на транзит консервативных воззрений в духовно-политическом творчестве Э. Юнгера;

- раскрыть постоянные и переменные аспекты консервативного транзита на различных этапах идейной трансформации консервативных представлений мыслителя;

- выявить доминантные типы консерватизма на определенных этапах творчества Юнгера, подчеркивающие своеобразие его транзита;

- провести сравнительный анализ консервативных позиций Юнгера и некоторых его современников, проследить влияние персон, идей и идеологических течений, в том числе консервативных, в разное время оказавших свое воздействие на трансформацию взглядов мыслителя;

- проследить взаимосвязь между консервативным транзитом Эрнста Юнгера и эволюцией немецкого и европейского консерватизма в XX веке.

Хронологические рамки работы. Хронологические рамки работы определены границами с 1920 по 1997 гг. Нижняя хронологическая граница связана с выходом в свет первого произведения писателя («В стальных грозах»). С верхней хронологической границей существуют сложности, поскольку нет окончательной ясности в том, когда были написаны заключительные наброски поздних произведений¹⁵¹, однако в работе будет использована дата — 1997 г. В основу временных рамок положена творческий путь мыслителя, временами совпадающий с внешними историческими событиями, но не скрепленный с ними жестко. В силу большей изученности в российской и зарубежной науке юнгеровского наследия Веймарского периода (20-30-е гг. XX в.) акцент в исследовании сделан на гораздо более долгий этап его жизни и творчества (50-90-е гг. XX в.).

---

¹⁵¹ Последняя запись в дневнике «Siebzig verweht V» («Семьдесят спустя. Часть 5») датирована 15 декабря 1995 г., однако заключительные отрывки в работе «Автор и авторство. Дополнения» были впервые опубликованы лишь в третьем собрании сочинений Э. Юнгера в 1999 г. Учитывая плохое физическое состояние мыслителя в 1998 г. и кончину в больнице 17 февраля 1998 г. верхней хронологической границей творчества все же следует считать 1997 г.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Ключевую роль в методологии исследования играет работа немецкого социолога Карла Манхейма «Консервативная мысль»¹⁵², в основу которой положен структурный анализ основных атрибутов консервативного стиля мышления, его первоосновы, «внутреннего ядра». По мнению Манхейма, «ключом к пониманию изменений мысли служит меняющийся общественный фон, прежде всего судьба классов и общественных групп, которые выступают «носителями» этих стилей мышления»¹⁵³. Для выявления разницы в стилях Манхейм вводит понятие «основополагающего мотива», «более глубокое, чем стиль мышления», которое «выражает идею, что разные подходы к миру, в конечном счете, ответственны за разные способы мышления»¹⁵⁴. Видя причины возникновения консерватизма в оппозиции современному рационализму¹⁵⁵, Манхейм в морфологии консервативной мысли выделяет следующие важнейшие компоненты, составляющие его «основополагающий мотив»: стремление к конкретности, непосредственность в восприятии действительности¹⁵⁶ в противовес либеральной абстракции, приверженность к сохранению связей во времени, *преемственности, континуитету*, пространственному сосуществованию прошлого и настоящего¹⁵⁷, стремление к *органическим целостностям* в социально-исторических формах, таких как семья, государство¹⁵⁸. Таким образом, теоретическим ядром консервативной мысли по Манхейму является: иррационализм действительности, в основе которой понятия Истории, Жизни, Нации вместо либеральной идеи Разума¹⁵⁹, органицизм, как проявление уникальности политических и социальных институтов, восприятие действительности, как единого целого, динамическая

---

¹⁵² Манхейм К. Консервативная мысль//Диагноз нашего времени.— М.; Юрист,1994. - С.572-668.

¹⁵³ Там же. С. 572.

¹⁵⁴ Там же. С. 576.

¹⁵⁵ Там же. С. 583.

¹⁵⁶ Там же. С. 601.

¹⁵⁷ Там же. С. 609.

¹⁵⁸ Там же. С. 610.

¹⁵⁹ Там же. С. 615.

концепция Разума и его норм, как меняющихся и находящихся в движении¹⁶⁰. Манхейм на примере романтического и феодального консерватизма демонстрирует важность последовательности и непрерывности исторического развития для консервативного мышления, воплощаемого в принципе историзма¹⁶¹, затем связавшего между собой иррационализм и динамику, что привело к возникновению сначала «динамического мышления», а потом и его диалектической формы¹⁶², являющихся основой консервативного восприятия действительности, вопреки расхожему представлению о консерватизме, как разновидности ретроградного мировоззрения.

Однако, поскольку взгляд Манхейма был обращен на глубинные основы консервативного мышления (по сути выходящий за рамки стиля и включающий ценностный аспект) в основном, безотносительно к его основным типам (ученый выделял лишь традиционализм, не вполне являющийся консерватизмом и выросший из него «консерватизм «современный»¹⁶³) тем более, что некоторые из них в момент написания им работы, находились в процессе формирования, важную методологическую роль будет играть типология консерватизма, представленная в серии публикаций российского историка П. Ю. Рахшмира¹⁶⁴, в которой отображены три его разновидности: традиционалистская, либеральная и экстремистская¹⁶⁵. Она будет служить фундаментом при определении типов консерватизма и соответствующих им типов консервативного мышления, поскольку корневые принципы, обнаруженные Манхеймом, требуют конкретизации в исторической перспективе и ретроспективе, чему и будет способствовать избранная типология, в основании которой лежит отношение к изменениям и способам их преодоления. Кроме того, типология дает возможность

---

¹⁶⁰ Там же. С. 616

¹⁶¹ Там же. С. 630-631.

¹⁶² Там же. С. 641.

¹⁶³ Там же. С. 593.

¹⁶⁴ Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма. - Пермь: ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2004.- 338 с.

¹⁶⁵ Его же.. Три консервативные традиции: общее и особенное// Рахшмир П.Ю. указ. соч. С. 131; Также см.: Его же. указ. соч. Типология современного консерватизма - М.: ИНИОН, 1986.; С. 47-98. Его же. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история, — М.: «Наука», 1990. №1. С. 48-62.

рассмотреть объемно интегральную систему консервативных воззрений Э. Юнгера. В отличие от манхеймовского консервативного ядра, представляющего предельно общую структуру стиля мышления консерватизма, интегральный консерватизм, вероятно, может сочетать в себе оперативные и конкретные элементы стилей мышления всех консервативных типов.

Поскольку «основополагающий мотив» консервативного стиля мышления у Манхейма не предполагает личностного отношения к предмету, для понимания роли мотивации и персональных мотивов в трансформации консервативных позиций Э. Юнгера (без которых невозможно понимание юнгеровского транзита) будут использованы дефиниции мотивационной структуры личности, данные выдающимся американским ученым-психологом А. Маслоу¹⁶⁶ и советским специалистом по психологии А. Н. Леонтьевым. По мнению последнего: «Мотив — это опредмеченная потребность»¹⁶⁷, а идея самоактуализации Маслоу дает возможность понять логику внутреннего развития консервативного творчества писателя. Увязка персональной мотивации и типа консервативного мышления позволит объяснить некоторые причины трансформации взглядов Юнгера.

Предлагаемая диссертация может быть с полным основанием отнесена к работам, написанным в жанре «интеллектуальной истории». Исследования такого рода часто предполагают использование междисциплинарного подхода. Поэтому при ее подготовке были использованы наиболее актуальные подходы, изложенные в новейшей книге члена-корреспондента РАН, ведущего специалиста в сфере теории и методологии истории Л. П. Репиной¹⁶⁸. По мнению историка, именно в междисциплинарности видится «одна из спасительных черт истории идей», что справедливо и по отношению к другим областям историографии¹⁶⁹. В работе Репиной дается убедительное обоснование нового уровня «проблемы

---

¹⁶⁶ Маслоу А. Г. Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с.

¹⁶⁷ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Смысл, Академия, 2005. - 352 с.

¹⁶⁸ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с.

¹⁶⁹ Там же. С. 553.

трансдисциплинарности», при котором «на место произвольного обращения к тем или иным исследовательским стратегиям социально-гуманитарных наук приходит целостный анализ всей совокупности их данных, относящихся именно к избранному предмету исследования»¹⁷⁰.

Основными методами исследования являются: проблемно-хронологический метод, дающий возможность для анализа динамики юнгеровского консервативного наследия и всестороннего обобщения мотивов, направлений в его консервативном стиле мышления; сравнительно-исторический метод, позволяющий рассмотреть эволюцию воззрений объекта в сопоставлении с позициями иных консервативных мыслителей.

Научная новизна исследования. В работе впервые предпринята попытка всестороннего изучения консервативных воззрений Э. Юнгера на протяжении всего его жизненного пути. В связи с этим вводятся понятия: «транзит», которое наиболее адекватно объясняет их динамику, а также «интегральный консерватизм», раскрывающее их масштаб.

В диссертации предложен собственный вариант хронологии отдельных периодов творчества Юнгера, обусловленный авторским подходом к динамике юнгеровского консерватизма и специфике его содержания.

В исследовании вводятся в оборот прежде не использовавшиеся для научного рассмотрения консервативного содержания юнгеровского творчества источники и биографические факты (такие как переписка с философом Г. Шолемом, переход в католицизм и тд).

В исследовании впервые предпринят анализ взаимосвязи между ценностным ядром воззрений Юнгера и динамикой его оценочных суждений в исторической перспективе и ретроспективе. Это дало основание охарактеризовать юнгеровский консерватизм как «интегральный», то есть довольно органично включающий в себя признаки практически всех основных типов консерватизма.

---

¹⁷⁰ Там же.

Положения, выносимые на защиту.

1. Ключевой особенностью консерватизма Э. Юнгера является непрерывный транзит в русле консервативного направления политической и философской мысли, обогащенный литературным творчеством.
2. Транзит такого рода отражал сложное и нелинейное развитие политических воззрений и творчества мыслителя, вобравших в себя признаки практически всех основных направлений консерватизма.
3. В ходе консервативного транзита Э. Юнгера происходила не просто последовательная смена всех типов консерватизма, а их взаимодействие, довольно сложная интеграция.
4. Интеграция различных типов консерватизма в наследии Э. Юнгера дает основание в конечном итоге оценивать его консерватизм как интегральный. На разных этапах юнгеровского консервативного транзита обнаруживалось относительное преобладание признаков того или иного типа консерватизма, но оно никогда, даже в праворадикальный период, не было абсолютным.
5. Многообразие юнгеровского консерватизма, в немалой мере, обусловлено масштабом его творчества, включенностью в сферу европейской культуры, открытостью для внешних влияний, особенно со стороны французской политико-философской мысли и художественной культуры.
6. На основе анализа консерватизма Э. Юнгера можно выявить существенные черты, свойственные не только немецкому консерватизму, традиционному и современному, но также консервативной мысли всего западного цивилизационного ареала.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы для подготовки пособий и обобщающих работ интеллектуальной истории Германии XX в., по теории и истории консервативной мысли, а также для чтения лекционных курсов, проведения занятий в рамках специальности «Всеобщая история». Кроме того, работа может способствовать углубленному анализу политических и теоретических практик

современного западного консерватизма и правого радикализма, который позволит оперативно реагировать на транзитные изменения в партийно-политическом спектре западных стран.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на кафедре всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета и получили одобрение со стороны научного сообщества. Результаты исследования нашли отражение в опубликованных по теме диссертации тезисах и статьях, в том числе, в четырех публикациях в изданиях из перечня, утвержденного Высшей Аттестационной Комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, в которую входит три главы, заключения, списка источников и литературы. Материал в работе изложен в соответствии с целью и задачами исследования.

1 ГЛАВА

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН Э. ЮНГЕРА (1920-1932)

Творчество Веймарского периода подверглось тщательному и разнообразному исследованию. Пристальное внимание ученых часто было обусловлено проблемой ответственности за крах республиканского режима и последующий приход к власти нацистов. Поиски личного места и роли в этом временном процессе Юнгера привели к формированию своеобразного «дихотомического подхода» («споров вокруг Юнгера»), чрезмерной зависимости понимания его творчества от проблемы взаимоотношений с нацистским движением.

Многие определения юнгеровской роли, при всей их проработанности и имеющейся источниковой базе часто ограничивают ее в рамках двух направлений: модернизма и экстремистского консерватизма, сочетаемых в понятийной квазиконструкции. При этом приоритет отдается, как правило, устремленности в будущее, «модернистскому стилю», хотя почти во всех имеется прилагательное «консервативный», а автор первой редакции «Авантюрного сердца» (1929) писал, что «...победы прогресса над силами природы погружали меня в глубокое уныние»¹⁷¹. Поэтому структура его воззрений не представляется столь прямолинейно амбивалентной.

Что касается выбранных хронологических границ периода, то здесь следует отдать приоритет намеченным Х.-П. Шварцом важнейшим датам творчества писателя¹⁷². Самоочевидна первая дата — 1920, год выхода военного дневника «В стальных грозах», одной из знаковых работ, позволивших герою войны говорить от имени «тринчерократии»¹⁷³; 1932 год — время появления «Рабочего» —

---

¹⁷¹ Юнгер Э. Рискующее сердце. – СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 124.

¹⁷² Schwarz H. P. Op. cit. S. 12.

¹⁷³ Термин был введен в оборот Б. Муссолини: «Еще 15 декабря 1917 г. появилась его статья под названием «Тринчерократия» («Траншейная аристократия»). Ее основная мысль сводилась к следующему: Италия вскоре разобьется на две партии — тех, кто был на войне, в траншеях, и

первого политико-философского трактата, обозначившего в полной мере переход на иной уровень экстремистско-консервативного обобщения. Внутренняя хронология периода определяется следующими датами: 1920-1925 — военно-публицистический этап, 1925-1930 — политико-публицистический, и наконец, 1930-1932 — начальный политико-метафизический.

Под правым радикализмом в данной главе будет пониматься совокупность взглядов и реакций, отрицающих буржуазно-демократические ценности и установки, республиканскую форму правления и демократический политический режим с его представительной системой выборов, выдвигающие революционные требования по изменению существующего положения. В главе также будет использоваться понятие «консервативная революция», которое во многом содержательно совпадает с определением правого радикализма, поскольку, А. Молер определил ее как откат к истокам, революцию, возвращающую к раннему состоянию, сравнив с кровопусканием, и подразумевая под ней «удаление мешающих жизни наростов»¹⁷⁴.

В 1920 году при непосредственном участии и поддержке отца¹⁷⁵ тиражом 2 000 экземпляров появилось первое произведение Эрнста Юнгера под названием: «В стальных грозах. Из дневника командира штурмовой группы». Эта книга, как не относись к значимости всех последующих трудов, куда более глубоких и содержательных, стала своеобразным «пусковым механизмом» для будущего писателя и мыслителя, общественный вес которого с этого момента только нарастал, несмотря на сложности и перипетии его личной судьбы и истории Германии. Переработки, число которых по подсчетам исследователей достигло шести вариантов¹⁷⁶ и общий тираж книги до 1934 г. — 51 000 экз.¹⁷⁷, только подчеркивают важность этой книги для автора. В ней впервые было отражено

тех, кто там не был». См. Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма.— М.: Наука (История и современность), 1981. С. 106-107.

¹⁷⁴ Mohler. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. S. 117.

¹⁷⁵ Schwilk H. Op. cit. S. 219.

¹⁷⁶ Kiesel H. Op. cit. S. 222.

¹⁷⁷ Ibid. S. 207.

важнейшее переживание его жизни, — Первая мировая война, — отбросившее тень на все творчество.

Простота и непосредственность дневника вызвала восторженные отклики со стороны различных представителей как немецкого, так и зарубежного сообщества¹⁷⁸. Уже «В стальных грозах» проявляются многие константные и динамические содержательные компоненты протоконсервативной основы творчества, которые отражают первичный уровень системы мировоззрения на раннем этапе.

«Нас, выросших в век надежности охватила жажда необычайного, жажда большой опасности. Война, как дурман опьяняла нас»¹⁷⁹, — уже в этих словах начальной главы дневника отражается противопоставление текущего исторического отрезка предшествующему, и это понимание фиксируется в рамках иррационального настроения целого поколения. Определенность формулировок и нацеленность на аудиторию «окопного братства» вроде бы не оставляют сомнений в том, что автор стремится к отказу от «рационального века либерализма» уже на этом этапе.

Кроме того, в дневнике обнаруживается ряд дуализмов, составляющих протоконсервативную основу нарождающегося стиля. Речь, в первую очередь, идет о сочетании индивидуального героизма и общей судьбы: «Меня наполняло чувство гордости, что я команду горсткой людей, которых можно уничтожить, но нельзя победить. В такие мгновения человеческий дух торжествует над властительнейшими проявлениями материального мира, и немощное тело, закаленное волей, готово противоборствовать самым страшным грозам»¹⁸⁰. Фиксируется важная черта — возможность противостоять духу времени через героическое, иррациональное проявление личности. Такого рода взгляд свойственен древнегреческому мифу в некоторых античных драмах¹⁸¹. Отсюда не

¹⁷⁸ Schwilk H. Op. cit. S. 220.

¹⁷⁹ Юнгер Э. В стальных грозах. - Спб.: Изд. «Владимир Даль», 2000. С. 35.

¹⁸⁰ Там же. С. 133.

¹⁸¹ Сумм Л. Возвращение царя. Вступительная статья//Античная драма. – М.: Изд. Эксмо, 2005. С. 29.

случайно последующее внимание писателя к античной мифологии, проявившееся и в первом дневнике¹⁸².

Он видит на войне две группы – тех, кто бесстрашен в бою и тех, кто боится в него вступать. Однако, это вовсе не означает, что один человек в состоянии решить исход исторического события. И здесь появляется другой важный дуализм раннего Юнгера — «личное и коллективное». Героическое имеет большое значение, и оно проявляется наиболее ярко в проявлении малого, входящего в общее, усилия: «Как ни огромны были пущенные в ход человеческие и материальные ресурсы, все же решающая работа в нужных местах была проделана совсем небольшим числом воинов»¹⁸³. Характерная в будущем ему как человеку и мыслителю манера держаться особого взгляда на события и вещи находит здесь сочетание с коллективным участием. Такого рода союз будет встречаться и в дальнейшем, но на фоне исторических событий он часто будет придерживаться консервативного мнения о том, что «личное исчезает перед силой ответственности»¹⁸⁴. Именно в бою, в сплаве коллективного и героического, возникает иное судьбоносное явление, которое противостояло провидению и в тоже время было его частью, питалось из него, было и коллективным и элитарным одновременно: «На протяжении четырех лет огонь постепенно выплавлял все более чистую и бесстрашную воинскую касту»¹⁸⁵. Автор проводит элитаристское различие между «теми, кто был в траншеях, и кто не был в них».

«Поколение 1914», которое воспето им, состоялось в ницшеанских и социал-дарвинистских мотивах, но откровенность с какой он описывает это становление, не отрицает рыцарского поведения в духе средневековья. В пользу первого говорит тот факт, что боец в схватке «ничего перед собой не видит и находится в плену властвующих первобытных инстинктов»¹⁸⁶, а в пользу второго

¹⁸² Юнгер Э. В стальных грозах. С. 136.

¹⁸³ Там же. С. 211.

¹⁸⁴ Там же. С. 271.

¹⁸⁵ Там же. С. 176.

¹⁸⁶ Там же. С. 279.

— многочисленные примеры джентльменского отношения к противнику, описанные в дневнике¹⁸⁷. Отрицание рационального понимания сущности человека и войны коррелируется представлениями эпохи рыцарских войн. Так, смесь неосознанных разнонаправленных, традиционалистских протоконсервативных черт мировоззрения можно наблюдать уже в первой книге будущего мыслителя.

Важное наблюдение молодого лейтенанта и героя войны, посеявшее семена будущих размышлений — мысль о техническом превосходстве противника и растущей мощи его вооружения¹⁸⁸. В силу того, что в этот отрезок времени «позитив» войны был важнее для автора, эта тема станет значительно более весомой в дальнейших рассуждениях в середине и конце Веймарского периода, хотя технической стороне ведения войны начинающий Юнгер-публицист уделил впервые внимание уже в 1921 году¹⁸⁹.

Еще один дуализм, который отмечается рядом исследователей — сочетание в Юнгере уважения к порядку, дисциплине и одновременно с ними тяга к спонтанной свободе, жажда приключений, из-за которой юноша отправился в 1913 г. в Иностранный легион. «В стальных грозах» упоминается несколько примеров того, как их автор опротестовывал приказы вышестоящего командира, если они противоречили его ситуативным представлениям¹⁹⁰. Он предпочел в начале войны «звание простого стрелка, державшего ответ только перед самим собой»¹⁹¹, а тактические военные условия и ответственность за взводных подчиненных не всегда были жестко связаны с выполнением приказа «сверху». Дуализм свободы и дисциплины связан с военным умением видеть конкретное решение и в дальнейшем повлиял на способность Юнгера не связывать себя догматами каких-либо идейных движений и направлений.

---

¹⁸⁷ Там же. С. 249.

¹⁸⁸ Там же. С. 314, 317.

¹⁸⁹ Jünger E. Politische Publizistik. S. 23-26.

¹⁹⁰ Юнгер Э. В стальных грозах. С. 247.

¹⁹¹ Там же. С. 65.

Воль пишет о том, что и сам писатель осознавал это противоречие¹⁹². «В Африке Юнгера привлекали опасность, смерть и мужская энергия, неограниченная кодами европейской цивилизации. На полях сражений Западного фронта он находился в непосредственной близости со всеми тремя... Война предоставила ему редкую возможность ежедневно жить на грани жизни и смерти, и, по крайней мере, один раз ощутить, что он пересек ее, пусть на короткое мгновение. Таким образом, ненасытное любопытство искателя приключений победило ужас гражданского человека и подчинило отвращение эстета»¹⁹³. Этот инстинкт приключения, во многом обусловил его последующее вхождение в политическую сферу республики — политика была не только «продолжением войны другими средствами», но и продолжением авантюрного риска.

После публикации «В стальных грозах» герой войны написал еще ряд малых работ, относящихся в полной мере к военно-публицистическому этапу его жизни. В ноябре 1920 года, будучи на службе в рейхсвере, он впервые попробовал себя в качестве военного журналиста-эксперта в «Военном еженедельнике», опубликовав статью под названием «Эскизы ведения современного боя». В письме к матери, появление публикации связывается им с желанием «вернуться к письму», потребностью создания продолжения «В стальных грозах», а также «необходимостью заработать»¹⁹⁴.

Продолжение не заставило себя ждать. Но в работе «Борьба как внутреннее переживание» (1922) автор находит уже иные ответы на встающие перед ним вопросы общего порядка. В нее закладывается явно провокативный заряд и, по мнению юнгероведов, в ней автор стремился к тому, чтобы она была «манифестом нового человека», «апофеозом современного варварства»¹⁹⁵. Война в этой работе представлена не как конец, а как «прелюдия к господству» — «она как молотобоец разбивает мир на новые границы и новые сообщества»¹⁹⁶.

¹⁹² Wohl R. Op. cit. P. 57.

¹⁹³ Ibidem.

¹⁹⁴ Schwilk H. Op. cit. S. 229.

¹⁹⁵ Ibid. S. 232.

¹⁹⁶ Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922. S 74. Цит по: Schwilk H. Op. cit. S. 233.

Для него в этой работе борьба является «лучшей формой существования мира», он рассматривает человека лишь как носителя принципов, которые отстаивают представляемые им враждующие силы. Так, обосновывается и безусловность жертв, и необходимость реванша. По сути, эта работа задает тон новой фигуре на идеологической шахматной доске Веймарской Германии, которая проявит себя в полной мере позднее как экстремистский консерватор и правый радикал.

Так зарождается еще один ключевой дуализм мировоззрения, позволяющий понять многое в юнгеровском правом радикализме и не только. Презентация личных переживаний происходит в традиционалистском духе, тогда как в глобально-историческом и военно-политическом контексте, при описании характера и сути войны, речь идет о явном праворадикальном приоритете, поскольку для героя война была «великим мерилom всех вещей»¹⁹⁷.

Подтверждением этого стала в какой-то мере почти автобиографическая зарисовка — рассказ «Штурм» (1923), который явно выбивается из контекста событий и публикаций этого года сочетанием традиционалистского и праворадикального стиля. Ярким пассажем является следующая цитата из дневника его главного героя, Штурма: «С тех пор как изобретены мораль и порох, принцип, согласно которому оказывается предпочтение достойнейшему, начал терять значение для отдельной человеческой жизни. Можно в точности проследить, как это значение постепенно присваивается государственным организмом... Сегодня каждый стоит столько, во сколько его оценивает государство, и сам по себе он давно перестал быть существенным для такой оценки»¹⁹⁸. Этим и объясняется ожесточенность происходящей войны, в которой речь не идет о «личной доблести», в ней «взвешиваются возможности этих великих организмов»¹⁹⁹. Техника и производство — важнейшие силы этого противостояния. И все это вызывает в основе «чувство бессмысленности...

¹⁹⁷ Kiesel H. Op. cit. S. 260.

¹⁹⁸ Юнгер Э. Лейтенант Штурм// Юнгер Э. Рискующее сердце. - Спб.: «Владимир Даль», 2010. С. 43.

¹⁹⁹ Там же. С. 44.

чувство, которым толпа подавляет человеческую душу»²⁰⁰. Как показывает «Штурм», проблема унификации человеческих отношений была Юнгером отмечена довольно рано, и ее решение будет зависеть целиком от целеполагания и ситуации, в которой будет находиться он сам. Помимо явного сожаления об утрате аристократического принципа отбора, уже здесь он фиксирует уровень технократического роста и унификации, которые в дальнейшем будут сначала им воспеты, а еще позднее — подвергнуты критике, что свидетельствует о творческой преемственности и внутреннем развитии стиля автора. Но важно отметить, что для него константа личной свободы, о чем говорилось ранее, неоспорима, и там, где речь идет о ее ограничении, выбор автора будет очевиден.

Хотя есть, как уже говорилось выше, один важный момент, который все-таки мог примирить внутренний анархизм с железным порядком воинской структуры. И Штурм наблюдает его глазами автора. Речь идет о той форме, мгновении, «в котором осуществлялась мощь»²⁰¹. Ради ее восприятия дух героя даже «абстрагировался от идеи отчизны», и на него повеяло «всей мощью силы, которая двигала им»²⁰². В какой-то мере уже в «Штурме» проявляется, силовой органицизм, понимание которого, по мысли автора, должно дойти до каждого солдата после попадания на фронт. В основе этого понимания — отличие современной войны и современного господства, выходящего за рамки патриотизма и традиционных авторитетов: «Эта война была первичной тучей психических возможностей, заряженных взрывчатых развитием; тот, кто усматривал в ней лишь грубое, варварское, вышелушивал лишь качество из гигантского комплекса, как и тот, кто видел в нем лишь патриотическую героику»²⁰³. В этом высказывании можно увидеть проявившуюся праворадикальную риторику, которая отличает современное положение от традиционного и даже, архаического: «Сто лет назад было проще: офицера-аристократа и вооруженного крестьянского парня все-таки объединяли воззрения,

---

²⁰⁰ Там же. С. 45.

²⁰¹ Там же. С. 53.

²⁰² Там же. С. 55.

²⁰³ Там же. С. 56.

произросшие из одной почвы. Сегодня военные интеллектуалы с высшим образованием и фабричные рабочие, призванные из резерва, противостояли друг другу, как два мира, чуждые друг другу»²⁰⁴.

В главном герое рассказа угадывается сам Эрнст Юнгер. Лейтенант Штурм, «предпочел бы одно из двух: или он человек действия, для которого мозг — лишь орудие, или он мыслитель, придающий значение внешнему миру, лишь для того, чтобы созерцать»²⁰⁵. Не случайно, что в рассказе появляется своеобразное alter ego Штурма, которое также носит черты противника всего цивилизационного: «С тех пор как всплыла машина, все было сплющено, уплощено скрежещущими маховиками. Механизация человека, свирепствуя, как чума, превратила Европу в пустыню»²⁰⁶. Фальку, этому выдуманному Штурмом герою, была «ненавистна мысль о развитии», и для него опыт был «разочарование, а жизнь, суммарный опыт, не что иное, как величайшее из разочарований»²⁰⁷. Фиксация духа времени и современного положения сочетается с пессимистической рефлексией и негативным личным отношением к происходящему в духе традиционалистского консерватизма. Однако, такое негативное восприятие остается подсознательным, поскольку лишено мотивации в отличие от нарастающей праворадикальной риторики.

Как уже было сказано, вектор рассуждений Э. Юнгера меняется и они выходят за рамки сугубо военных переживаний, даже столь резких, как в «Борьбе как внутреннем переживании». На то были многочисленные причины. Вплоть до 1925 года в его личной жизни и жизни Германии происходит ряд событий, которые, безусловно, не могли не повлиять на его дальнейший выбор и внесли определенность в его практическую деятельность. Оккупация Рура и «пассивное сопротивление» 1923 года явно не были по душе герою войны. Временное участие во фрайкоре также не вдохновило его наличием большого числа

---

²⁰⁴ Там же. С. 57.

²⁰⁵ Там же. С. 61.

²⁰⁶ Там же. С. 93.

²⁰⁷ Там же. С. 95.

бюрократических вопросов и людей с сомнительной репутацией²⁰⁸. В конце августа 1923 года Юнгер покидает рейхсвер и на короткий период становится студентом Лейпцигского университета, изучающим зоологию и параллельно с ней, философию. Вероятно, что его уход со службы и из фрайкора связан с желанием играть более важную роль в будущей немецкой армии²⁰⁹.

Первой публикацией, предваряющей стилистику всего последующего политико-публицистического периода стала статья 1923 года в «Фелькише беобахтер» под названием «Революция и идея». Несмотря на то, что она на два года опередила основной поток статей, именно в ней появились первые черты стилистики Юнгера как политического публициста и пропагандиста, отрицающего возможность возврата к прошлому порядку и примирения с существующим. Статья вышла в конце сентября, как раз после смены в августе германского правительства и перед отменой «пассивного сопротивления» канцлером Штресеманом и очевидно была ответом на кризисную ситуацию 1923 года. Она несет в себе все архетипы праворадикального протеста, авторитарных фобий и сама, в какой-то мере, является исходной точкой всего последующего отрезка времени жизни публициста в Веймарской республике. «Несмотря на то, что мы жили в государстве порядка, мы сознаем для себя, в контексте истории, возможность того, что правительство, государство, и право для народа могут быть невыносимыми», — пишет он²¹⁰. Когда речь идет о революции 1918 года, автор более чем категоричен. Она напоминает ему «рой навозных мух, набросившихся на труп, для того чтобы насытится им»²¹¹. Эта революция не несет никаких новых идей, копирует предшествовавшую ей, русскую революцию: «Символ государственного величия старого государства был сорван подростками и дезертирами»²¹². И ставит диагноз: старое государство утратило грубую волю к

---

²⁰⁸ Schwilk H. Op. cit. S. 261.

²⁰⁹ Ibidem.

²¹⁰ Jünger E. Politische Publizistik. S. 33.

²¹¹ Ibid. S. 35.

²¹² Ibidem.

жизни, которая в это время была необходима²¹³. В итоге носители низкого материализма – биржевики, дельцы и ростовщики стали новым правящим классом.

Но подлинная революция, по мнению националиста, впереди, и она будет проявляться в идее «фелькише», а ее внешнее выражение будет в концентрации воли в одной точке – диктатуре²¹⁴! Еще одно важное замечание героя войны – скрепляющим компонентом новой революции будет кровь, которая объединяет нацию в единое целое²¹⁵. Хотя ее понимание не совсем национал-социалистическое, а скорее метафизическое.

Окончание военного-публицистического периода знаменуют два небольших произведения, связанных с военным опытом и первой работой отставного лейтенанта рейхсвера. В начале 1924 года появляется небольшое произведение, посвященное одному из событий, упомянутых в «В стальных грозах» — «Лесок 125. Хроника окопных боев 1918 года», а во второй половине 1925 года — еще одно — «Огонь и кровь. Малый отрывок из большого сражения».

Первая работа, скорее, является, литературной переработкой описанного ранее эпизода, и в ней автор возвращается к описанию переживаний сражения. По мнению, Швилка, она не несет каких-либо новых идей, но все же, представляет собой первую всестороннюю попытку националистического понимания военных переживаний²¹⁶. Тем самым, Юнгер начинает ментальную ревизию своих работ и воззрений, которая будет свойственна ему в течение всей жизни. Исследователи его творчества фиксируют эти изменения и в последующих редакциях его первой книги, состоявшихся до 1925 года. Так, в редакции 1924 года усиливаются темы современной технической войны и национальной идеи²¹⁷, свидетельствующие о дрейфе публициста в сторону нового видения современной ситуации, в полной мере, выразившемся в активно начавшейся в 1925 году публицистической саге.

---

²¹³ Ibidem.

²¹⁴ Ibid. S. 36.

²¹⁵ Ibidem.

²¹⁶ Schwilk H. Op. cit. S. 266.

²¹⁷ Kiesel H. Op. cit. S. 223.

Позднее он будет объяснять необходимость изменений работ в своем творчестве тем, что все устаревает и необходимость корректуры важна²¹⁸, поскольку все меняется. Однако в 1924-25 гг. националистический и нигилистический настрой диктовал необходимость иной трактовки военных переживаний, и в авторских работах мифологизация военного опыта брала верх, подготавливая его к сложной смеси под названием «консервативная революция».

В работе «Огонь и кровь» центральное место занимает проблема соотношения в войне человека и машины, современного и архаического, — тема, которая станет сквозной в Веймарский период и на ином уровне получит продолжение после него. Техника, считает Юнгер, должна быть преодолена через технологизацию человека²¹⁹. Смысл в том, чтобы осуществить «оживление техники», и сама она не должна быть отвергнута, важно пресечь неправильное обращение с ней²²⁰. Так он ищет каналы проявления воли через увиденные им возможности техники. Антицивилизаторский напор проявляется в том, что он выводит на страницы работы целый набор иррациональных категорий: судьба и причинность, жизнь и дух. Цель их появления — демонстрация возможности новой «духовной силы»: «Я хотел бы увидеть новое отражение человека, противоположного материи, предварительную попытку духовной силы, власти, которая овладеет машиной, моральный акт, значение которого в не в том, чтобы причинить наименьший урон, а в том, чтобы он обладал убийственным воздействием»²²¹. Речь идет о вполне утилитарном симбиозе машины и человека, в котором на первом месте — витальность и иррациональная сила, а на втором — значение современной техники. Утилитарный и прагматический момент такого размышления во многом связан с растущей жаждой реванша и продиктован мыслями о причинах поражения, но он демонстрирует и протоконсервативный

²¹⁸ Schwilk H. Op. cit. S. 482.

²¹⁹ Martus S. Ernst Jünger. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 36.

²²⁰ Ibid. S. 37.

²²¹ Jünger E. Feuer und Blut. Ein kleiner Ausschnitt aus einer großen Schlacht. Magdeburg, 1925. S. 30. Цит по: Martus S. Op. cit. S. 37.

стиль рассуждения — учет ситуации и ценностное неприятие прямого следования конъюнктуре.

Преодоление военного опыта привело автора к формированию праворадикального представления об идеальном состоянии для победы в современной войне и конструированию образа врага. Личная мотивация героя войны, которая доминировала в это время, должна была, наконец, обрести политические черты. Но, несмотря на явно заданный праворадикальный или экстремистско-консервативный вектор, в стиле мышления начинающего писателя можно обнаружить и разнообразные проявления протоконсервативного стиля: примат целого над частным, описываемый личный героизм, преимущество коллективного над индивидуальным. Речь идет скорее о неотрефлексированной смеси традиционализма и романтизма, зарождающегося правого радикализма, вполне соответствующей определению традиционалистского стиля.

Неврозы, свойственные поколению фронтовиков, «травмы войны» не прошли мимо раннего творчества Юнгера, считает Хельмут Кизель, видя в нем «способ переработать военные переживания»²²². Однако не только это определило причины вхождения начинающего публициста в политическую жизнь республики.

Между героическими произведениями военно-публицистического этапа и экстремистско-консервативным реализмом в духе «Рабочего» состоялся важный и наиболее спорный этап жизни автора. Он, в какой-то мере, может быть назван «антитезисом юнгеровской триады» Веймарского периода. Между героем и писателем, между воином и политическим реалистом появился политический пропагандист, праворадикальный критик режима. Для него это время активной борьбы против республики и провозглашение новых требований к реальности в экстремистском стиле. Миф подменит собой реальность, отрицание политической практики усилит фрустрацию авторитарного сознания, типичного для радикального мышления. Протоконсервативная смесь на несколько лет изменит

---

²²² Kiesel H. Op. cit. S. 202.

свой окрас в пользу экстремистской палитры, правда, с известными исключениями и «мерцающими» консервативными представлениями о человеке и роли государства.

В 1925 году произошло важное событие в его личной жизни. Эрнст Юнгер женится на Грете фон Янсен и через год у него появляется первенец, Эрнстель. Вкупе с перипетиями, по выражению Себастьяна Хаффнера, «безумного года»²²³, это событие определенным образом повлияло на ход его дальнейшей судьбы. Более широкое самостоятельное участие в публичной жизни отвечало и его амбициям и необходимости содержать семью, что также повлияло на изменение его идеологических позиций. План Дауэса и вхождение радикальных партий в политическую жизнь Германии, несмотря на экономическую стабилизацию, только будут способствовать «атакующей» активности политического публициста Эрнст Юнгера. За неполные два года, до переезда в июле 1927 года в Берлин, он опубликует около четырех десятков статей в различных праворадикальных и ветеранских изданиях, сам станет издателем и соредактором нескольких из них, и окончательно утвердится в роли «глашатая» фронтового поколения, демонстрируя при этом, порой ультраконсервативные ценности и взгляды.

«Человек, — писал Юнгер, был «самым опасным, самым кровожадным и осознающим цель существом», ходящим по Земле»²²⁴. Как считает Воль, для Юнгера «война не была причиной человеческих несчастий, а выражением их вечной, неизменной природы, и в то же время, откровением грядущих событий»²²⁵. Оценка человека имеет очевидный консервативный окрас, а антипацифизм вполне сочетается с традиционалистским представлением о рыцарстве и его роли в жизни средневековья.

В праворадикальной публицистике в духе традиционных консерваторов, но в стиле современной эпохи, автор решительно выступает против рационализма, Просвещения и буржуазного, материалистического мира. «Современный

---

²²³ История Германии: учебное пособие в 3 тт./Под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. С. 160.

²²⁴ Цит по: Wohl R. Op. cit. P. 58.

²²⁵ Ibidem.

национализм, основа всего нового, поколение, которое пресытилось до тошноты многократно переваренными фразами Просвещения, жаждет Особенного»²²⁶ — пишет он.

Антиреспубликанизм и прославление фронтовиков часто совпадают в этот момент, децизионизм и неприятие «болтающего класса» звучат почти в унисон. В статье 1925 года «Революция и фронтовики», кавалер ордена «За мужество» говорит о том, что «фронтовые солдаты представляют самую ценную часть и отборную силу народа, что было известно еще в те времена, когда считалось важным представлять этот народ с оружием, а не при помощи ораторского искусства»²²⁷. На этом основании он обосновывает право военного поколения на осуществление власти: «Не вести никакой политики может быть правильно для армии или рейхсвера, но старый солдат, который защищал народ в самые тяжелые часы, не только имеет право, но и должен требовать политического руководства»²²⁸. При этом, фронтовики стоят над партиями²²⁹, и, выступая от их имени, Юнгер говорит: «Мы не хотим создавать никакой партии, мы не хотим участвовать в выборах, что означало бы признание существования данного государства»²³⁰.

Фронтовики являют собой элитарный вождистский материал, а примером «нового вождистского типа» в 1925 году для националиста были Гитлер и Муссолини²³¹. Первый, немного позже взявший курс на легальное получение власти через парламентские выборы, даже получил от Юнгера в 1926 году экземпляр книги «Огонь и кровь» с надписью: «Национальному вождю Адольфу Гитлеру»²³². Очевидно в тот момент на Юнгера повлияло участие лидера нацистов в Мюнхенском путче 1923 г. Позднее, едва не состоялась их встреча, в последний момент отмененная Гитлером. Однако даже эти годы первого,

²²⁶ Jünger E. Politische Publizistik. S. 183.

²²⁷ Ibid. S. 57.

²²⁸ Ibid. S. 63.

²²⁹ Ibid. S. 68.

²³⁰ Ibid. S. 69.

²³¹ Ibid. S. 77.

²³² Schwarz H. P. Op. cit. S. 117.

поверхностного сближения с нацистами на общем фоне антиреспубликанизма и требования реванша, герой войны по-иному трактовал понятие «кровь», скорее в традиционном, военно-героическом и метафизическом смысле²³³. Последующее личное общение с ближайшим окружением Гитлера, в частности, с Й. Геббельсом увеличит, если не идейную, то, по крайней мере, формальную и политическую дистанцию, что и проявилось в отказе от предложенного мандата НСДАП в рейхстаг в 1927 г. Совпадая в неприятии демократии и пересмотре итогов Версальского договора, Юнгер отличался от нацистских лидеров отсутствием маниакальных черт, свойственных аффективной личности, и национализм героя войны так и не пересек грань, отделяющую его от ксенофобии и расизма.

Более всего Юнгера в это время занимала необходимость создания такого строя, который бы позволил достичь реванша, построения режима, мощного в военном плане. Таким образом, новое национальное государство, которое будет по его мысли создано, имеет две, сливающиеся в одну, цели: разрушение Веймарской республики и создание мощного, в военном смысле государства: «Окончательной целью внутренней политики должна быть реализация сильной внешней политики»²³⁴. Юнгеровский национализм идет рука об руку с военным империализмом, в котором «большая и сильная империя всех немцев станет заключительной целью нашего участия»²³⁵. По мнению Шварца, речь идет не о территориальном или хозяйственном и демографическом росте империи, а о праве, основанном на убежденности в судьбоносном превосходстве, вытекающем из собственного миропонимания, о «внутриосознанном праве на победу»²³⁶. Более важную роль, чем имперские компоненты в его взглядах в это время, по мнению историка, играет основополагающий мотив «соревновательного империализма»²³⁷. Так Юнгер пытается преодолеть в ранней публицистике разрыв между им увиденным на фронте и общим итогом войны. Он

---

²³³ Ibid. S. 233.

²³⁴ Ibid. S. 75.

²³⁵ Ibidem.

²³⁶ E. Jünger. Politische Publizistik. S. 83.

²³⁷ Schwarz H. P. Op. cit. S. 75.

абсолютизирует войну и борьбу, и для него, по сути, жизнь и политика становятся «продолжением войны иными средствами»²³⁸ с перспективой реванша.

Здесь следует упомянуть о том влиянии, которое оказал на немецкого националиста видный французский писатель и политический мыслитель правого толка Морис Баррес (1862—1923). Даже спустя много лет, в дневнике 80-х гг. XX в. Юнгер признается, что Баррес после «Первой мировой сильно подействовал на меня»²³⁹. Для Юнгера 20-х гг., Франция М. Барреса была милей Франции Барбюса²⁴⁰. Даже в глубокой старости Юнгер будет сравнивать свое положение после 1918 г. с положением «юного француза после 1871 г.», приводя цитаты из работ Барреса на французском языке²⁴¹. Воздействие француза на немца являлось настолько значительным, что в одном из интервью он признал, что именно под влиянием чтения книг Барреса стал националистом²⁴². Как пишет Швилк, для обоих имело особое значение «состояние чрезвычайного экстатического избавления от навязанной цивилизации, отвращения и скуки современной жизни»²⁴³. Речь идет, в первую очередь о произведениях Барреса, посвященных особому значению крови и почвы в сочетании с аристократическим утонченным вкусом, таких как «Кровь, сладострастие и смерть» (1894)²⁴⁴ или «Культ самого себя» (1888—1891). Сходство сказывается и в метафизическом, а не биологическом понимании понятия крови²⁴⁵. Совпадение проявляется не только в эстетическом восприятии обоих писателей, но и в том, что, как полагает Кизель, «интегральный национализм» Барреса послужил идеологическим базисом для «солдатского» или «нового национализма» Юнгера, в пику пацифизму,

²³⁸ Jünger E. Politische Publizistik. S. 171-172.

²³⁹ Jünger E. Siebzig verweht III. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1993. S. 249

²⁴⁰ Jünger E.. Politische Publizistik. S. 239.

²⁴¹ Jünger E.. Siebzig verweht IV. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. S. 326.

²⁴² Schwilk H. Op. cit. S. 240-241.

²⁴³ Ibid. S. 241.

²⁴⁴ Kiesel H. Op. cit. S. 152.

²⁴⁵ Ibid. S. 294; E. Jünger. Politische Publizistik. S. 233; Martus S. Ernst Jünger. - Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 52-55; Weißmann K. Maurice Barrès und der "Nationalismus" im Frühwerk Ernst Jüngers//Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten/Hrsg. G. Figal, H. Schwilk. - Stuttgart: Klett -Cotta. 1995. S. 133.

интернационализму и даже романтизированному традиционализму²⁴⁶. Однако, как покажут последующие периоды жизни мыслителя, на этом параллели между двумя писателями не заканчиваются.

В связи с предыдущим рассуждением представляется необходимым коротко, в силу проработанности темы, затронуть вопрос интеллектуального влияния на Эрнста Юнгера на данном этапе, обозначить тех, кого он сам называл позднее «своими наставниками»²⁴⁷.

Практически все биографы совпадают в части определения важнейших «учителей»: Фридрих Ницше упоминается как первый. Это не удивительно, если вспомнить выражение Фридриха Майнеке из разговора с Трельчем, о том, что поколения немцев различаются по тому, «сидит ли у них в печенках Ницше или нет»²⁴⁸. Ханс-Петер Шварц упоминает в качестве «трех учителей Юнгера» Хаманна, Новалиса и Гете²⁴⁹. Хельмут Кизель к этому списку прибавляет еще ряд «авторов, которые приобрели в это время особенное значение для Юнгера»²⁵⁰ в его погружении в гуманитарные знания: Артура Шопенгауэра, Эрнста Гофмана, Шарля Бодлера, Артура Рембо, Жорис-Карла Гюисманса и современников — Освальда Шпенглера, Томаса Манна, одного из основоположников дадаизма еврейского происхождения Вальтера Сернера.

Также особое место в познании героя войны отводит Кизель и произведениям будущих друзей и собеседников Юнгера: Готфрида Бенна и Альфреда Кубина. Часто упоминаются в иной литературе и другие авторы, такие как Стендаль, Гельдерлин. Есть в этом списке и русские писатели – прежде всего, Достоевский и Толстой. Сложно переоценить влияние двух будущих собеседников — Мартина Хайдеггера и Карла Шмитта. Бесспорно, что воздействие некоторых из них прослеживается на протяжении всей жизни

²⁴⁶ Kiesel H. Op. cit. S. 283.

²⁴⁷ Ernst Jünger: «Stendal war mein Meister». Von H. L. Arnold//Die Zeit, 2010. Nr. 44. S 50.

²⁴⁸ Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу. Предисловие//О. Шпенглер. Закат Европы. М.: изд. Мысль. 1993. С. 55.

²⁴⁹ Schwarz H. P. Op. cit. S. 249-253.

²⁵⁰ Kiesel H. Op. cit. S. 143.

мыслителя, и он позднее упомянул об особых возбудителях, которые «формировали характер и оставили на нем отпечаток: «Рембо как поэт, Шопенгауэр как мыслитель и Хаманн как маг»²⁵¹. Столь обширный список значительных персон позволяет сказать о глубоко заложенной еще на раннем этапе широте кругозора и определенной идейной направленности. Обилие французских авторов – свидетельство личной непредвзятости, которая смягчает излишнюю политическую жесткость праворадикального периода, а значительное влияние романтиков и правоориентированных авторов – говорит о протоконсервативном гене раннего юнгеровского творчества. Во всем этом сказывается особенность авторского восприятия мира и творческого метода – способность вбирать различные компоненты при сохранении доминирующего творческого и идеологического стиля. Широкие литературные вкусы стали в какой-то мере прививкой, правда, далеко не единственной, от нацизма. Романтизм и традиционализм, проникшие в сознание Юнгера через чтение в детстве «Неистового Роланда», «Дон Кихота» и «Тысячи и одной ночи»²⁵², создали особый юнгеровский стиль уже на этом этапе. В нем можно увидеть органически сочетающиеся личные пристрастия читателя, склонного к литературным экспериментам и автора, набирающего вес в сфере радикального ультраправого видения ситуации. Подобное совмещение будет присутствовать в мировоззрении Юнгера и в дальнейшем, правда, несколько на ином содержательном уровне.

Антинациональные силы в это время для немецкого публициста являют довольно распространенный в то время в праворадикальной среде перечень — еврейство, вольные каменщики, крупные финансы, церковь, стремящаяся к светской власти, что публицист характеризует, как «иезуитство»²⁵³, и представляет их «надгосударственными», то есть чуждыми «национальному государству». В этом смысле, речь идет о характерном для консервативного мышления моделировании формы политического поведения исходя из

---

²⁵¹ Jünger E. Siebzig verweht V. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. S. 202.

²⁵² Schwilk H. Op. cit. S. 59.

²⁵³ Jünger E. Politische Publizistik. S. 293.

представлений о противнике. Силы, олицетворяющие действующее государство не могут быть вытеснены в рамках их политической модели, и именно поэтому фронтовики и все националисты должны встать над этим государством или проникнуть «внутри него»²⁵⁴, не пользуясь его институциональными структурами. Поскольку для националиста существующее государство не является подлинным, значит и борьба с ним носит иррациональный характер, «по ту сторону добра и зла». Помимо устремленного в будущее «нового национализма», лишённого «реакционности», предлагаемые методы борьбы носят черты, с одной стороны, зеркально умозрительного моделирования в духе либеральных проектов, а с другой стороны, являются во многом отражением средневекового, неотрефлексированного, традиционалистского единства всех слоев общества. Попытки симбиоза понятий «нация» и «государство» чаще склоняются в пользу первого, что еще раз подтверждает наличие праворадикальной доминанты в творчестве Юнгера в этот период: «Государство является высшей формой нации» и националисты обязаны стать ядром нового государства²⁵⁵. В работе «Новый национализм» 1927 года подчеркивается, что государство не является самоцелью²⁵⁶. Однако позднее, говорится о том, что «целью национализма является национальное, социальное, оборонительное, авторитетное государство»²⁵⁷. Неустойчивость определений связана со стремлением Юнгера уйти от «политического» в привычном смысле, и выразить все в рамках иррационального видения в духе Ницше. Кроме того, оперирование этими понятиями укладывается в сформированную под влиянием личной мотивации политическую позицию, в которой экстремистско-консервативные ценности используются не для прямой реставрации, а для радикального преодоления настоящего положения. Упор в рассуждениях делается на духовную сторону, иррациональные мотивы, витальную энергию. Именно поэтому, он подчеркивает, что «для нас важна не революция государственных форм, а духовная революция,

---

²⁵⁴ Ibid. S. 255.

²⁵⁵ Ibid. S. 180.

²⁵⁶ Ibid. S. 285.

²⁵⁷ Ibid. S. 500.

которая создаст из хаоса новую первозданную форму»²⁵⁸. А задача возникающего после такой революции националистического государства — «быть сильным и обладать армией, оснащенной всеми современнейшими средствами техники»²⁵⁹. Его политические представления, уже в это время принимают, с одной стороны, мифологический, палингенетический характер, становясь индивидуальной чертой юнгеровского стиля мышления, а с другой — в них постоянно просматривается стремление ухватить практическое значение реальных сил ради будущих сражений. Так, протоконсервативное содержание и ценности подчиняются праворадикальной форме и требованию личной мотивации — необходимости реванша. В этом проявляется и незрелость зачинающегося политического мышления, и симбиоз двух стилей – праворадикального и традиционалистского.

Вес и значение собственно консервативных ценностей в сочетании старого и нового в публицистике писателя явно недооценены в литературе. Например, пишет он, солдат имеет традиции и знает, что «все великое и властное вырастает органически»²⁶⁰. Кроме того, по его мнению, традиция для «человека нации» имеет большое значение, в ней следует жить и опасность кроется в забвении настоящего²⁶¹. Для героя войны важными являются слова из проповеди Лютера: «Ибо уготовано нам царство» и Юнгер говорит о том, что «в воле к Сущему и состоит наша традиция»²⁶². При всей радикальности убеждений, он не отказывается от традиции.

В 1925 году в статье «Фронтвики и внутренняя политика» впервые, наряду с фронтвиками, появится фигура Рабочего как «полезнейшего инструмента современного национализма»²⁶³. Спустя два года, в 1927 году, в статье «Новый национализм», «сообщество рабочих» обозначено как «связанное кровью объединение внутри нации и для нации Работающих», и поэтому «новый

---

²⁵⁸ Ibid. S. 114.

²⁵⁹ Ibid. S. 287.

²⁶⁰ Ibid. S. 124.

²⁶¹ Ibid. S. 128.

²⁶² Ibid. S. 130.

²⁶³ Ibid. S. 148.

национализм должен принять форму рабочего движения»²⁶⁴. По сути, он намечает уже здесь целью движения «государство националистического сообщества рабочих»²⁶⁵. Борьба правых за рабочий класс связана, вероятно, с увиденными возможностями пролетариата в Веймарской республике, его ролью в событиях, таких как подавление путча Каппа-Лютвица и растущим значением в радикальных движениях больших городов. Кроме того, это отвечало юнгеровскому представлению об органическом проникновении национализма во все слои общества, его представлению о «современном националистическом государстве», сочетающем социальные и националистические компоненты²⁶⁶, в противовес марксизму. Так был проложен путь к симбиозу фронтовика и рабочего, достигшего своей конечной точки в 1932 году, в «Рабочем», который стал итогом преодоления идей монархического и республиканского устройства.

Перед заключительным этапом Веймарского периода Юнгера, в ходе которого на предельно метафизическом уровне было выражено все, что писатель осмыслил после Первой мировой войны, появилось произведение несколько выламывающееся из общего движения его мысли. Сложно назвать причины его появления, тем более что оно отражает впечатления не только того года, когда оно появилось, но и нескольких предшествующих. Речь идет о книге «Авантюрное сердце. Записки днем и ночью», первой редакции (1929). В 1927 году произошел переезд семьи Э. Юнгера в Берлин, там состоялись знаковые знакомства со многим интеллектуалами Германии, но не только общение сказалось на стиле нового литературного труда. Очевидно, что помимо пропагандистской деятельности протоконсервативный код, сидевший в нем, дал возможность проявить себя в менее радикальном стиле. Это не означает, что он отказался от своих радикальных представлений, и уже тем более не отошел, разочаровавшись в политике, от идеи «сильного государства», сделал выбор в пользу «чистой литературы». Негативная оценка этого произведения Геббельсом,

---

²⁶⁴ Ibid. S. 286.

²⁶⁵ Ibid. S. 288.

²⁶⁶ Ibid. S. 218.

которого скорее интересовали «электоральные» возможности самого героя войны и его произведений вряд ли могут быть приняты за основу такого мнения²⁶⁷. И «Авантюрное сердце», конечно, не отвечало агитационным планам нацистов. Но оно свидетельствует о том, что его автор в значительной мере превосходил уже тогда, с точки зрения широты охвата, узость многих праворадикальных агитаторов, все же оставаясь радикальным политическим пропагандистом. В какой-то мере, это произведение скрепляет внутренний континуитет автора и представляет иной уровень его творческих возможностей. В нем есть протоконсервативная основа, свидетельствующая в пользу того, что это был не только способ творческого автономного существования, но и определенный стиль, сочетающий общий взгляд на вещи и конкретные политические суждения, то есть превосходящий пропаганду, но ее не исключаящий.

Ряд посылов книги дает ясное представление о юнгеровской протоконсервативной стилистике и традиционным ценностям. Часть из них возвращает к ранним впечатлениям от пережитой войны, тоске по утраченному, выраженному в романтическом стиле: «Культ одиноких возникает из жажды братства, более безымянного, из тяги к духовному единению, более глубокому, чем это свойственно людям»²⁶⁸. Вспоминая свой отъезд в Иностраннный легион, он пишет о том, что его сейчас «скорее восхищает инстинктивный протест против механического времени»²⁶⁹. Почти яростью и восхищением проникнуто описание мечтаний об Африке, в котором угадывается консервативный органицизм и вера в необходимость сохранения органического и природного, ставшие архетипом высказываний в экологическом духе через тридцать лет: «Африка была для меня заветной областью всего дикого, первобытного». Упоминание о средневековом городе, в котором он жил, пропитано тоской «по утраченным временам»²⁷⁰. Юнгер впервые выступает против унификации прогресса в современном ему мире, и в этом смысле он был пионером нового типа консервативного течения,

²⁶⁷ Schwilk H. Op. cit. S. 330-331.

²⁶⁸ Юнгер Э. Рискующее сердце. — Спб.: «Владимир Даль», 2010. С. 114.

²⁶⁹ Там же. С. 118.

²⁷⁰ Там же. С. 120.

правда, генетически связанного с традиционалистским. В пользу этого говорит и описание детского восхищения рыцарскими образами и романами. Эти образы дают ключ к пониманию праворадикального феномена его творчества, отличающегося от многих радикалов Веймарской эпохи. То, что между писателем и «консервативной революцией» нельзя ставить знак равенства, и скорее речь должна идти о некоей взаимосвязи, становится ясно уже в работе Молера. Он относит его к числу шести «неподдающихся категориальной оценке» авторов, которые могут быть вписаны в любую из выделяемых им групп «консервативной революции»²⁷¹.

От представленных юношеских образов и кумиров писатель вновь переходит в атаку на «тусклый арьергард Просвещения», противопоставляя всем атрибутам рационализма, «антикварному понятию индивидуальной свободы»²⁷² девятнадцатого века, веру и приключение²⁷³. «Миру работодателей, и работополучателей, торгашей и денег» он видит альтернативу в чистом виде «искателей приключений, диких кутил и мрачных аристократов грез»²⁷⁴. В этих сентенциях кроется еще одно объяснение юнгеровского погружения в политическую публицистику: для него она была своеобразным продолжением приключения, драйва и риска.

В «Авантюрном сердце» проявляется будущий идеал «расы», которую автор понимает как глубину взаимосвязей в обществе: «Общность рабочих и солдат, отлитая из доброго металла, интеллект, поставленный на службу, но не без некоторой свободы действий и аристократической непринужденности»²⁷⁵.

В рассуждениях об иррациональных порывах сердца Юнгер находит много общего с князем де Линем, Шатобрианом и Наполеоном, которые представлены как примеры истинно военного или утонченного видения жизни. Все это еще раз говорит в пользу того, что автор связан генетически с рыцарством Европы и

---

²⁷¹ Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. S. 324.

²⁷² Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 192.

²⁷³ Там же. С. 132.

²⁷⁴ Там же. С. 147.

²⁷⁵ Там же. С. 232.

стремится подчеркнуть значимость прежних доблестей. В том числе и этим почитанием продиктовано его нигилистическое отношение к современной ситуации и времени, в котором он живет.

В «Авантюрном сердце» можно увидеть весь арсенал протоконсервативной аргументации начинающего писателя. Превалирование традиционных ценностей и морали над рассудком и интеллектом, веры над наукой, порыва над рациональным, целого над частным. Автор со всей ясностью выразил негативное отношение к Просвещению как конкретно-историческому периоду, поставив его вровень с критикуемой им современной демократией. В то же время, наблюдаемое уже здесь несовпадение между традиционными ценностями и праворадикальными целями (архетипическое для творчества Юнгера, как покажет транзит в будущем, конфликт ценностей и реалий станет постоянным элементом рефлексии писателя) не создают конфликта. «Авантюрное сердце» ясно показывает, что нет прямой, жесткой связи юнгеровской праворадикальной версии с прогрессистскими и нацистскими устремлениями. Однако это не позволяет сказать о том, что традиционализм вытесняет праворадикальную доминанту. На этом этапе, он полностью подчинен целям «консервативного революционера», уменьшая дистанцию с нацизмом, что и покажут последующие работы. И «Авантюрное сердце» — не повод об этом забывать или считать, что поворот уже состоялся. Сам Юнгер, говоря позднее о политической публицистике периода «консервативной революции» отметит, как бы объясняя такое сочетание и свою склонность к симбиозу разных ценностей, что «эти тексты показывают, по моему тогдашнему и последующему убеждению, что для консерватизма в его высшем смысле, что называется в подлинном значении понятия, не достаточно подпитываться только наследием, и беречь, то, чем владеешь»²⁷⁶.

«Тотальная мобилизация» (1930) и «Рабочий» (1932) олицетворяют кульминационный, политико-метафизический момент творчества Веймарского периода, в котором писатель попытался впервые выйти на предельный уровень

---

²⁷⁶ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 42.

обобщений, сохраняя при этом основанное на личных мотивах радикальное политическое видение. Будет уместным сказать о своеобразном «синтезе» всего написанного им до этого отрезка времени, однако, не являющемся простой суммой частей. Правый радикализм сочетался с консервативным реализмом, став доминирующим стилем под влиянием, как экономического кризиса, так и успехов нацистов в сентябре 1930 г. «Рабочий» был начат в октябре 1930 г. и вышел в свет в сентябре 1932 г. перед ноябрьскими выборами в рейхстаг. Радикальный публицистический слог в нем сохранялся, но обнажался более ярко и отчетливо образ врага, синтезировавший социальные и внешнеполитические черты буржуа, либерального мира и противников по Первой мировой. Основательно шла речь о национально-политическом компромиссе, сочетающем тотальный внутренний консенсус с внешнеполитической агрессией. Юнгер как никогда близко подошел к пункту, идеологически сближающему его с нацистским движением, несмотря на то, что незадолго до этого у него проявились практические противоречия с национал-социализмом. Он опубликовал статью в леволиберальном «Das Tagebuch», в которой говорилось, что антисемитизм для националиста не является «существенным вопросом»²⁷⁷, а в сентябре 1929 года атаковал национал-социалистов за публичную попытку отрицать свою причастность к взрыву у рейхстага²⁷⁸, демонстрирующую со стороны НСДАП лояльность республике в глазах националистов. В газете «Der Angriff» нацисты заявили — «господин Юнгер для нас больше не существует»²⁷⁹, что впрочем, не помешало позднее еще раз предложить ему стать депутатом рейхстага от НСДАП.

Статья-эссе «Тотальная мобилизация» может быть названа квинтэссенцией всего публицистического периода. Кризис 1929 года существенно усилил экстремистские коннотации в мышлении писателя в намеченном радикально-консервативном преодолении ситуации. Он говорит о том, что гений войны в великой катастрофе был «пронизан духом прогресса», и два явления — мировая

²⁷⁷ Jünger E. Politische Publizistik. S. 504.

²⁷⁸ Berggötz S. O. Nachwort. Ernst Jünger und die Politik//E. Jünger. Politische Publizistik 1919 bis 1933. S. 859.

²⁷⁹ Ibid. S. 860.

война и мировая революция, являются «двумя сторонами одного события космического уровня»²⁸⁰. Автор придерживается экстремистско-консервативного мнения, в соответствии с которым внешняя и внутренняя политика первой трети XX в. увязывается в конгломерат сложных метаморфоз. При этом он признает размер влияния на события «прогресса – этой великой народной церкви XIX века»²⁸¹. Для этого и возникает людендорфовское понятие «тотальной мобилизации», которая должна существенно изменить способ ведения войны. «Консервативные кабинеты» еще во второй половине XIX века могли готовить вести войну, к которой народные массы относились равнодушно, или вообще не принимали в ней участия, пишет Юнгер²⁸². Теперь же все подчинено военному процессу, и нет ни одного движения, которое бы на последней стадии ведения войны не имело бы хоть какого-то отношения к военным действиям. Война перестала быть сословной привилегией, она становится задачей всех, кто способен держать оружие, она все больше вливается в «гигантский рабочий процесс»²⁸³. При этом, Юнгер не забывает сказать, продолжая критику «века либерализма», о том, что в качестве подтверждения тотальной мобилизации можно привести пример с «радикальным уничтожением такого, вызывающего сомнение понятия, как «индивидуальная свобода» в таких государствах как Россия и Италия, и эта тенденция, целью которой является не иметь ничего, что бы не понималось, как функция государства»²⁸⁴. Новые войны, это не войны рыцарей или бюргеров, а войны рабочих, «отличающиеся рациональной структурой и высокой степенью жестокости, которую мы уже получили в первом большом столкновении XX века»²⁸⁵.

Юнгер противопоставляет монархиям так называемые «прогрессистские страны», подтверждая прежнюю позицию, в рамках которой он не является сторонником реставрации старого режима. Кроме того, для него важна не

---

²⁸⁰ Jünger E. Politische Publizistik. S. 559.

²⁸¹ Ibid. S. 560.

²⁸² Ibid. S. 561.

²⁸³ Ibid. S. 562.

²⁸⁴ Ibid. S. 563.

²⁸⁵ Ibid. S. 564.

техническая сторона, а скорее «готовность к мобилизации»²⁸⁶, и препятствием на пути к победе лежит не только старая сословная структура, но и «вера во всеобщие права человека» из-за которой «монархические здания особенно неустойчивы в момент военных разрушений»²⁸⁷. Примером тому служит несколько рухнувших европейских империй. В обеих политико-идеологических ипостасях автор находит негативную смесь «ложной романтики и неполноценного либерализма», своевременности и несвоевременности²⁸⁸. Так, Юнгер выходит на поиск идеальной формулы сочетания духа времени и силы прогресса. Но этого явно недостаточно.

Обзор в духе консервативного реализма освещает преимущество мобилизации в тех странах, которые победили — США и Франции²⁸⁹. Они лучше использовали силы прогресса. Но не только этот фактор объясняет причины поражения Германии в войне и дает основания для веры в победоносную немецкую перспективу. Публицист помимо прочего находит целый диагностический «букет» включающий в себя предательство (с явным напоминанием о теории «удара ножом в спину»)²⁹⁰, перемалывание всего существующего прогрессом²⁹¹ и видит в молодежи Германии иррациональную тягу к мощи и силе. Юнгер противопоставляет немца Европе, считая, что разделять ее ценности, значит быть, «реакционером, человеком XIX века» — немец встретился с куда более мощной силой — «он встретился с самим собой»²⁹². Прогресс должен сочетаться с иррациональной силой, «внутренней первобытной силой народа», «гештальтом»²⁹³. Только так можно будет превзойти победителей — «мобилизация немца и ничего иного»²⁹⁴.

---

²⁸⁶ Ibid. S. 565.

²⁸⁷ Ibid. S. 566.

²⁸⁸ Ibid. S. 569

²⁸⁹ Ibid. S. 567.

²⁹⁰ Ibid. S. 576.

²⁹¹ Ibid. S. 578.

²⁹² Ibid. S. 581.

²⁹³ Ibid. S. 571.

²⁹⁴ Ibid. S. 582.

В «Тотальной мобилизации» можно наблюдать сочетание экстремистско-консервативного реализма и праворадикального радикализма в мышлении. Оно позволяет гиперболизировать происходящее, и создает вместе с тем, контрлиберальный проект, в котором реализуется личная мотивация автора — реванш за поражение в Первой мировой.

«Рабочий. Господство и гештальт» — трактат, как сам его называл автор, всегда представлялся им как важнейшее произведение в его жизни. И хотя вес иных работ был не менее значительным, внимание к этому произведению со стороны интеллектуалов на протяжении многих лет было самым пристальным²⁹⁵. В письме к Анри Пляру, в 1978 году, Юнгер отмечает, что в момент выхода «в Германии книгу встретило отрадное затишье. Она вышла в 1932 году, незадолго до Третьего рейха, но ни национал-социалисты, ни их противники не знали, что им с ней делать»²⁹⁶. Конечно, некоторое умаление постфактум значения работы в словах Юнгера есть, но дело не только в этом. Проект писался с осени 1930 по октябрь 1932 г., и вышел в тот момент, когда в Германии происходили мощные политические флуктуации, как на внешнем уровне, так и в кулуарном формате. «Рабочий» не являлся «электоральным произведением» и вряд ли его можно было употребить как агитационный материал в ходе выборов ноября 1932 г. или как проект переустройства режима во властных структурах. Швейцарский публицист и литературовед М. Майер считает, что коренное воздействие на создание этого произведения оказало творчество Освальда Шпенглера²⁹⁷, который к тому же за год до выхода Рабочего опубликовал работу «Человек и техника. К философии жизни»²⁹⁸.

Сам Юнгер в предисловии писал: «Замысел этой книги состоит в том, чтобы по ту сторону теорий, по ту сторону партий, по ту сторону предрассудков показать гештальт рабочего как действенную величину, которая уже всей мощью

²⁹⁵ Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. - СПб.: Владимир Даль. 2005. С. 178.

²⁹⁶ Из переписки по поводу «Рабочего». Анри Пляру//Э. Юнгер. «Рабочий». Господство и гештальт. «Тотальная мобилизация». «О Боли». С. 432.

²⁹⁷ Meyer. M. E. Jünger. – München-Wien: Hanser, 1990. S. 163.

²⁹⁸ Ibid. S.192.

вмешалась в историю, и повелительно определяет формы изменившегося мира»²⁹⁹. Не случайно упоминается и «плавник Левиафана» — очевидная аллюзия на тему главного политического произведения Т. Гоббса, также претендовавшего на создание теории, имеющей своей целью преодоление разрушительности революционной эпохи, и пополнившего будущий арсенал консервативной мысли. Однако, как бы ни стремился уйти от конкретики автор, в основе рассуждений «Рабочего», в первую очередь, лежат последние события, связанные с Германией.

Он начинает с обоснования немецкой личности и оснований для тотальной мобилизации. Изначально оно пропитано глубоким антилиберализмом и антибуржуазностью в духе ультратрадиционалистского консерватизма. «Оглядываясь на более чем столетний период немецкой истории, мы вправе с гордостью признать, что были плохими бюргерами», — пишет он в первой части книги, посвященной критике буржуазии, и противостоящему ей Рабочему³⁰⁰. Автор исследует буржуазность не столько как социальное, а скорее как национально-психологическое явление. И он подчеркивает, что «немец не был добрым бюргером». Поэтому он критикует абстрактное понятие свободы, противопоставляя ей коллективную волю. Свобода для него является «ленным владением» и сознание этого «кристаллизовано во всех незабвенных изречениях, которыми исконное дворянство нации покрывает гербовый щит народа; оно правит мыслью и чувством, деянием и трудом, искусством управления государством и религией»³⁰¹. Шварц пишет о том, что уже в ранних трудах антирационализм обнаруживается как основополагающая константа его критики современности, которая себя проявит, правда в несколько иных терминах, и при нацизме и во время после Второй мировой войны³⁰².

В начале «Рабочего» в чистом виде представлена модель критики с позиций традиционализма типических либеральных положений, в которой

²⁹⁹ Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. «Тотальная мобилизация». «О Боли». - СПб.: 2000, «Наука». С. 60.

³⁰⁰ Там же. С. 61.

³⁰¹ Там же. С. 63-64.

³⁰² Schwarz H. P. Op. cit. S. 72.

государство превалирует над обществом, а коллективное над личным. Немцу, из всех качеств, более всего присущ порядок, в котором даже вождь всего лишь «первый слуга, первый солдат, первый рабочий». «Поэтому как свобода, так и порядок соотносятся не с обществом, а с государством, и образцом всякой организации является организация войска, а не общественный договор», — заключает Юнгер³⁰³. Общество, вопреки стихийному началу, «определяется двумя высшими понятиями разума и морали»³⁰⁴, что позволяет не допускать все, противоречащее им. Оно стирает государство, подгоняет его под свои мерки, и это обусловлено «бюргерским понятием свободы, нацеленным на превращение всех связующих отношений ответственности в договорные отношения, которые можно расторгнуть»³⁰⁵. Критика обращена на абстрактную фигуру «единичного человека, человека вообще, представление о котором и лежит в основе бюргерского взгляда»³⁰⁶. «Покрытое пылью понятие либерализма», «триумф общества над государством», что есть «государственная измена вкупе с предательством родины»³⁰⁷, должны быть заменены на «новый порядок повелений», не имеющий ничего общего с внесением «поправок в общественный договор»³⁰⁸.

Непримиримой противоположностью бюргерским оценкам является понятие Рабочего, которое употребляется, подчеркивает Юнгер, «как органическое понятие»³⁰⁹. «Ведь Рабочий относится к стихийным силам, даже простого наличия которых бюргер никогда не ощущал»,³¹⁰ — пишет он.

Помимо противопоставления Рабочего бюргеру и государства обществу, Юнгер отмечает важность главенства «высшего закона борьбы» над экономикой», тем самым выводя понятие Рабочего за марксистские рамки³¹¹. Рабочий несет в

³⁰³ Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. С. 64.

³⁰⁴ Там же. С. 71.

³⁰⁵ Там же. С. 74.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. С. 78.

³⁰⁸ Там же. С. 79.

³⁰⁹ Там же. С. 66.

³¹⁰ Там же. С. 69.

³¹¹ Там же. С. 83.

себе и черты рыцаря, и черты анархии, проявляясь через новую аристократию³¹². К ней относится «движение фронтовиков, армия, социал-революционная партия» и она «овладевает решающими духовными и техническими средствами»³¹³. В этой позиции проявляется явный элитаризм, свойственный и его пониманию фронтовика, и прежним романтическим представлениям о средневековье. Шварц считает, что «борьба для него опаснейшая работа и в войне он видит древнюю форму современного рабочего, а в материальных битвах — лицо современного времени»³¹⁴.

Гештальт Рабочего (общая дефиниция работы) должен как-то проявить себя и проблема его институализации решается через понятие господства. Однако само его описание нового типа властвования при всем том, носит предельно общий характер: «В мире работы власть не может быть ни чем иным, кроме как репрезентацией Гештальта Рабочего. В этом состоит легитимация новой, особенной воли к власти»³¹⁵. Появляется понятие «субстанциального отношения», в котором просматривается явное стремление выйти на уровень оппонирования либерализму, заимствуя его приемы, что характерно для консервативного стиля мышления.

Важную роль в логике смены бюргера рабочим играет весьма расплывчатое понятие «органической конструкции». В ней «метафизическая власть, тот самый гештальт, который техническими средствами приводит в движение материю, начинает подчинять себе также и органические единства»³¹⁶. Позднее, в оценке экономической борьбы автор дает некоторое прояснение смысла достижения «органической конструкции»: ее главным качеством является избавление от «инициативы индивида, как изолированного, так и выступающего *en masse*»³¹⁷.

Итогом мобилизации материи гештальтом рабочего проявляющемся в технике через осуществление тотального характера работы является конечное

³¹² Там же. С. 128, 130.

³¹³ Там же. С. 379.

³¹⁴ Schwarz H. P. Op. cit. S. 69.

³¹⁵ Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. С. 135.

³¹⁶ Там же. С. 187.

³¹⁷ Там же. С. 189.

единство — стирание «различий между механическим и органическим миром»: его символ — органическая конструкция³¹⁸. Так появляется еще одно определение этого понятия и оно уже носит совершенно праворадикальный характер. Юнгер, по сути, стремится к искомому соединению стихийных сил нации и технических достижений времени для создания непобедимой силы. Ее метафизическая цель — реванш. Однако речь не идет о прогрессе или модернизации, это скорее высвобождение иррациональной энергии при помощи современных средств. Так что автор проявляет себя и как правый радикал, и как протоконсерватор. Не случайно, понимание анархического и нигилистического общественно-духовного состояния в мире и в стране, сочетается с важностью «глубинной силы народа», существующего вопреки прежним «старым порядкам», которые оказались неспособны к обладанию силой³¹⁹.

В качестве прогнозиста Юнгер предвидит состояние, в котором «национальные государства и национальные империи старого стиля будут заняты созданием для себя конституции, выраженной в органической конструкции планового ландшафта»³²⁰. Содержание этого плана чрезвычайно близко приближает Э. Юнгера к нацистской модели и даже связывает его с ней. В статье «Падение или новый порядок?», появившейся в мае 1933 года, он прямо говорит о том, что «теперь в Германии соображения Рабочего плана начинают доминировать в политической мысли»³²¹. Юнгеровский рабочий план выходит далеко за рамки государства и одного народа: «Естественное пространство, с которым соотнесены господство рабочего и его гештальт, обладает планетарным размахом... Техника обладает всемирно-революционным значением как средство, которым гештальт рабочего мобилизует мир; такое же значение имеет и тип, из которого этот гештальт создает для себя расу господ»³²².

---

³¹⁸ Там же. С. 260.

³¹⁹ Там же. С. 302.

³²⁰ Там же. С. 418.

³²¹ Jünger E. Politische Publizistik. S. 649.

³²² Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. С. 324-325.

Автор «Рабочего» в этом случае отстаивает единообразное оформление пространства, свойственного «любой империи». Гештальт Рабочего — это выход за рамки «рабочего государства» в силу своего планетарного значения и однообразия форм последнего³²³. Происходит размывание границ между порядком и анархией и возникает порядок иного ранга — ранга органической конструкции³²⁴, которая одновременно и синтез всего, и пограничное состояние, и планетарное явление. В этом понятии сказывается стремление через праворадикальное видение ситуации преодолеть кризис и противопоставить либеральной модели, столь же абстрактную радикально-консервативную модель: «этот результат выражается в замене либеральной, или общественной демократии на рабочую, или государственную демократию»³²⁵. Юнгер явно не собирался дожидаться 30 января 1933 года. Для него оно состоялось после выхода «Рабочего». И речь, по сути, идет о тоталитарной демократии, как ее определял израильский историк Якоб Тальмон³²⁶.

Органическая конструкция — это выходящее за рамки рабочего государства явление, которое в ходе войны, «решающей проверки» права на власть, ведет к «подчинению плановых ландшафтов» в духе «государственного плана имперского ранга»³²⁷. Вырастая из рабочего государства, она должна стать мировым явлением, таков итог рассуждений начинающего политического философа. Будущий секретарь писателя Армин Молер в своей книге «Смотрящие справа» (1974) дает свою трактовку этого понятия. На его взгляд, Э. Юнгер понимал, что разрушения достигнут такой величины, при которых невозможно будет никакое сохранение и поэтому зерно его консервативного мышления окружено радикальным вмешательством, создающим положение, при котором будет возможно возвращение к «природе»³²⁸. Такое понимание одного из самых

---

³²³ Там же. С. 344-345.

³²⁴ Там же. С. 369.

³²⁵ Там же. С. 374.

³²⁶ Тальмон Я. Истоки тоталитарной демократии//Тоталитаризм — что это такое? - М.; 1993. С. 191-214.

³²⁷ Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. С. 402.

³²⁸ Mohler A. Von rechts gesehen. - Stuttgart: Seewald Verlag, 1974. S. 26.

сложных юнгеровских понятий отражает синтез протоконсервативного, традиционалистского и экстремистско-консервативного начал в творчестве Юнгера, при явном доминировании последнего.

«Рабочий» демонстрирует сложный синтез праворадикального, экстремистско-консервативного и протоконсервативного стилей, который, несмотря на исключительно личное стремление автора преодолеть кризис современного немецкого государства при помощи нигилистического заряда (Хайдеггер отнес позднее «Рабочего» к фазе «активного нигилизма», в котором нигилизм обнаруживает свою планетарную тенденцию³²⁹) идейно, чрезвычайно приблизил его к нацистской политико-государственной модели. Но на практике сотрудничество так не состоялось.

В реальности, отношения Юнгера и НСДАП не были безоблачными, несмотря на значительные формальные и содержательные совпадения, публикации героя Первой мировой в «Фелькишер беобахтер» и признание за Гитлером права на вождизм после мюнхенского путча. Праворадикальное совпадение наблюдалось и это убедительно показывает юнгеровская публицистика. Однако и тогда, курс нацистов на легальность отношений с республиканским режимом, участие в выборах, противоречили позиции героя войны. Он еще в 1927 году подчеркивал, что различие между нацизмом и национализмом состоит в том, что «национал-социализм как политическая организация нацелен на добычу реальных властных ресурсов, тогда как задача национализма в другом. С одной стороны «есть желание реализовать идею, а с другой, насколько это возможно постичь ее во всей глубине и чистоте»³³⁰. Немного позже он подчеркнуто дистанцировался от нацистского расового понимания крови: «Нас отличает от той секты, которая поклоняется расе, вера в то, что кровь становится легитимной благодаря эффективному действию, а не

---

³²⁹ М. Хайдеггер. О «линии»//Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 72-73.

³³⁰ Jünger E. Politische Publizistik. S. 319.

чистоте. Кровь это средство, а не цель»³³¹. И несмотря на юнгеровское «пожелание победы от всего сердца национал-социализму» в 1929 году, для него «события подтвердили, что различие между ним (национал-социализмом – прим. С. К.) и национализмом неизбежно»³³². В том же году Юнгер в письме Бруно фон Саломону пишет, что считает Гитлера, Гугенберга и Зельдте недостаточно радикальными, и «предвидит», в случае их победы, высокую вероятность продолжения ориентированной на Запад внешней и буржуазно-национальной внутренней политики, что «откроет для нашего фронта борьбы их действительное значение»³³³. Интересно, что в поздних интервью, он будет утверждать, что голосовал до 1933 г. за Гугенберга³³⁴.

На этом последнем этапе Веймарского периода творчества, конкретно-исторические цели заретушированы, остаются их обобщенные трафареты, отпечатанные в большом рисунке «Рабочего». Конечной целью «Рабочего» и «Тотальной мобилизации» как праворадикальных проектов является уничтожение либерального республиканского порядка, ответственного, как считает Юнгер, за поражение в войне, и создание реваншистского режима, способного превзойти бывших победителей, невзирая на их техническое и прогрессистское преимущество. Ценностное, протоконсервативное неприятие прогресса в практическом, утилитарном плане уступает свое место праворадикальной устремленности к реваншу, и Юнгер, несмотря на уход от прямой националистической риторики, вышел на уровень «высокого слога» праворадикальных обобщений. Хотя, и его мировоззренческий протоконсерватизм и правый радикализм в этот период нацелены на преодоление кризиса в духе палингенетического мифа, как его называет английский историк Р. Гриффин, мифа об упадке и последующем «возрождении из пепла». Так Юнгер

---

³³¹ Ibid. S. 371.

³³² Ibid. S. 517.

³³³ Berggötz S. O. Nachwort. Ernst Jünger und die Politik // E. Jünger. Politische Publizistik. S. 858.

³³⁴ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik // Der Spiegel. 1982. №33. S. 163. Альфред Гугенберг (1865-1951) — влиятельный правоконсервативный политик и бизнесмен, лидер НННП (Немецкая национальная народная партия) один из учредителей Пангерманского союза.

противопоставляет либеральной универсалии и фактическим результатам Первой мировой традиционалистскую уверенность в значимости почвы и национальных ценностей, которые и являются основой всех его рассуждений о настоящем и проектах будущего. Современные достижения, такие как техника, являются в этом случае, сильно заряженной «оболочкой» для протоконсервативного ядра его взглядов. Однако, в конкретно-исторической плоскости вся праворадикальная аргументация основана на личном мотиве — мотиве реванша, стремлении к пересмотру результатов Версальского мира. Она базируется на представлении об отсутствии сплоченности нации во время войны, «ударе ножом в спину», необходимости слияния иррациональных сил народа и техники и тотальной мобилизации. Итогом последней и должен был стать режим «органической конструкции» и «Рабочего». Традиционные ценности уступают по силе воздействия праворадикальным целям, но это не означает, что прошлое целиком уступает место идее прогресса, которую Юнгер использует во имя реванша. Этот сплав во многом повлияет на процесс транзита юнгеровских воззрений, станет его своеобразным «топливом».

Сближение правого радикала с нацизмом на уровне целей и моделей внутреннего развития и внешней экспансии Германии не было реализовано в практической политике, поскольку оказалось разграничено отношением к расовому вопросу, ксенофобии и в отказе от участия в легальном политическом процессе. Юнгер идейно максимально сблизился с нацизмом к 1932 г., но не пересек грань, отделявшую его от него, хотя не следует отрицать его вклад в крушение Веймарской республики, как и вклад многих других правых радикалов и традиционных консерваторов. Ключевым фактором различий с нацизмом даже в этот радикальный период стало традиционалистское, протоконсервативное ценностное ядро воззрений. Юнгеровское видение борьбы, укладывавшееся в формулу К. Шмитта, «друг-враг» носило экзистенциальный, а не ценностно-непримиримый характер. Не случайно, в их переписке он видит в предложенной Шмиттом дихотомии «друг-враг» знак начинающегося разрушения, «очищения от развалин», сравнивая ее с военно-техническим изобретением – «миной, которая

взорвалась беззвучно»³³⁵. Как далеко бы не заходил в направлении правого радикализма Эрнст Юнгер, его протоконсервативная широта не позволяла ему скатиться к национал-социализму. Будучи антиреспубликанцем он не стал нацистом. Но и отстраненным писателем и интеллектуалом его при очевидной праворадикальной доминанте называть еще рано.

Внутриэтапный, праворадикальный транзит проявляется в динамике от военной апологетики через пропагандистский антиреспубликанизм к масштабному праворадикальному проектированию. Внутренняя эволюция пока подчинена реваншистским устремлениям и внешним целям. Но при всем этом, во многом ситуационное и реактивное праворадикальное целеполагание сдерживается на уровне ценностей неосознанным традиционалистским духом, выраженным в вере в исконные силы народа и нации. Все вышесказанное, позволяет утверждать, что праворадикальный феномен Эрнста Юнгера является сложным комплексом, сочетающим в себе различные ценностные и ситуативные величины.

---

³³⁵ См. об этом: Казаков С. О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.- М.: Книжный дом «Либроком», 2008. Вып. 24. С. 355.

2 ГЛАВА

УМЕРЕННО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ: Э. ЮНГЕР МЕЖДУ
ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИМ И ЛИБЕРАЛЬНЫМ КОНСЕРВАТИЗМОМ

(1933-1960)

2.1. Формы и содержание традиционалистско-консервативной эволюции Э.
Юнгера в нацистской Германии (1933-1943)

Приход Гитлера к власти не убавил, а прибавил противоречий на правом фланге политического спектра. Несмотря на первоначальную уверенность в том, что реализуется «рабочий план»³³⁶, относительно скоро Юнгер ощутил на себе и своих близких друзьях «своеобразие» нового режима, ограничивающего даже его свободу. Конечно, тронуть такую фигуру и устранить физически нацисты не могли, но обыск, проведенный полицией на его берлинской квартире в начале 1933 года, и затем, последовавший в связи с этим визитом³³⁷, переезд в Гослар в конце того же года, внимание со стороны гестапо, ограничение публицистической деятельности и арест друга Эрнста Никиша, позволили во всей полноте ощутить изменения по сравнению с Веймарским периодом. В письме от 13 декабря 1933 года Карлу Шмитту, в его дефиниции «друг-враг» он видит основной метод, при помощи которого в аморальном мире можно ухватывать и воспринимать сменяющуюся последовательность конкретных ситуаций»³³⁸.

Надо сказать, что Юнгер постарался сделать все, для того чтобы продемонстрировать свое нежелание участвовать в официальных структурах новой Германии. Он в очередной раз отказывается от мандата НСДАП в рейхстаге, а 16 ноября 1933 года пишет полное иронии письмо об отказе

---

³³⁶ Jünger E. Politische Publizistik. S. 649.

³³⁷ Jünger E.. Die Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation)//E. Jünger. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. S. 536.

³³⁸ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. S. 18-19.

участвовать в выдвижении в Немецкую академию поэзии, бывшую секцию поэзии Прусской академии искусств, мотивируя свое решение «солдатским характером своей работы»³³⁹. Юнгер не стал мириться с нацистской внутренней политикой, делением фронтовиков на врагов и друзей, с расколом нации, который явно противоречил его пониманию «тотальной мобилизации». Он прямо запретил перепечатывать свои работы «Феклькишер беобахтер» и в письме на имя нацистского функционера высказался об отказе от расистского учения НСДАП в силу иного понимания «субстанциального размера Человеческого», не сводимого к политическому³⁴⁰.

Как считает Швилк, Юнгер, безусловно, приветствовал падение парламентской демократии, но видел в нацистской диктатуре лишь переходный период к «рабочей демократии»³⁴¹. Его относительно «тихое, эстетическое дистанцирование», форму которого он описал в письме своему брату Фридриху Георгу осенью 1934 года как «благородное действие, неучастие в низком»³⁴², положение между теми, кого правые позже обвинят в том, что они покинули страну и вели борьбу с нацизмом из комфортных американских радиостудий (упрек в сторону Томаса Манна), и теми, кто безоговорочно поддержал Гитлера, в какой-то мере было стабильным. Выбор «среднего пути», свидетельствует об иного рода типе столкновения с политическим режимом мыслительных конструкций, выстроенных Юнгером в этот период. Контраст этого выбора наиболее четко проявляется в сравнении с позицией Карла Шмитта, с которым Эрнст Юнгер находился длительное время в близких отношениях, ментальном эпистолярном и личном обмене мнениями.

Знакомство и первоначальная переписка двух выдающихся фигур интеллектуальной истории Германии состоялись в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века. Они чрезвычайно быстро сблизились, уже в 1934 году Шмитт стал крестным отцом второго сына Юнгера, Александра, родившегося в Госларе.

³³⁹ Schwilk H. Op. cit. S. 359.

³⁴⁰ Ibid. S. 369.

³⁴¹ Ibid. S. 358-359.

³⁴² Ibid. S. 361.

Несмотря на значительную разницу в мировоззрении их общение затянется более чем на полвека, хотя испытание взаимоотношений не заставило себя ждать.

В начале августа 1934 года, после «ночи длинных ножей», Карл Шмитт в «Немецкой юридической газете» опубликовал статью под красноречивым названием: «Фюрер на защите права». Наряду с его работой в официальных структурах третьего рейха эта публикация дала в дальнейшем повод Юнгеру назвать в одном из писем эти два события «роковыми решениями вашей жизни»³⁴³. Кроме того, они бросили тень на всю последующую судьбу Шмитта в постнацистской Германии. У Шмитта были свои причины для этих решений. Незадолго до назначения Гитлера рейхсканцлером он предлагал запретить радикальные партии — коммунистическую и нацистскую. «Экстремистским партиям, — настаивал ранее Шмитт, — нельзя предоставлять равные шансы с партиями конституционными...». Это лейтмотив его статьи «Легальность и равный шанс», опубликованной в 1932 г., в кульминационный год электоральных успехов нацистов»³⁴⁴.

Подход Шмитта к «ночи длинных ножей» отразился на переписке. Юнгера не могло не задеть убийство большого числа представителей военной касты, объединенной общим переживанием «стальных гроз»³⁴⁵. Однако, Юнгер постарался не нагнетать ситуацию. В письме 1934 года он пишет, что, несмотря на возникшие разногласия из-за «чрезмерной политизации», в их отношениях возможно общение, при котором «подобные различия не играют роли»³⁴⁶. Юнгер говорит о том, что его «интересует иной размер Человеческого, я хотел бы оперировать иными масштабами, выходящими далеко за рамки Политического»³⁴⁷. С этого времени, лейтмотивом в сложные моменты жизни и творчества Юнгера станет вербальная апелляция к метафизическому стилю

³⁴³ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. 1930-1983. Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. S. 247.

³⁴⁴ Рахшмир П. Ю. Политическая теология Карла Шмитта // П. Ю. Рахшмир. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. - Пермь: Изд. ПГУ. 2001. С. 182.

³⁴⁵ Казаков С. О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Книжный дом «Либроком», 2008. Вып. 24. С. 357.

³⁴⁶ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Op. cit. S. 42.

³⁴⁷ Ibidem.

мышления, нарочито подчеркиваемая им отстраненность от конкретно-политического и социального уровня познания мира и событий.

В отличие от Шмитта, продолжившего оппортунистическое движение с нацизмом вплоть до изгнания его с государственной службы в 1936 году, Юнгер занял позицию, при которой сохранял изрядную самостоятельность. Его мировоззрение при столкновении с режимом после 1934 года приняло положение автономного состояния, явно отличающегося от Веймарского периода.

Последним произведением с выраженной праворадикальной доминантой стала небольшая работа «О боли», появившаяся в 1934 году в сборнике «Листья и камни», и которую вполне можно назвать экзистенциальным приложением к «Рабочему». В ней автор пытается определить значение и место боли, одного из ключей, открывающих «доступ к самому миру»³⁴⁸. Юнгер прослеживает эволюцию отношения к боли как к экзистенциальному и метафизическому явлению, и старается понять роль и значение, которую она играла и играет в мире. Он приходит к выводу, что в современном мире повысилось значение безопасности, и увеличились возможности избежать состояния болевого синдрома. Оно связано с теми правилами игры, которое навязало миру бюргерство, а прогресс охватил ими всю землю³⁴⁹. В этом аскетичный солдат видит проявления современного либерализма: «Единичный человек находит множество удобств, которые устраняют возможность трения; среди них — накатанный путь к образованию и выбору профессии по склонности, открытый рынок труда, договорной характер почти всех обязательств и неограниченная свобода передвижения... сказочному совершенствованию технических средств присущ чистый характер комфорта, — кажется, все сделано только для того, чтобы освещать, обогревать, двигать, увеселять и притягивать потоки золота»³⁵⁰. Автор, по сути, предвосхищает «государство всеобщего благосостояния», которое будет доминировать после Второй мировой на Западе, и сразу же напоминает о

³⁴⁸ Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. «Тотальная мобилизация». «О Боли». указ. соч. С. 473.

³⁴⁹ Там же. С. 483.

³⁵⁰ Там же. С. 485.

том, что «ничто, кроме боли не предъявляет жизни более определенных требований» и там где есть ее недостаток, действует некий закон сохранения боли, благодаря которому «равновесие восстанавливается»³⁵¹. Он не верит в возможность «искусственной изоляции от элементарных сил», от того, что естественным образом присуще жизни. В «О боли» подобные рассуждения — основание для традиционалистской критики либеральной системы и иллюзий безопасности.

Юнгер, подобно классическим консервативным мыслителям, учитывает разницу между общими, независимыми от времени явлениями боли, и изменившимися обстоятельствами ее преломления и отношения к ней. Он пишет о том, что «жизнь стремится сохранять постоянную связь с болью»³⁵², упоминает о реплике Бисмарка в отношении смертной казни, считая, что тот выражал взгляд, согласно которому «боль принадлежит к неизбежным явлениям миропорядка, — взгляд, присущий любой консервативной мысли»³⁵³. Однако, он одновременно отмечает, что из целого ряда собранных данных явствует что «наше отношение к боли действительно изменилось», и дух, оказывающий «влияние на наш ландшафт, — без сомнения жесткий дух»³⁵⁴. Поэтому оптимальный выход в этой ситуации — участие в процессе который зиждется на «повиновении, тренировке и дисциплине, короче на воле»³⁵⁵. В этом случае боль будет выступать лишь как критерий, который может дать надежные объяснения — верно ли направление движения³⁵⁶. Речь идет, конечно же, о воине-рабочем, человеке способном переносить боль и не вытеснять ее из своей жизни. В «О боли» такой тип образно зафиксирован Юнгером в «человеке-снаряде», которым можно выстрелить из стволов пушек³⁵⁷, и что было бы «самым плодотворным символом притязания на

---

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же. С. 489.

³⁵³ Там же. С. 514.

³⁵⁴ Там же. С. 524.

³⁵⁵ Там же. С. 527.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же. С. 491.

господство, какой только можно себе представить»³⁵⁸. Это возможно лишь «при превращении индивида в тип, или в рабочего»³⁵⁹ и устранении зоны сентиментальности, в которую входит индивидуальная свобода и всеобщее образование³⁶⁰.

Юнгер совмещает общее консервативное представление о боли и выдвигает праворадикальное требование по ее преодолению в современном мире. Он еще раз подтверждает, какую роль играет техника в его воззрениях, когда пишет, что «техника — наша униформа»³⁶¹, то есть то, что помогает преодолевать современную боль, метод, который не имеет отношения к сути.

Уже в это время можно говорить о своеобразном стилистическом сочетании, прокладывающем дорогу к более умеренному консервативному стилю. Это подтверждается юнгеровским утверждением о том, что «все состояния взаимопроникаемы, старое и новое переплетаются многообразными способами»³⁶².

Время с 1934 по 1939 гг. в жизни писателя можно с полным основанием считать «внутренней эмиграцией» и «эстетической оппозицией». В этот период происходит ослабление праворадикальной доминанты. При этом Юнгер не скрывает своего отношения к некоторым событиям. Есть сведения о помощи семье арестованного Эрнста Никиша, поездках к адвокату последнего для обсуждения вариантов его освобождения³⁶³, о протесте против исключения из союза бывших однополчан 73 полка (в котором он сам служил) еврейских членов, и даже в знак этого выхода из сообщества³⁶⁴.

При этом, есть факты, которые говорят в пользу того, что писатель даже в чем-то «выиграл» от нацистского правления, которое нашло способ для

---

³⁵⁸ Там же. С. 492.

³⁵⁹ Там же. С. 493.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Там же. С. 507.

³⁶² Там же. С. 505.

³⁶³ Schwilk H. Op. cit. S. 368.

³⁶⁴ Ernst Jünger – Leben und Werk in Bilddokumenten und Texten / Hrsg. H. Schwilk. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. S. 305; E. Jünger. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. S. 173.

эксплуатации его образа. «В стальных грозах» издавались многотысячными тиражами, и автор получал за это приличные отчисления³⁶⁵. Можно сказать, что существовал негласный договор: писателя не трогали за явные недружественные проявления по отношению к режиму, но использовали его имя и труды для поддержания пропаганды в среде, в которой он был авторитетом.

Однако, степень неучастия в нацистской пропаганде все-таки была более значительной. Поэтическое отчуждение сказывалось и в форме выбранного мыслителем жанра, и в содержательном смысле. Писатель активно путешествует, предпочитая длительные поездки на родине, пишет своеобразные воспоминания о своей юношеской аванюре под названием «Африканские игры» (1936), и в декабре 1936 года, переезжает в Юберлинген на Боденском озере, с которым будет связано написание новых произведений.

Тем не менее, можно наблюдать попытку описать, объяснить произошедшее с Германией, пусть и на уровне предельных обобщений. Во второй редакции «Авантюрного сердца», вышедшей в 1938 году, можно видеть становление нового стиля, основой которого станут образы и аллюзии, связанные с реальностью только авторским прочтением. В трех произведениях последующего десятилетия («Авантюрное сердце», «На мраморных скалах» и «Гелиополис») вплоть до 1949 года можно зафиксировать стремление выйти на метапоэтический уровень размышлений, помимо данного в военных дневниках прямого политического объяснения по поводу нацизма. Поэтому именно в этот сложный для него лично и Германии вообще момент Юнгер впервые основательно заявил о себе как исключительно о писателе. Это позволяет сделать важный вывод о сущности и причинах генезиса его консервативного мышления. Дело в том, что в силу экзистенциальных переживаний и событий в личной жизни Юнгеру претило следование каким-либо стереотипам. Он старался избегать постоянных шор, ограничений, шла ли речь о государственных или идеологических штампах. Таким образом, его следование динамическим

---

³⁶⁵ Schwilk H. Op. cit. S. 360.

изменениям, философское понимание сущностного ядра и временных наслоений были результатом органических, естественных размышлений. И лучше всего подобному способу восприятия соответствовал именно консервативный стиль. Писательский опыт 30-х г. XX века как нельзя лучше подчеркивает независимость автора от каких-либо других идейных направлений, явным подтверждением чего является многообразие трактовок, в том числе и этого времени жизни и творчества.

Во второй редакции «Авантюрного сердца» с подзаголовком «Фигуры и каприччо» (1938) писатель старается выразить основную позицию во времени в поэтических метафорах. Отмечая разницу между глубиной и поверхностностью, он замечает, что «прозрачность» позволяет видеть и то, и другое³⁶⁶. Ключ к такому общему пониманию дает «комбинаторная способность», которая «отличается от логической тем, что постоянно пребывает в контакте с целым и никогда не теряется среди деталей»³⁶⁷. Ее раскрытию способствует еще одна способность — «стереоскопическая чувственность», позволяющая «извлекать из одного и того же тона сразу два чувственных качества»³⁶⁸. По сути, автор противопоставляет рассудку иррациональное прочтение действительности и в новых условиях по-иному оппонирует рациональному способу мышления.

Юнгер в этом произведении отмечает наличие в обществе людей, на чьих лицах написано, что они способны «упиваться муками других» и проявлять агрессивные инстинкты. Им он противопоставляет манеру поведения, которая попадает под понятие «благосклонность», которая «подобна свету», демонстрирующему достоинство человека. Она связана с правящим и благородным началом, «украшала гомеровских героев и древнюю королевскую власть» и «представляет духовную, основанную на благородном происхождении сторону власти»³⁶⁹. Здесь можно видеть оппонирование современности, которое

³⁶⁶ Юнгер Э. Сердце искателя приключений. Фигуры и каприччо. - М.: Ад Маргинем, 2009. С. 12.

³⁶⁷ Там же. С 30.

³⁶⁸ Там же. С.35.

³⁶⁹ Там же. С. 79.

основана на традиционалистских ценностях. Не случайно, что на страницах «Авантюрного сердца» в позитивном контексте появляются такие исторические персонажи, как князь де Линь, Шатобриан, Наполеон, а с последним Юнгер связывает рассуждения о благоприятном моменте, видя тщетность научных изысканий. Также бесполезны и несостоятельны, с его точки зрения, «все наши школьные знания в решающие моменты жизни»³⁷⁰.

Свою эпоху писатель характеризует как время дикого и неуправляемого чередования двух ликов власти — стихии и порядка³⁷¹. Для участия в этой эпохе лучше всего подходит с его точки зрения состояние *désinvolture* — манера поведения, которая предполагает непоколебимость, несомненность, непринужденность. Этот важный французский термин Юнгер будет использовать долгое время, и он для него будет обозначением состояния личности и власти, к которому нужно стремиться. Она — «рост и свободный дар», и в какой-то мере является смесью понятий харизмы, пассионарности и легитимности, но только определенного свойства, связанного с личным темпераментом, возможно, самого мыслителя. По его мнению, ее утрата властью имущими ведет к потере равновесия, что является верным предзнаменованием заката³⁷².

Еще одним пороком цивилизации писатель, один из первых в XX веке, видит чрезмерный потребительский избыток. Этому способствуют мечтания, о том, как мы «с помощью машин будем дойти вселенную»³⁷³. Антисциентизм, таким образом, у него сочетается с критикой «общества потребления», идеологема, которая в будущем будет заимствована «новыми левыми».

В «На мраморных скалах», романе, который был окончен летом 1939 года на новом месте жительства — Кирххорсте под Ганновером, а его корректурой автор занимался уже в армии, можно увидеть черты, в которых угадываются как знаки борьбы за власть до прихода Гитлера, так и признаки нацистского режима. Вокруг романа особенно после 1945 года долгое время велась дискуссия о том,

---

³⁷⁰ Там же. С. 145.

³⁷¹ Там же. С. 127.

³⁷² Там же. С. 128.

³⁷³ Там же. С. 203.

является ли он результатом фашистских фантазий или проникнут духом антинацистского сопротивления³⁷⁴. Сам Юнгер в письме Шмитту от 13 сентября 1939 г. написал, что его новая книга содержит «скрытый взгляд на наше время»³⁷⁵. В 1972 г. Юнгер еще раз опишет свою позицию по отношению к роману как выход «за рамки актуального и эпизодического», а основной его целью было «остаться верным самому себе» и доказать свою свободу, «прежде всего в опасности»³⁷⁶. Однако очевидно, что уровень личного неучастия в тоталитарном режиме становился даже вопреки мнению автора, политическим шагом и ему не вполне удалось соблюсти «эстетическую дистанцию». Как он признает позже в интервью, роман позволяет угадать различные прообразы персонажей романа — Гитлера, Геббельса, Рема³⁷⁷. Так, в мавританцах угадываются нацисты, чему есть подтверждения в поздних дневниках мыслителя, напрямую называющего одного из крупных нацистских функционеров Вернера Беста «мавританцем»³⁷⁸. Образ Главного лесничего имеет очевидные черты гитлеровского маниакального лидерства, но они размыты и другими вполне традиционными приметам³⁷⁹. Его появление повествователь связывает с эпохой упадка, «когда стирается форма, определяющая жизнь изнутри»³⁸⁰. В это время теряется равновесие, и «так мы живем в ушедших временах, либо дальних утопиях, между тем настоящий момент растекается»³⁸¹.

Писатель описывает абстрактные формы власти в тирании, и ее вполне можно соотнести с нацизмом: «В первое время мы мало слышали о Главном лесничем... Затем появлялись сообщения о злоупотреблениях властью и актах насилия, переходящие из уст в уста, и наконец такие действия стали совершенно

³⁷⁴ Martus S. Op. cit. S. 126.

³⁷⁵ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. S. 88.

³⁷⁶ Э. Юнгер. Несколько замечаний к роману «На мраморных утесах»//Э. Юнгер. На мраморных утесах: роман. - М.: ООО «Ад Маргинем Пресс». 2009. С. 239.

³⁷⁷ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. Dt. von Peter Weiß. – Wien; Leipzig: Karolinger, 2002. S. 66.

³⁷⁸ Jünger E. Siebzig verweht III. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1993. S. 558.

³⁷⁹ E. Jünger. Auf den Marmorkrippen. - Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt. 1941. S. 29.

³⁸⁰ Ibid. S. 30.

³⁸¹ Ibidem.

неприкрытыми и очевидными»³⁸². Учитывая уровень напряженности в тоталитарном государстве, контекст безусловно мог оказать должное влияние на читающего. Главный лесничий отличается искусностью «злого врача, который нарочно усиливает страдание, чтобы произвести у больного разрезы, которые он замыслил заранее»³⁸³. Вполне возможно, что и Гитлер не был против такого описания, хотя по более поздним упоминаниям в дневниках писатель относил лояльность фюрера за счет прежнего уважения к его военным произведениям после Первой мировой и нежелания диктатора менять это мнение³⁸⁴.

В романе довольно явно проявляется традиционалистская линия рассуждений. Повествователь говорит о том, что «признаком хороших времен является то, что и духовная власть в них тоже действует зримо и современно»³⁸⁵. Описывая момент схватки за власть, герой говорит о том, что ожидал выступления аристократии, «ибо в благородных сердцах страдание народа пылает горячее всего» и «в древних родах живет знание истинной и легитимной меры, и из них прорастают новые ростки справедливости»³⁸⁶. Не исключено, что подобным традиционалистским предвоенным убеждением объясняется близость писателя в будущем к немецкой армейской и дворянской оппозиции в Париже, а также продиктовано его элитистское утверждение, согласно которому «достоинство уязвимо, если оно подчиняется низменной власти»³⁸⁷.

В сентябре 1939 года капитан (звание было присвоено перед мобилизацией) Эрнст Юнгер пошел на «свою» Вторую мировую войну. Провозвестник «тотальной мобилизации» и сторонник реванша не мог пропустить начало его внешнеполитической реализации. Это противоречило бы и его воинской натуре. Совпадение с нацизмом в части военных амбиций было очевидным, и он не мог остаться в стороне. Однако вряд ли автор «Рабочего» предполагал, какую динамику претерпят его взгляды под влиянием надвигавшегося с 1942 г.

³⁸² Ibid. S. 34-35.

³⁸³ Ibid. S. 52.

³⁸⁴ Jünger E. Die Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation). S. 638-639.

³⁸⁵ Jünger E.. Auf den Marmorkrippen. S. 48.

³⁸⁶ Ibid. S. 104.

³⁸⁷ Ibid. S. 137.

поражения и реальности новой «тотальной войны», которая приведет его к совершенно иному образу мышления. За время службы вплоть до увольнения в 1944 г. писатель станет офицером штаба в оккупированном Париже, побывает в командировке на Кавказе, окажется в опасной близости к заговору 20 июля 1944 г., обрстет широким кругом новых знакомых и существенно обогатит свой литературный и философский кругозор.

Важнейшим источником в это время являются вновь начатые военные дневники, которые появлялись по мере написания под разными, соответствующими месту пребывания их автора, названиями. В целом, они охватывают период с 1939 по 1945 гг., но были опубликованы в Германии уже в 1949 г. (с учетом запрета на публикации в Германии со стороны союзников до начала 1949 г.). В собраниях сочинений эти записи выходили под объединяющим названием (относящимся и к более поздним дневникам) «Излучения».

Дневниковые записи постепенно демонстрируют поворот автора к умеренному консерватизму. Первый из них, «Сады и дороги» относится к периоду с апреля 1939 по июль 1940 гг. и находился под фактическим запретом на публикацию под предлогом нехватки бумаги. По этой причине он имел хождение в «самиздатовском» формате в вермахте и за границей. Подлинной причиной, по мнению Юнгера, был упомянутый 73 псалом из Библии³⁸⁸, который в тот момент уже не соответствовал дисциплине тотального государства. Дневник охватывает короткий предвоенный период, время «странной войны» и французской кампании вермахта. В нем речь идет скорее, об экзистенциальной корректировке позиции, нежели политическом повороте. Встреча с французской культурой не в окопной войне, а при прохождении на марше городов и деревень северной Франции вызвала у него глубокий исследовательский интерес. Кроме того, в этом дневнике более ярко просвечивает новая тема рассуждений представителя «траншейной аристократии» — пиетет перед подлинной аристократией, «в благородном облике которой проявляется блеск того или иного народа»³⁸⁹, и миром прошлого.

³⁸⁸ Jünger E. Strahlungen. Vorwort//E. Jünger. Werke. Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 2.S. 20

³⁸⁹ Юнгер Э. Сады и дороги: дневник. С. 192.

Находясь во время перехода в кафедральном соборе города Лаона, Юнгер отмечает: «Я постиг согласие между тем, прежним и нашим временем. Я почувствовал, что оно просто не может стать для меня чужим, и поклялся себе никогда впредь не забывать того, чем я обязан предкам»³⁹⁰.

Писатель в дневнике обращается к творчеству таких признанных представителей консервативной мысли как Шатобриан, французский католический мыслитель Леон Блуа, с творчеством которого он познакомился благодаря Карлу Шмитту³⁹¹. Максими Ларошфуко Юнгер называет «частью моего неприкосновенного запаса»³⁹².

В этом дневнике пока сохраняется убежденность в необходимости ведения войны и реализации «рабочего плана», который ранее был обрисован. Так, автор пишет перед началом войны, 28 августа 1939 года, что «накопилась такая масса противоречий, что разрешить ее можно было только огнем»³⁹³. На вопрос французских военнопленных о том, почему поражение оказалось таким стремительным «я ответил, что усматриваю в нем победу рабочего... Они не знали прожитых нами после 1918 года лет и тех их уроков, что, словно в плавильном тигле, слились воедино»³⁹⁴.

Однако сам герой Первой мировой испытывает неприятные чувства перед новым типом ведения войны и неоднократно упоминает об этом. Место земли и дерева заняли бетон и железо, отчего в его военном бункере «холоднее, неуютнее, чем в блиндажах Мировой войны»³⁹⁵. Когда автор узнает о возможной угрозе своей семье, он отмечает, что «шла и в самом деле тотальная война, во время которой существование каждого человека находится под угрозой»³⁹⁶. Юнгер подытоживает свои пессимистические выводы тем, что опасения Я. Буркхардта

---

³⁹⁰ Там же. 257.

³⁹¹ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Op. cit. S. 41.

³⁹² Юнгер Э. Сады и дороги: дневник. С. 282.

³⁹³ Там же. С. 101.

³⁹⁴ Там же. С. 285.

³⁹⁵ Там же. С. 124.

³⁹⁶ Там же. С. 224.

оправдались³⁹⁷, описывая результаты разрушений во время французской кампании вермахта — «уничтожение берет свое»³⁹⁸.

Уже в этом дневнике намечается тенденция вытеснения праворадикальной доминанты традиционалистским и даже либерально-консервативным содержанием через экзистенциальные рассуждения автора и стремление к сбалансированному взгляду на исторический процесс в духе пессимистического равновесия: «Человеческая история отклоняется либо в сторону механического, либо в сторону демонического начала, но рано или поздно неизменно возвращается к тем нормам, что обеспечивают некое равновесие»³⁹⁹.

Важнейшей проблемой в изучении «парижского этапа» службы Юнгера является вопрос том, как рано и насколько близко он подошел к пониманию вреда нацистского режима и признанию Гитлера отрицательным персонажем немецкой истории, и что оказало основополагающее влияние на изменение его взглядов. Поэтому предстоит выяснить, какие события и факты, идеи стали причинами перехода к иной доминанте консервативной стилистики.

По окончании французской кампании и несения службы в ряде провинциальных городов на северо-западе Франции, в апреле 1941 г. Эрнст Юнгер, награжденный за спасение раненого Железным Крестом второй степени, во главе роты 287 пехотного полка был направлен для несения охраны в Париже. После знакового знакомства с полковником Хансом Шпейделем, начальником штаба оккупационных войск во Франции, по его протекции, он становится сотрудником этого штаба в июне 1941 г.⁴⁰⁰, то есть ровно тогда, когда произошло нападение на СССР. По этому поводу Юнгер отметил, что это событие мало его затронуло⁴⁰¹. Однако спустя всего несколько месяцев, он объясняет, без уточнения, некоторый перерыв дневниковых записях не только переездом в

³⁹⁷ Там же. С. 236

³⁹⁸ Там же. С. 234.

³⁹⁹ Там же. С. 257.

⁴⁰⁰ Berggötz S. O. Ernst Jünger und die Geiseln//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. - Oldenburg, München: Juli 2003. 51 Jahrgang. Heft 3. S. 406.

⁴⁰¹ Jünger E. Das Erste Pariser Tagebuch//E. Jünger. Werke. Tagebücher II, Strahlungen I. - Stuttgart.: Ernst Klett, 1960. Bd.2. S. 266.

Париж, но и событиями в России, которые вызвали у него «своего рода духовный шок»⁴⁰². Возможно, героя Первой мировой поразили масштаб и уровень военных действий, а также не исключено, что большая часть военных в Париже считала нападение на Россию авантюрой, которая приведет к войне на два фронта — главному страху немецкого генерального штаба.

Кроме этого, сильное воздействие, отраженное в «Первом парижском дневнике», на Юнгера произвели встречи с представителями французского и европейского искусства, аристократии, и, конечно же, элитой военной касты Германии. Это общение способствовало смягчению юнгеровского стиля, уменьшало пропасть между противниками, и, напротив, увеличивало ее, по отношению к нацистским функционерам. В связи с этим, следует упомянуть два служебных задания, которые выполнил немецкий офицер в Париже.

Речь идет о документе под названием «Борьба за доминирование во Франции между партией и вермахтом», который Юнгер начал готовить осенью 1941 года по поручению Шпейделя⁴⁰³, считавшего его важным источником в историографическом смысле и надеявшегося зафиксировать борьбу между армией и партией в Париже⁴⁰⁴. В письме к Шпейделю после войны, Юнгер упомянул, о том, что сразу после 20 июля 1944 года, он сжег этот документ⁴⁰⁵. Очевидно, что писатель не был на стороне нацистского руководства в этой борьбе.

С ним напрямую связан второй документ — «К вопросу о заложниках. Описание происшествий и их последствий», касающийся французских заложников, которых расстреливали в ответ на совершаемые убийства представителей оккупационных властей, также содержащий предсмертные письма, расстрелянных в Нанте. Эрнст Юнгер подготовил большую его часть, по имеющимся сведениям, в период с конца октября 1941 по февраль 1942 года и представил главнокомандующему оккупационных войск во Франции Отто фон

---

⁴⁰² Ibid. S. 270.

⁴⁰³ Ibid. S. 276.

⁴⁰⁴ Berggötz S. O. Ernst Jünger und die Geiseln. S. 406.

⁴⁰⁵ Ibidem.

Штюльпнагелю⁴⁰⁶, который был отправлен в отставку в феврале 1942 года. Несмотря на разные оценки командующего, особенно, его роли в высылке в концлагерь французских евреев и положения, в котором он оказался⁴⁰⁷, Юнгер отмечает, что «он придерживался благоразумия» и все время подчеркивал, что «репрессии дают обратный эффект»⁴⁰⁸.

Однако писатель в этот момент видит слабость буржуазии и аристократии, считая, что их «общее бессилие» присуще и генералам в борьбе «с теми умами, которые не знают ничего, кроме насилия» — «новые властители используют их как полевых сторожей»⁴⁰⁹. Но с уходом военных, считает он, будет еще хуже, страны ждет «свинцовый ужас в стиле ЧК»⁴¹⁰. Сам документ вызвал определенную дискуссию после его публикации, несмотря на почти детективный способ его сохранения после 20 июля 1944 года⁴¹¹. У некоторых рецензентов возник вопрос о стилистической принадлежности документа — не напоминает ли он новеллу в стиле прозы Клейста или является полицейским донесением⁴¹²?

Позднее, в дневниках «Хижина в винограднике», изданных в 1958 г., и относящихся к послевоенному времени (1945-1948), Юнгер напишет, что смысл этих документов состоял в том, чтобы использовать их только «в случае предполагаемых политических перемен»⁴¹³. Это говорит о том, что, несмотря на успехи на театре военных действий на указанный момент, у военных не было уверенности в том, что гитлеровский режим устойчив, и они готовились к тому, чтобы обосновать свою позицию после войны. Косвенно в пользу этого говорит и тот факт, что Отто фон Штюльпнагель по свидетельству Юнгера, вспомнил о

---

⁴⁰⁶ Ibid. S. 414-415.

⁴⁰⁷ Ibid. S. 409; 411; 413.

⁴⁰⁸ Jünger E. Das Erste Pariser Tagebuch. S. 322.

⁴⁰⁹ Ibidem.

⁴¹⁰ Ibidem.

⁴¹¹ Berggötz S. O. Ernst Jünger und die Geiseln. S. 406-407.

⁴¹² Meyer A. Kleistische Prosa oder Polizeibericht? Anmerkungen zu Ernst Jüngers Denkschrift "zur Geiselfrage"// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. - Oldenburg, München: April 2004. 52 Jahrgang. Heft 2. S. 281.

⁴¹³ Jünger E. Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation)//E. Jünger. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart.: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. S. 572.

документе, в тот момент, когда против генерала велось следствие во Франции, и хотел использовать его для своей защиты⁴¹⁴.

С этим представлением связано изменение отношения к той форме государства, поборником которой писатель являлся еще не так давно. Юнгер пишет, что «возврат форм абсолютистского государства без аристократии, без внутренней дистанции, делает возможными катастрофы, о масштабе которых нет представления»⁴¹⁵.

К ноябрю 1941 года, после записи о жестокостях в отношении пленных на Восточном фронте⁴¹⁶ следует первое упоминание о возникшем офицерском круге, собиравшемся первоначально в салоне отеля «Георг V». Юнгер назвал это собрание «духовным рыцарским орденом», который «стремился сохранить сердце для слабых и беззащитных»⁴¹⁷. Писатель выступает на стороне военного меньшинства, которое негативно воспринимает нацистский режим управления. Уже в это время он упоминает об «огромной силы нигилизме», «умах», выступающих от имени биологии, обращающихся с ней как «люди каменного века», используя ее как «средство убийства других»⁴¹⁸.

Негативное отношение к нацизму обретает у Юнгера с этого момента все более четкие очертания. Несмотря на некоторую абстрактность рассуждений, оно отражается на его представлении о человеке, в котором просматриваются нацистские лидеры: «Замечаешь, как в человеке в виде зародыша помещается: то тиран в мелком бухгалтере, то организатор массовых убийств в ничтожном хвастуне»⁴¹⁹. Воспоминания и консервативное видение автора отмечают феноменальность ситуации, в которой недостойные власти оказались «властелинами и повелителями».

Сведения, постоянно поступающие в штаб, лишают Юнгера возможности рассуждать о стремлении к уничтожению только как о следствии

⁴¹⁴ Ibid. S. 574.

⁴¹⁵ Jünger E. Das Erste Pariser Tagebuch. S. 278.

⁴¹⁶ Ibid. S. 280.

⁴¹⁷ Ibid. S. 282.

⁴¹⁸ Ibid. S. 292.

⁴¹⁹ Ibid. S. 306.

«общенигилистических устремлений времени», в чем он сам признается⁴²⁰. Он выступает против нигилизма, как общей тенденции, к которой ранее также имел отношение, порой демонизируя Гитлера (проходит в дневниках под именем Книеболо)⁴²¹, являющегося источником порождения конкретных приказов или абстрактных «лемуров» — собирательного образа нацистов⁴²².

Однако уже летом 1942 года Юнгер отмечает после того, как увидел днем в Париже первый раз «желтую звезду у трех юных девочек», было «стыдно за то, что я был в форме»⁴²³. Проявление личной ответственности за действия режима выходит за рамки принятой у мыслителя стилевой отстраненности в данный период, что свидетельствует о нарастающем предпочтении конкретно-политических суждений традиционалистско-консервативного характера.

Важным фиксируемым изменением образа мыслей является трансформация отношения Э. Юнгера к религии вопреки секулярным настроениям Веймарского периода. Он высказывает намерение в мирное время по-новому спланировать свое чтение и заложить в его фундамент теологию⁴²⁴. Это существенное заявление окажется исполнимым уже в ходе войны. Уже во «Втором парижском дневнике» различные части Ветхого и Нового Завета станут наиболее часто упоминаемыми. Одновременно с этим, появляются откровенно роялистские заявления, которые вполне могли бы сделать их автора в эпоху после Французской революции сторонником Реставрации. После чтения свидетельств о том времени, он признается, что «судьба королевской семьи выглядит трагично и являет в безотрадном свете позор рода человеческого, как будто видишь стаи крыс, окруживших беззащитных жертв и бросившихся на них»⁴²⁵. Явно традиционалистско-консервативный стиль демонстрируют суждения об отношении Людовика XV к покушению на него, и о достойном поведении Карла

---

⁴²⁰ Ibid. S. 315.

⁴²¹ Ibid. S. 335.

⁴²² Ibid. S. 355.

⁴²³ Ibid. S. 351.

⁴²⁴ Ibid. S. 333.

⁴²⁵ Ibid. S. 401.

I во время казни и процесса против него⁴²⁶. Сплав традиционалистского и либерального консерватизма при явном доминировании первого намечают новую тенденцию в юнгеровском творчестве.

Поездка на Кавказ в конце 1942 г., по мнению Кизеля, продиктована тремя основными друг друга дополняющими мотивами: стремлением увидеть на практике реализацию плана, описанного в «Рабочем», по заданию Карла-Генриха Штюльпнагеля, нового командующего оккупационными войсками во Франции (двоюродного брата Отто Штюльпнагеля), прощупать отношение генералитета на Восточном фронте на предмет оппозиции Гитлеру и собрать обширную информацию об акциях уничтожения в России⁴²⁷. Так или иначе, эта поездка оказала существенное воздействие на сознание писателя. Помимо увиденного террора СС, он отмечает, какой урон нанес стране большевизм, и как она могла бы расцвести под «солнцем благой и отеческой власти»⁴²⁸.

Юнгер, как и прежде, не надеется, что среди увиденных им генералов появится кто-то уровня Суллы или Наполеона⁴²⁹. Именно военный лидер такого уровня на его взгляд, мог бы стать позитивной альтернативой Гитлеру, что также говорит в пользу прусского характера самого автора. Со слов генералов он фиксирует сведения о массовых уничтожениях евреев после взятия Киева и отмечает, что после этого его охватывает отвращение перед всем, что он любил: орденами, погонами, мундирами: «Старое рыцарство умерло; войны ведутся технологами»⁴³⁰. Так, писатель действительно увидел результаты «рабочего плана» и пересмотрел отношение к нему, одновременно намечая штрихи будущих работ, направленных на преодоление праворадикально понимаемой планетарной

---

⁴²⁶ Ibid. S. 424.

⁴²⁷ Kiesel H. Op. cit. S. 511.

⁴²⁸ Jünger E. Kaukasische Aufzeichnungen//E. Jünger. Werke. Tagebücher II, Strahlungen I. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd.2. S. 454.

⁴²⁹ Ibid. S. 477.

⁴³⁰ Ibid. S. 493.

значимости Рабочего в предыдущий период: «О «Рабочем». Рисунок точен, и все же он похож на четко отчеканенную медаль без обратной стороны»⁴³¹.

В поездке назад Юнгера застала весть о смерти отца, а уже дома — сведения об успехах советских войск на юге⁴³². С этого момента стилистические изменения в юнгеровских воззрениях, отраженные в дневниках, стали необратимыми. Конкретно-политические суждения к середине 40-х гг. XX в. отодвинули метафизические выводы на второй план, усилив критику нацистского режима с традиционалистской позиции. Это хорошо видно в записях «Второго парижского дневника» с февраля по лето 1943 года. Несмотря на то, что демонизация Гитлера будет иметь место, Юнгер пусть и в своем порой отстраненном стиле по-новому анализирует конкретную роль и значение его политического руководства, обнаруживая одним из первых патологическое стремление к расколу, ненависти, созданию «пропасти между народами»⁴³³, «склонности к идее всеохватного убийства» и принадлежности к «миру мертвецов»⁴³⁴, задолго до Эриха Фромма открывая некрофилическую патологию в Гитлере.

В ответе на вопрос, откуда берутся все «жестокости сегодняшнего дня», мыслитель находит «нашу общую вину» в том, что были прерваны связи, что позволило выпустить на волю «живодеров и убийц», «которых ранее никто и представить себе не мог» и поэтому нечего жаловаться на «поражающее нас индивидуально зло»⁴³⁵. По сути, он говорит о том, что садизм и убийство стали легитимными, и ответственность за это лежит на всех, кто допустил это, то есть на немецком народе, в первую очередь. Возможно с этим связан пассаж Юнгера о том, что «германской расе необходимо что-то сковывающее, для того чтобы она не потерялась в элементарном» и «немец сравним с винами, которые пригоднее в

⁴³¹ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch// E. Jünger. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. — Stuttgart.: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. S. 24.

⁴³² Jünger E. Kaukasische Aufzeichnungen. S. 517.

⁴³³ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 11.

⁴³⁴ Ibid. S. 94.

⁴³⁵ Ibid. S. 43.

смеси»⁴³⁶. Тем самым он, опережая Карла Ясперса с его ставшей классической работой «Вопрос виновности», определяет метафизическую и конкретно-политическую ответственность за те преступления, которые совершил режим и его конкретные представители.

Помимо этого, важнейшим явлением, дающим представление о переломе в сознании, является наметившееся стремление Юнгера к сочетанию, отмеченному уже выше в связи с «Рабочим» и продолжающееся в рассуждениях о возможности синтеза между Востоком и Западом и роли немцев в этом процессе⁴³⁷. Юнгер в отличие от периода «консервативной революции» заявляет о том, что он «стоит вне идеи национального государства»⁴³⁸.

В конце июля 1943 года, вскоре после краха операции «Цитадель» и начала сицилийской операции союзников, массированных бомбардировок Гамбурга и Ганновера, Эрнст Юнгер упоминает о возобновлении написания воззвания «Мир», которое, по его словам, уже предпринималось в 1941 году⁴³⁹. Столкновение с реалиями нацистской практики на Восточном фронте, работа над воззванием и ее окончание осенью 1943 года, знаменуют начало нового этапа его жизни.

---

⁴³⁶ Ibid. S. 82.

⁴³⁷ Ibid. S. 103.

⁴³⁸ Ibid. S. 102.

⁴³⁹ Ibid. S. 113.

2.2. Принципиальные признаки консервативного преодоления нацизма. Э. Юнгер и немецкий консерватизм после поражения Германии (1943-1953)

«Я не противоречу себе — это предрассудок времени. Я скорее, двигаюсь по различным слоям истины, где каждый высший слой подчиняет себе все остальные»⁴⁴⁰, — написал 5 сентября 1943 г. в дневнике Эрнст Юнгер, объясняя причины собственной эволюции, — «мы должны удаляться от своих работ и мы должны меняться, для того чтобы оценивать их справедливой, беспристрастной»⁴⁴¹. В последние два года войны писатель сформулировал ряд представлений о реальности, нацизме и эпохе, которые можно условно назвать критикой времени, по-иному определяющие его позиции и формирующие будущее видение ситуации. Это поиск «по горячим следам» ответов на вопросы о корнях сложившейся ситуации и о возможных выходах из нее.

Наиболее ярким показателем в этом смысле «оперативного реагирования» является оценка демоса, его роли в тоталитарном государстве и либеральных интеллектуалов. Она дается автором с традиционалистско-консервативных позиций: «XX веку достались только труд и ослиная поступь демоса, с коим рано или поздно придется считаться. К тому же дурная слава непрерывно нарастает»⁴⁴². С этим же он связывает то обстоятельство, при котором либеральная интеллигенция не способна, в XX в. (который «можно назвать культовым» в отличие от «рационального XIX» в.), увидеть позицию, на которой стоит Гитлер⁴⁴³. Часть ответственности за сложившееся положение мыслитель накладывает на либералов и вольнодумцев, которые «начинают морализировать, после того, как потратили жизнь на разрушение старых связей и подрыв устоявшихся порядков»⁴⁴⁴. Юнгер видит основания тоталитарной власти в том, что «охлос стал всемогущим», и за такими фигурами как Гитлер «устремляется

⁴⁴⁰ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 148.

⁴⁴¹ Ibid. S. 152.

⁴⁴² Ibid. S. 143.

⁴⁴³ Ibid. S. 180.

⁴⁴⁴ Jünger E. Kirchhorster Blätter// E. Jünger. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. S. 332

чернь»⁴⁴⁵. В тоже время, по его мнению, «примечательна полная беспомощность, с которой масса судит о своем положении, впадая в состояние эйфории»⁴⁴⁶. Кроме того, юнгеровский антирационализм и антилиберализм сказываются в утверждении о том, что «по сути, любая рациональная экономика может привести не в меньшей степени, чем любая расистская теория к каннибализму»⁴⁴⁷.

Немалую долю ответственности за нацизм мыслитель возлагает на немцев, и даже на себя лично. После разговоров о концлагерях он заключает: «Я чувствую, к сожалению, что знание подобных вещей начинает влиять на мое отношение, если не к отечеству, то к немцам»⁴⁴⁸. Ответственность немцев проявляется, считает он, через аккламацию — «шокирующий призыв среди бурь и оргий ликования»⁴⁴⁹. Как ветеран Первой мировой войны, он приходит к парадоксальному выводу: «Самую дурную роль для немцев сыграли успехи — во всех дерзких операциях победа в самом начале — самое опасное... После победы над Францией, буржуа были уверены, что все стало в порядке»⁴⁵⁰. Однако он отмечает, что вопрос о мере личной ответственности индивида обсуждался им с молодыми людьми, теми, кто «понимает, о чем речь» и может в будущем составить «новое рыцарство»⁴⁵¹.

Оценивая экзистенциальное положение, в котором оказались все воюющие стороны, писатель считает, что оно вполне согласуется «с ситуацией, в которой правит грубая сила и поэтому высшим авторитетом пользуется палач»⁴⁵². Но «катастрофа должна была произойти», и ее можно было предугадать, еще когда «в огне были в России церкви, а в Германии синагоги, когда себе подобных, без суда и следствия, отправляли в концлагеря»⁴⁵³.

---

⁴⁴⁵ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 289.

⁴⁴⁶ Ibid. S. 295.

⁴⁴⁷ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 327.

⁴⁴⁸ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 144.

⁴⁴⁹ Ibid. S. 147.

⁴⁵⁰ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 385.

⁴⁵¹ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 189.

⁴⁵² Ibid. S. 187.

⁴⁵³ Ibid. S. 201.

Одной из важнейших причин этого человеческого состояния является нигилизм, жертвой которого молодой человек становится особенно легко, проходя фазу анархии⁴⁵⁴. К этому процессу относится и дендизм⁴⁵⁵. В этих утверждениях есть элементы исповеди и автобиографии, поскольку сам Юнгер пережил эти стадии. Не случайно, он говорит о том, что с современным нигилистом может соперничать лишь, тот кто прошел «его школу»⁴⁵⁶.

Именно с нигилизмом, вслед за Г. Раушнинггом, Юнгер связывает фигуру Гитлера (Книеболо): «Бурные овации, сопровождавшие его выступления стали «согласием на самоуничтожение, актом величайшего нигилизма»⁴⁵⁷. По дальновидному мнению писателя, лидер нацистов похитил у немца «возможность быть правым и отстаивать свою правоту»⁴⁵⁸. Его фигура возвращает Юнгера осенью 1943 г. к праворадикальному представлению о различиях между нацизмом и «солдатским национализмом»: «Когда я сопоставляю справедливые притязания отечества с тем, что стало с ними в таких руках, меня охватывает бесконечная скорбь»⁴⁵⁹.

Конечно, в дневниковых записях конца войны не обходится дело и без двух наиболее используемых впоследствии в немецкой послевоенной рефлексии способов вытеснения за рамки конкретно-исторического суждения гитлеровского феномена. Первый уже был продемонстрирован Юнгером ранее и заключен осенью 1944 г. в новую поэтическую метафору: «Немец после долгого поста был приведен Книеболо на высокую гору, откуда тот показал ему власть над миром. Немец не заставил себя долго ждать и преклонился перед искусителем»⁴⁶⁰. Юнгер был «консервативным пионером» такой трактовки, хотя этот подход присущ не только правому немецкому крылу. Сменивший политическую позицию с консервативной на либеральную, Томас Манн после Второй Мировой предпримет

---

⁴⁵⁴ Ibid. S. 221

⁴⁵⁵ Ibid. S. 304.

⁴⁵⁶ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 332.

⁴⁵⁷ Ibid. S. 322.

⁴⁵⁸ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 146-147.

⁴⁵⁹ Ibid. S. 164.

⁴⁶⁰ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 320.

самую известную в современной немецкой литературе попытку «демонизации нацизма» в романе «Доктор Фаустус», в котором главный герой оказывается во власти «нового», современного «искушения варварством». Довольно трезвую оценку этому явлению дал польский писатель Станислав Лем: «Сравнение... того выбора, который совершает доктор Фаустус, соблазненный дьяволом, с тем выбором, который «делает» немецкая нация, «соблазненная» Гитлером, определенным образом «облагораживает» несомненный позор Германии»⁴⁶¹. Польский автор не считает возможным считать фаустовский миф «аналогом определенного конкретного этапа истории народа»⁴⁶².

Близкой к такому прочтению можно считать и позицию выдающихся историков Германии, Фридриха Майнеке и Герхарда Риттера⁴⁶³, несмотря на разность их концепций нацизма. Хотя очевидно, что юнгеровская трактовка нацизма не исчерпывается только данным примером: литературно он еще раз будет презентован в послевоенном романе «Гелиополис» (1949).

Второй тип интерпретации был представлен Юнгером в его дневниках впервые. Он отмечает, что Гитлер, «конечно, также явление европейское. Германия как центр европейского пространства всегда будет местом, в котором все будет выступать первым и более резким»⁴⁶⁴. В этом плане он несколько опережает в своих суждениях, если они действительно принадлежат 1944 г., Риттера, который также выводит Гитлера и нацизм за рамки сугубо «немецкого вопроса» и даже лишает фюрера немецкого гражданства⁴⁶⁵. Уже во время войны нацизм во взглядах Юнгера представлен как в конкретно-политической, исторической плоскости, так и метаполитической, метаисторической сфере.

Есть еще один консервативный постулат, который объединяет Юнгера и Риттера. Речь идет о Французской революции и ее роли в «разрушении Старого

⁴⁶¹ Лем С. Мифотворчество Томаса Манна// Новый мир. 1970. № 6. С. 235.

⁴⁶² Там же. С. 245.

⁴⁶³ Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. - М.: Наука, 1968. С. 269.

⁴⁶⁴ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 322.

⁴⁶⁵ Бертольд В. «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма. М.: Мысль, 1964. С.172.

света». Юнгер, правда, идет дальше историка, говоря о том, что этот процесс, похожий на «отмирание органических связок, нервов и артерий» начался «собственно уже с Возрождения»⁴⁶⁶. В конце этого процесса «возникают тираны» и «новые государства проявляют тенденцию к изнурению. Они могут развиваться только получая доступ к наследству. Когда же все употреблено, наступает голод; они пожирают как Сатурн собственных детей. Размышлять о других порядках, отличных от установленных в 1789 году, значит следовать инстинкту самосохранения»⁴⁶⁷.

Юнгер считает, что «старые консерваторы» (вероятно, аристократия) способны дать отпор нацизму как только они оказываются способны опереться на автохтонную основу, «как это видно на примере Суллы или Бисмарка»⁴⁶⁸, но не сделали этого в свое время. Однако и «молодые консерваторы» (очевидно, деятели периода «консервативной революции») совершили ошибку, когда «попытались поддержать демос, почувствовав в нем новую силу, но потеряв поводья, были затоптаны им до смерти»⁴⁶⁹. Юнгер полагает, что с того момента, когда были придавлены еще и консерваторы, наступил хаос, и Гинденбург просто не справился в сложной ситуации⁴⁷⁰. В такой оценке сказывается либо незнание Юнгером фактов прихода Гитлера к власти и роли в этом приходе аристократическо-юнкерской элиты Германии, либо проявляется его стремление снять ответственность за это, как с военной элиты, так и с самого себя.

Консервативный пессимизм Юнгера сказывается в отсутствии видимого выхода из ситуации, сложности преодоления нигилистического состояния, что «на историческом уровне сделать не удастся»⁴⁷¹. Возможно, этот взгляд коренится в неизменном неоплатоническом представлении Юнгера о том, что есть ядро всех сущностей и наносное, временное: «Мифический аспект предшествует

---

⁴⁶⁶ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 308

⁴⁶⁷ Ibidem.

⁴⁶⁸ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 136.

⁴⁶⁹ Ibidem.

⁴⁷⁰ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 332.

⁴⁷¹ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 154.

историческому»⁴⁷². Проявляется он и в отношении к человеку: «Мое моральное отношение к людям становится все напряженней»⁴⁷³, — пишет Юнгер весной 1944 года. При этом для него важна порода человека, которая проявляется не только на лице, но и «в благородстве поступков»⁴⁷⁴. Так к концу войны мировоззрение Юнгера все более наполняется традиционными и умеренными консервативными ценностями. При этом он отмечает изменения в собственных воззрениях, в оценке войны, христианства⁴⁷⁵. Его отношение к нацизму и Гитлеру укладывается в общие представления военной оппозиции и недовольного офицерства, что обусловлено, близостью Юнгера к кругу заговорщиков 20 июля 1944 года.

29 марта 1944 года, в день своего 49-летия, Эрнст Юнгер дает себе, как ему кажется максимально общую характеристику, отражающую его курс на синтез, сочетание, компромисс и в тоже время, умеренно-консервативное понимание человека: «В политическом смысле человек почти всегда сложная смесь. Во множественном числе на него претендуют времена и пространства. Так, я, по происхождению и роду — гвельф, тогда как государственные взгляды у меня прусские. В то же время, я принадлежу немецкой нации, а образование у меня европейское, я даже гражданин мира»⁴⁷⁶.

В 1944 году происходит несколько важных событий, повлиявших на дальнейшую эволюцию мыслителя к умеренному консерватизму. Высадка в Нормандии, факт которой потряс его⁴⁷⁷, возможно, из-за уверенности в том, что США и Англии это невыгодно, ускорила события, которые укладывались заговорщиками в так называемый «Westlösung» — устранение Гитлера и переговоры с западными державами о мире. Отношение самого Юнгера к заговору было сложным. С одной стороны, он отдавал должное тем, кого знал лично, но видел в их действиях больше моральной субстанции, нежели

---

⁴⁷² Ibid. S. 241.

⁴⁷³ Ibid. S. 279.

⁴⁷⁴ Ibid. S. 223.

⁴⁷⁵ Ibid. S. 249.

⁴⁷⁶ Ibid. S. 253.

⁴⁷⁷ Ibid. S. 287.

политической, рассчитывая на появление нового Суллы, даже в лице простого народного генерала»⁴⁷⁸, однако, по его сложившемуся мнению, современным генералам не хватает присущего Цезарю или тому же Сулле «сплава действенной силы и образования»⁴⁷⁹, так что у мыслителя были сомнения в успехе заговора и тем более в действенности покушения. После 20 июля он скажет: «Покушения мало что меняют и, прежде всего, ничего не улучшают»⁴⁸⁰. Писатель связывал некоторые надежды с Роммелем, который, по позднему свидетельству Юнгера, видел его воззвание «Мир» и одобрил его⁴⁸¹, но обстрел 17 июля его машины и ранение сломало, как он считал, «смысл подобного мероприятия»⁴⁸².

Юнгер не принимал непосредственного участия в заговоре, но был чрезвычайно близок ко многим его участникам. Причин, по которым он остался жив, находили немало: статус героя Первой мировой и популярного писателя, его националистическое прошлое, и даже фальшивка письма Р. Фрайслера М. Борману о якобы заступничестве Гитлера, обсуждение которой отражено в дневниках Юнгера в 80 и 90-гг. XX в.⁴⁸³. Учитывая различные факты и домыслы, связанные с возможными угрозами жизни писателю и в 1934 г. в «ночь длинных ножей»⁴⁸⁴ или в 1939 г. после публикации «Мраморных скал»⁴⁸⁵, а особенно позицию фюрера в их снятии, сам Эрнст Юнгер предположил, что не последнюю роль сыграли благоприятное отношение Гитлера к книгам о Первой мировой войне и свойственная политическим вождям манера «все раскладывать в памяти по полочкам; он неохотно менял мнение, которое уже составил о персоне»⁴⁸⁶.

---

⁴⁷⁸ Ibid. S. 264.

⁴⁷⁹ Ibid. S. 283.

⁴⁸⁰ Ibid. S. 298.

⁴⁸¹ Jünger E. Siebzig Verweht V. Stuttgart, 1997. S. 92

⁴⁸² Jünger E.. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 299.

⁴⁸³ Jünger E.. Siebzig verweht III. S. 553, 557; E. Jünger. Siebzig verweht V. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. S. 92.

⁴⁸⁴ Jünger E. Siebzig verweht III. S. 232.

⁴⁸⁵ Jünger E. Die Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation)//E. Jünger. Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. S. 639.

⁴⁸⁶ Ibid. S. 638.

Примечательно то различие, которое не оставил без внимания писатель, сам с 20-х гг XX в. сильно поменявший отношение к нацистскому вождю, но свойственное ему и в годы праворадикальной публицистики: различие между национал-социалистом и националистом, дополненное склонностью первого к догматизму, а второго, то есть его самого, к консервативному динамизму с учетом изменившихся обстоятельств. Поскольку, как признавался открыто сам мыслитель и в 1944 г. и позднее, он был противником заговоров, основывая свое мнение на историческом опыте покушений, приносящих ухудшение положения для людей, и укрепляющих после этого сам режим⁴⁸⁷, вероятно, по этой причине он не был близко включен в процесс его осуществления. И хотя он был в курсе деталей покушения⁴⁸⁸, никто, видимо, не назвал писателя в ходе следствия. Париж пал в конце августа 1944 г., возможно, времени на подробный разбор заговора не было. Однако, Юнгер, из-за общего подозрения к военным, был отправлен в отставку со службы, о чем узнал 20 октября 1944 года⁴⁸⁹, что является косвенным признаком того, что в верхах НСДАП догадывались об его отношении к заговорщикам. Кроме того, имелся еще один рычаг давления на него, которого не так просто было убить. В феврале 1944 г. под арестом за резкие высказывания о Гитлере оказался его сын, Эрнстель⁴⁹⁰. Писатель, утрясая ситуацию, сумел добиться того, чтобы не были применены жесткие меры и в апреле его сын был отпущен на испытательный срок, а позже приписан к танковому подразделению. В конце октября 1944 г. Эрнстеля Юнгера отправили на фронт в Северную Италию, где он погиб во время патруля 29 ноября 1944 г. под Каррарой, о чем его отец узнал в начале января 1945 года⁴⁹¹. Возможно, именно таким способом нацисты «поквитались» с Юнгером за его нелояльность режиму, поскольку отправка на фронт новобранцев, где действовали опытные силы союзников, была,

---

⁴⁸⁷ “Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod”. Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik // Der Spiegel. 1982. №33. S. 161.

⁴⁸⁸ Ibidem.

⁴⁸⁹ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 322.

⁴⁹⁰ Jünger E.. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 231, 236.

⁴⁹¹ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 373.

по сути, скрытой формой казни, впрочем, применяемой нацистами повсеместно через фольксштурм.

Для Юнгера, после краха заговора, эта потеря стала важнейшим событием в личной судьбе, «одним из ключевых и поворотных моментов»⁴⁹². Он решает посвятить проект «Мир» сыну⁴⁹³ и делает ключевое обобщающее заявление в духе политической философии о хороших политических системах, свидетельствующее о его эволюции к умеренному консерватизму и консенсусу: «Только в тех политических системах, в которых охвачено и прогрессивное и консервативное, можно ждать улучшения... тесному сплетению технических средств, высшим проявлением которого является мировое государство как машина машин, должны подчиняться растущая самостоятельность и свобода органических сфер»⁴⁹⁴. Консервативные силы в таком порядке будут «действовать как пружина, побуждающая к действию»⁴⁹⁵. Таким первым действием со стороны Юнгера стало его воззвание «Мир. Обращение к молодежи Европы и мира».

Когда Юнгер говорит что «Мир» появился в 1941 г. он, вероятно, стремится показать неконъюнктурность работы поскольку, по его словам, «как во всей своей работе я неизменно плыл против течения и никогда не двигался в кильватере господствующих сил, так было и с этим»⁴⁹⁶. В действительности же ясно, что воззвание было спровоцировано ситуационной реакцией, еще более быстрой, нежели та, в результате которой появился «Рабочий» – это был первичный консервативный ответ на сложившийся вызов кризиса власти и нации. Сам автор, суммируя в личном письме к одному из друзей историю возникновения воззвания, отметил его планетарную значимость наряду с «гештальтом Рабочего» и вторым изданием «Тотальной мобилизации» 1934 года⁴⁹⁷. Однако, если «Рабочий» был праворадикальным проектом в стиле

---

⁴⁹² Ibid. S. 375.

⁴⁹³ Ibid. S. 409.

⁴⁹⁴ Ibid. S. 399.

⁴⁹⁵ Ibid. S. 400.

⁴⁹⁶ Jünger E. Strahlungen. Vorwort. S. 18.

⁴⁹⁷ Ernst Jünger in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten//Hrsg v. K. O. Paetel. Reinbek bei Hamburg. 1962. S.103.

экстремистско-консервативного реализма, то «Мир» — это умеренно-консервативный проект в стиле либерально-консервативного романтизма. Его цель — не вхождение в политические противоречия, а выход из них с наименьшими потерями для Германии, настрой на благоприятное будущее. Поэтому, для мыслителя характерны декларативные утверждения, свойственные в большей степени умеренному типу консерватизма, не связывающие автора жесткими утверждениями и поэтому допускающие и иные консервативные вариации, как то, например, религиозную, более близкую традиционалистскому консервативному типу.

Работа впервые легально была опубликована после войны в Амстердаме (в 1946 г.), но источники и литература в целом указывают на ее завершение автором летом-осенью 1943 года⁴⁹⁸, поскольку с 1944 года труд имел хождение в виде копий и печатных вариантов. Естественно, он, как и многие произведения этого периода вызвал определенные споры — от обвинений в спекулятивном возвращении к религиозности до причисления к «внутренней иммиграции»⁴⁹⁹, от обнаружения знаков метафизической виновности до чрезмерной абстрактности высказываний в конкретных случаях вины⁵⁰⁰.

«Мир» состоит из двух частей: «Семена» и «Плоды». Концептуальное видение воззвания Юнгер изложил в дневниковой записи от 11 августа 1943 года: «Обе его части можно обозначить как фундаментальную и конструктивную — в первой должна быть описана причина жертвы, а во второй — новый порядок, который может быть на ней построен»⁵⁰¹. Очевидно, что речь идет с одной стороны, о попытке выйти на некоторые обобщения, основываясь на конкретном опыте войны, а, с другой стороны, о стремлении к мягкому консенсусу, свойственному умеренному консервативному стилю.

⁴⁹⁸ Des Coudres H. P. Zur Geschichte der ersten Drucke der Fridensschrift// Antaios. Ernst Jünger zum 70.Geburtstag / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. - Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März, 1965. Bd. VI. № 5/6. S. 516.

⁴⁹⁹ Schwilk H. Op. cit. S. 438-439.

⁵⁰⁰ Martus S. Op. cit. S. 165; Meyer. M. Op. cit. S. 352.

⁵⁰¹ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 124.

В самом начале, исходя из заданной стилистики, мыслитель пишет: «Можно сказать, что эта война была первым делом, касающимся всего человечества. Мир, который ее закончит, должен стать вторым»⁵⁰². По его мнению, эта война должна принести всем свои плоды⁵⁰³. Однако сложность положения заключается в том, что «война велась не столько между народами и странами, нациями и расами, сколько на значительно большем, принципиально ином уровне мировой гражданской войны, расколовшей планету на более ужасающие фронты»⁵⁰⁴. Уже здесь речь идет о включении всего произошедшего в глобальный контекст, свойственный послевоенному консервативному реализму. Появляется важный термин — всемирная гражданская война, моделирование которого можно найти в дневниковых записях зимы 1943 года и он позволяет Юнгеру вывести понимание нацизма на несколько иной уровень метафизических оценок. За время войны, пишет он, мы узнали, как «ужас правит подобно высшему закону» и «как его приносят и война, и гражданская война, и господство классов, партий или чужих армий, отличающиеся лишь направлением, но не общим обликом тирании»⁵⁰⁵.

В главе «Плоды» Юнгер предстает в качестве европейца — провозвестника новой Европы, основанной на принципах консенсуса и религиозной толерантности. Он, по сути, становится одним из идейных вдохновителей будущего европейского сообщества, хотя и продолжает мыслить традиционными категориями. В короткой исторической перспективе автор воззвания видит образование глобальных империй, которое состоится в преодолении национальных государств, и будет основано на синтезе и слиянии⁵⁰⁶. Поэтому «Европа должна стать партнером больших империй, которые образуются на планете», — считает он⁵⁰⁷. Само же европейское пространство также должно стремиться к объединению, пишет вдохновляемый историческими примерами мыслитель: «Как когда — то из старых династий и осколков старых государств

⁵⁰² Jünger E. Der Friede//E. Jünger. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. S. 203.

⁵⁰³ Ibid. S. 204.

⁵⁰⁴ Ibid. S. 206-207.

⁵⁰⁵ Ibid. S. 209.

⁵⁰⁶ Ibid. S. 216.

⁵⁰⁷ Ibid. S. 221.

появлялись нации так и сегодня все должно слиться в одну империю»⁵⁰⁸. При этом единство не должно, по его мнению, стать основой для унификации и уничтожения национальных особенностей: «Европейская конституция должна создать политическое единство при сохранении исторических различий. Это означает разграничение между техническим и органическим миром. Государство как высший символ техники ловит народы в свои сети, и все они живут в рамках свободы под его защитой»⁵⁰⁹. Так философ пытается найти необходимый баланс между неизбежностью унификации и смягчением ее негативных последствий, мешающих сохранить естественные черты и различия, между либеральной свободой и традиционными ценностями.

Кроме того, органическому слиянию народов должно, считает Юнгер, способствовать преодоление нигилизма, а «подлинная победа над нигилизмом и вместе с ней мир возможны только при помощи церкви»⁵¹⁰. Единство Европы, которое впервые осуществимо со времен империи Карла Великого, «должно осуществляться не только на уровне культур, стран и народов, но и на уровне церкви»⁵¹¹ —, считает автор воззвания. Поэтому государство, которое не перестало играть важную роль в его воззрениях, должно давать теологии преимущество перед остальными знаниями и учениями⁵¹². Не исключено, что юнгеровский европеизм продиктован скрытым стремлением к имперской Европе, и ностальгией по средневековой Священной Римской империи германской нации.

Шварц считает, что Юнгер в новом послевоенном порядке видит «скорее теологическо-метафизическую, чем организационную проблему»⁵¹³, что верно, но только отчасти. Несмотря на языковое и метафизическое соответствие «Рабочему», «Мир» отличает традиционалистское понимание необходимости ограничения унификации и умеренно-консервативное стремление к синтезу и консенсусу в политической и метаполитической сфере. В работе можно

---

⁵⁰⁸ Ibid. S. 231.

⁵⁰⁹ Ibid. S. 233.

⁵¹⁰ Ibid. S. 239.

⁵¹¹ Ibid. S. 241.

⁵¹² Ibid. S. 240.

⁵¹³ Schwarz H. P. Op. cit. S. 169.

наблюдать тенденцию к умеренно-консервативному транзиту и сочетанию различных стилей консервативного мышления.

Эта линия продолжена в послевоенном дневнике «Годы оккупации», впервые опубликованном в 1958 году (в 10-томном собрании сочинений под названием: «Хижина в винограднике»). Речь идет о некой конструкции, в которой основной традиционалистский и вспомогательный либерально-консервативный стиль несут определенную нагрузку при решении тех или иных актуально-исторических и метафизических вопросов.

Юнгер на основе личного опыта разбирает причины прихода Гитлера к власти, технологию пропаганды и дает оценки нацистским лидерам. Он отмечает в качестве эмпирических фактов «эпохи Веймара» скепсис по отношению к НСДАП⁵¹⁴, умение нацистов вести агитацию на примере Геббельса⁵¹⁵, которого он слышал не раз, нерешительность их политических конкурентов — «они столкнулись с республикой, в которой были либералы, но едва ли были республиканцы»⁵¹⁶. Писатель считал, что у правительства были рычаги, благодаря которым оно бы могло бы удержать ситуацию, однако Гитлер пришел и сказал то, что «должно было сказать правительство» и заполнил брешь, возникшую между правительством и народом⁵¹⁷. Нерешительность и безволие власти, иллюзии консерваторов, считавших, по мнению, мыслителя, что надо «заслать к нацистам умных людей» и «взять руководство в свои руки»⁵¹⁸ — все это привело нацистов к власти. При этом Юнгер исходил из того, что успех Гитлера не был бы возможен без «одобрения большей части народа»⁵¹⁹, что является еще одним подтверждением его антидемократической уверенности в ответственности масс.

В связи с этим, в традиционалистской манере он вновь связывает напрямую приход нацизма с общим течением к росту влияния масс, которое в исторической ретроспективе отталкивается от 1789 года. Для него этот год представляется

⁵¹⁴ Jünger E. Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation). S. 446.

⁵¹⁵ Ibid. S. 441-442.

⁵¹⁶ Ibidem.

⁵¹⁷ Ibid. S. 633.

⁵¹⁸ Ibid. S. 446.

⁵¹⁹ Ibid. S. 629.

одним из поворотных в европейской истории⁵²⁰. Французская революция, считает он, запустила механизм омассовления и унификации, приблизив «действительную войну к абсолютной, и смазала грань между политикой и войной»⁵²¹. Война, с точки зрения Юнгера с тех пор стала похожа на конвейер и принимает бездуховную форму войны на износ⁵²².

Кроме того, под влиянием чтения Ривароля, у Юнгера, как он пишет, складывается пессимистическое впечатление, что «все беды наших дней начались с казни Людовика XVI»⁵²³. И мыслитель в духе традиционного консерватора рассуждает о пагубной роли революции, Просвещения, и своеобразии стран, в частности, Германии, на которых она оказала влияние. Он категорически утверждает, что «рациональное упрощение жизни» первоначально исходило из Франции и оттуда «поднялось солнце ценностных установок XIX века»⁵²⁴. В то время Германия еще сохраняла естественность, но 1789 год повлиял на частную жизнь в Германии куда сильнее. Часть ответственности за это он возлагает на «левое» движение, поскольку оно является давно мировой тенденцией, подчинив себе «правое» на протяжении ста пятидесяти лет⁵²⁵. Германия оказалась в подвешенном состоянии, поскольку, несмотря на то, что левым не удалось добиться успеха, они создали ситуацию неопределенности. Демократические институты не заработали, и после 1918 г. состоялся поворот к реакции⁵²⁶. По сути, Юнгер в традиционалистско-консервативном стиле считает, что немецкие левые стали компонентом внесистемной силы, которая расшатывала естественный строй страны и привела к реакции после потрясения Первой мировой. Достается от него опять и бюргеру, чья реакция, по мнению философа, вначале всегда профашистская⁵²⁷. Если посмотреть на социальное происхождение

---

⁵²⁰ Ibid. S. 598.

⁵²¹ Ibid. S. 510.

⁵²² Ibid. S. 512.

⁵²³ Ibid. S. 598.

⁵²⁴ Ibid. S. 576-577.

⁵²⁵ Ibid. S. 531.

⁵²⁶ Ibid. S. 532.

⁵²⁷ Ibidem.

верхушки и основного числа функционеров НСДАП, то в социологическом смысле он не так уж и не прав. Но дело не только в социальном аспекте. Автор дневника делает вывод о том, что «там, где либерализм достиг предела своих внешних границ, он распаивает двери для убийц»⁵²⁸. Все это в итоге, приводит к современной диктатуре, в основе которой «сокращение до простейших очертаний», банальности, крайнее упрощение⁵²⁹. В этом пассаже читается влияние на Юнгера идей Я. Буркхардта, которого он, видимо, читал, судя по ранним высказываниям, еще до начала Второй мировой. Для консерватора либерализм лишен важных ограничений, без которых невозможен нормальный порядок.

Одним из совпадающих с французским революционным прошлым последствий нацизма, Юнгер считает уничтожение после заговора 20 июля родового дворянства, с которым связано сознание изначальной свободы личности, а значит основа политической свободы и конституционного строя⁵³⁰. Этот процесс вырубки дворянства — «древнего леса», был начат еще абсолютизмом и доведен до абсолюта уничтожения при демократии⁵³¹. Юнгер здесь выступает против любой абсолютной власти, и скорее является сторонником сословного представительства, существовавшего в эпоху барокко.

Так, он полагает, что катастрофа его родной страны вызвана не только патологией современного массового общества, но и застарелыми болезнями рационального нивелирования и отсутствия гражданских институтов, гарантирующих частную жизнь и естественный ход развития и активной позицией левых радикалов и либералов. Умеренный консерватизм в этом смысле «идет в ногу» с традиционализмом в его рассуждениях.

Однако по мнению Юнгера, в сущности нацизма есть элемент тайны, который невозможно разгадать при помощи исторических знаний⁵³². Отчасти это мнение продиктовано юнгеровским агностицизмом и демонизацией нацизма. «В

---

⁵²⁸ Ibid. S. 681.

⁵²⁹ Ibid. S. 523.

⁵³⁰ Ibid. S. 500.

⁵³¹ Ibidem.

⁵³² Ibid. S. 637.

наш век произошел ряд демонических взлетов, которым способствовало общее нивелирование»⁵³³. Так, нигилизм и унификация стали благотворной почвой для нацизма. Оба эти явления, как результат воздействия современной техники, которая предстает в негативном ключе, были одновременно фактором, повлиявшим на нацизм, и явлением, получившим дополнительный импульс, благодаря его действию. Юнгер склонен считать, что феномен техники уничтожения связан с появлением больших унифицированных масс и их избранников⁵³⁴. В связи с этим он задается вопросом о том, почему необходимы жертвы, если технический прогресс неоднозначен⁵³⁵ и даже принимает угрожающие формы⁵³⁶? Так, его последующие работы будут направлены не только на преодоление нацизма, но и на поиск выхода из нигилистического и «бескачественного, пропагандистского мира с плоской моралью»⁵³⁷, который лишает человека творческого начала, а «засилье актуальной техники притязает на главенство по отношению к духу»⁵³⁸.

Юнгер пытается трезво оценить собственную роль в Веймарской республике и признает, что его представления об итоге и причинах поражения в Первой мировой войне «были ошибкой и напрасным самобичеванием»⁵³⁹. Это еще раз подтверждает тот, факт, что праворадикальный стиль в 20-е годы сформировался под влиянием личной мотивации и связан с послевоенным неврозом, ощущением унижения⁵⁴⁰.

Юнгер в последние военные годы формирует вариативную консервативную позицию по отношению к нацизму. В ней нет отношения к Гитлеру как к «несчастному случаю», свойственного в разной степени и Майнеке и Риттеру, но она включает демонизирующий компонент, персонифицированный в лидере

---

⁵³³ Ibidem.

⁵³⁴ Ibid. S. 596.

⁵³⁵ Ibid. S. 644.

⁵³⁶ Ibid. S. 643.

⁵³⁷ Ibid. S. 440.

⁵³⁸ Ibid. S. 682.

⁵³⁹ Ibid. S. 629.

⁵⁴⁰ Ibid. S. 633.

нацистов. Приход нацистов к власти связан как с конкретно-политическими и историческими причинами, так и метаисторическими тенденциями: безволие республиканской власти, страх перед большевизмом и коммунизацией Германии, эмансипация масс, Французская революция и унификация жизни. Что касается сущности нацизма и катастрофы, которую повлек за собой его режим, то здесь Юнгер возлагает почти всю полноту ответственности на тотальный нигилизм Гитлера, нацизма и охлоса. В этом смысле его оценка совпадает с мнением другого представителя «правого» лагеря, Германа Раушнинга, который одним из первых охарактеризовал нацизм как «революцию нигилизма»⁵⁴¹. В целом, его позиция выражает мнение консервативной, военно-аристократической оппозиции вермахта и высших чиновников Германии, хотя, по мнению драматурга Карла Цукмайера, позиция братьев Юнгеров выходит за рамки сугубо офицерской оппозиции, заключающейся в «военно-политической тактике», она состоит в духовном протесте⁵⁴².

Пессимизм в основном традиционалистский, связанный с прочтением исторического прошлого Германии и Европы подчеркивает умеренно-консервативный поворот, так как традиционалистский консерватизм в XX веке становится не реакционным, а смягчающим явлением. Конкретно-историческая критика времени и сущностно-метафизический подход составляют сложную основу механизма его консервативного стиля. Возможно, именно поэтому Шварц считает, что Юнгеру в это время так же, как и Доносо Кортесу, Шатобриану, де Местру, свойственна дифференциация между «традиционными формами бытия», подверженным времени и вечным «надвременным» порядком⁵⁴³. Но уже в конце войны Юнгер был готов основательно перейти от конкретных размышлений и осмысления событий к метафизическому преодолению нацизма и выстраиванию континуитета посредством обобщающих работ, отражающих его манеру максимально дистанцированного взгляда на

⁵⁴¹ Rauschnig H. Die Revolution des Nihilismus. Kulisse und Wirklichkeit im Dritten Reich, Europa Verlag, Zürich/New York, 1938.

⁵⁴² Schwilk H. Op. cit. S. 433.

⁵⁴³ Schwarz H. P. Op. cit. S. 186.

текущие события, что в немалой степени, является общей чертой консервативной оценки нацизма в послевоенной Германии.

Несмотря на то, что Юнгер не был членом НСДАП, пристальное внимание к его персоне из-за творчества 20-х гг. XX в. было ему обеспечено. Его метафизическая форма протеста в годы нацизма не вызывала доверия у большинства представителей левого и либерального лагеря. Такие немецкие «литературные эмигранты», как Томас Манн и Карл Цукмайер⁵⁴⁴, Бертольд Брехт и Теодор Адорно⁵⁴⁵ разошлись в оценках позиции Эрнста Юнгера в эпоху нацизма. Юнгер в 1945 году отказывается заполнять денацификационную анкету на проверку убеждений, и британские оккупационные власти продлевают запрет на его публикации в Германии. Юнгер молчит и занимает выжидательную позицию⁵⁴⁶.

Все это время он общается и встречается с некоторыми своими друзьями и собеседниками, такими как Хайдеггер и Эрнст Клетт (издатель Юнгера), совершает поездку в Швейцарию, а в декабре 1948 года покидает Кирххорст и переезжает всего на полтора года в Равенсбург в Вюртемберге (французская зона оккупации). Причина переезда объясняется просто. Уже в начале 1949 года он получает от французского военного командования право на публикации в Германии и первым послевоенным романом, вышедшим в этом же году, становится «Гелиополис. Ретроспектива одного города». Были, конечно, и другие причины — близость брата Фридриха Георга, который жил на Боденском озере, важный собеседник, скульптор Рудольф Шлихтер жил на юге страны. Однако, стесненные обстоятельства в новой квартире и отсутствие рынка недвижимости вынудили семейство Юнгеров вновь заняться поиском жилья⁵⁴⁷.

⁵⁴⁴ Schwilk H. Op. cit. S. 433.

⁵⁴⁵ Modik K. "... daß jedes Ding viele Seiten hat". Eine Mixtur aus Verwandtschaft und Feindschaft: die kulturelle Linke und Jünger// Die Tageszeitung. 1998. 18 Feb., № 5461. S. 3.: URL: http://home.snafu.de/os/juenger/taz18_02_98.html

⁵⁴⁶ Schwilk H. Op. cit. S. 434.

⁵⁴⁷ Ibid. S. 447.

Первое, что привлекает внимание в романе «Гелиополис» и отмечается исследователями в описываемом сюжете и героях, это реконструкция борьбы между военными и партией в Париже в годы войны, связь с историческими событиями и персонажами, прежними произведениями. Так, понимание техники, которая прошла три фазы развития: титаническую (построение машин), рациональную (полная автоматизация), и магическую, «наделившую автоматы разумом и чувствами»⁵⁴⁸ содержит идею сочетания техники и органики, совпадающую с образом «человека-снаряда» в «Авантюрном сердце».

Ставя перед собой задачу преодоления нацизма как технологии власти, Юнгер пытается ей противопоставить органическую культуру военного и аристократического слоя, в котором он пребывал долгое время в Париже.

В романе содержится традиционалистско-консервативная модель представления автора о процессе «революции равенства», которая проходила в Новое и Новейшее время. Ее начало лежит в эпохе Реформации, в борьбе за «право непосредственного общения с Богом». Затем она продолжена во Французской революции, которая «сводила счеты со старой аристократией», а на третьей ступени оканчивается появлением рабочего, который сделал «гражданские права функциями сверхчеловека»⁵⁴⁹. Помимо внешнего континуитета, формирующего отношение к основным событиям пятисотлетней европейской истории, здесь важен момент внутренней взаимосвязи для самого философа. Рабочий для Юнгера является верно найденным метафизическим образом, отражающим реальные процессы, происходящие в мире, и его переход в работы 40-х-50-х гг. XX в. является не простым транзитом, а доказательством верности ухваченных в свое время при помощи понятия глобальных процессов. Отступление праворадикального целеполагания не означает для него отказа от консервативного реализма в части понимания глобального устройства. Таким образом, понятие Рабочего сцепляет работы радикального и умеренного периода творчества при существенном изменении стиля мышления.

⁵⁴⁸ Юнгер Э. Гелиополь. - Спб.: Амфора, 2000. С. 240.

⁵⁴⁹ Там же. 361.

Конечно, роман не обходится без демонизации представителей власти, напоминающих нацистов: «У них было оружие против любой теории, и они знали, что там, где все дозволено, можно все и доказать»⁵⁵⁰. Такому пониманию способствует и одна из глав романа, «Рассказ Ортнера», в которой содержится подоплека «нового Фауста», почти совпадающая с большим романом Т. Манна, что было отмечено отечественными литературоведами⁵⁵¹. Отличие в том, что глава содержит помимо экономической фабулы примечательное описание Юнгером дьявола, которое отражает черты его консервативного протеста против всего обезличенного, чем и характеризуется для писателя новейшее время вообще и нацизм в частности: «Таких людей можно встретить в министерствах, банках, в промышленных и деловых кругах... В другие времена подобных людей восприняли бы как олицетворение зла, как некое чудовище, но в мире, где зло — привычное дело, в их руках сосредоточена власть»⁵⁵². Подводя итог перверсии «мифа о Фаусте» писатель вкладывает в уста своего героя смысл дилеммы современного искушения: «Человек воззвал к могучим силам, до ответа которых он еще не дорос. Вот тут его и охватывает ужас. Он думает, стоя перед выбором: переступить ли порог, мир таинственных зловещих сил, или вернуться назад в родовую вотчину человечества, где можно спокойно существовать, пока земля все еще плодоносит»⁵⁵³. В какой-то мере эта дилемма отражает дельту размышлений самого Юнгера — от искателя приключений и праворадикального автора до умеренного консерватора.

Описывая два противоборствующих лагеря, один из которых представляет Ландфогт, скрывающий образ Гитлера, а другой Проконсул, с явным намеком на Карла-Генриха фон Штюльпнагеля⁵⁵⁴, писатель отмечает, что первый «планирует установление господства тотального бюрократизма» а второй «опирается на

⁵⁵⁰ Там же. 45.

⁵⁵¹ Ишимбаева Г. Г. Фауст в стиле экзистенц (антиутопия Эрнста Юнгера «Гелиополис») // Филологические науки. - М.:1999. №4. С. 50.

⁵⁵² Юнгер Э. Гелиополь. С. 147.

⁵⁵³ Там же. С. 185.

⁵⁵⁴ Martus S. Op. cit. S. 206.

остатки старой аристократии»⁵⁵⁵. Цель Ландфогта — «нивелирование, распад духовности, обезличивание человеческого общества, где будет господствовать абстрактный порядок, уравниловка»⁵⁵⁶. В противовес этому, автор от лица главного героя, в котором просматриваются его собственные черты, видит человека «хозяином положения», властелином жизни»⁵⁵⁷. В этом ключевое отличие даже праворадикального публициста от тоталитарной диктатуры — он не готов пожертвовать правом на индивидуальность и возможностью существовать вне системы. Вероятно, это и стало основным экзистенциальным мотивом к неприятию гитлеровского режима.

Кроме того, для автора Проконсул — олицетворение носителя гармонически присутствующих в нем аристократических и демократических принципов⁵⁵⁸, идеальной смеси в текущем представлении мыслителя. Целью такой политики должно быть «создание новой элиты». В идеологическом смысле он выражает ее словами другого героя: «Консервативная цель мероприятий должна оставаться невидимой за ширмой ее либерального исполнения»⁵⁵⁹.

«Гелиополис» содержит некоторые постулаты модели преодоления нацистской эпохи, предваряющие будущие работы. Как прогнозист глобальных изменений, философ проявляет себя в качестве антиглобалиста, выступая против унификации. В целом, роман, безусловно, скорее являет собой квинтэссенцию преодоления нацизма в традиционалистско-консервативном ключе. С ретроспективной позиции, можно согласиться со Швилком, в том, что писатель изобразил конфликт романтического консерватизма и террористической власти в рамках теологической позиции главного героя⁵⁶⁰, если понимать под «романтическим консерватизмом» его традиционалистскую форму.

В конце войны и первые годы после нее в творчестве писателя наблюдается очевидная динамика от праворадикальной доминанты в сторону либерально-

⁵⁵⁵ Юнгер Э. Гелиополь. С. 191.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ Там же. С. 192.

⁵⁵⁹ Там же. С. 241.

⁵⁶⁰ Ernst Jünger – Leben und Werk in Bilddokumenten und Texten/Hrsg. H. Schwilk. S. 308.

консервативного реализма и традиционалистского пессимизма. Наличие большого числа имен, имеющих отношение и к той и другой стороне консервативной традиции, от Ривароля и Шатобриана до Токвиля, почтение перед аристократией и возрастающее понимание необходимости равновесия в мире, говорит о явном транзите.

Решающее воздействие на изменение содержания юнгеровских работ оказали поражения в ходе войны, сведения о зверствах нацистов на оккупированных территориях, общение с элитой французского общества и военной элитой Германии. Ярким подтверждением юнгеровской эволюции в сторону более умеренной формы традиционалистского консерватизма в годы нацизма и войны является мнение такого выдающегося мыслителя XX в. как Ханна Арендт, которое, по выражению самого Юнгера, впервые узнавшего о нем от своих итальянских интервьюеров много лет спустя, в 1995 г., «мне чрезвычайно льстит»⁵⁶¹: «Военные дневники Эрнста Юнгера, наверное, честней и правдивей всего демонстрируют огромные испытания, которым подвергается индивид, если он хочет сохранить себя и ценности истины и нравственности нетронутыми в мире, в котором истина и нравственность потеряли всякое видимое выражение. Несмотря на несомненное влияние ранних работ Юнгера на определенную часть нацистской интеллигенции, сам он с первого до последнего дня режима являлся активным противником нацизма и тем самым доказал, что старомодного понятия чести, некогда хорошо знакомого прусской военной касте, было вполне достаточно для индивидуального сопротивления»⁵⁶².

В нацистский период, несмотря на первоначальную праворадикальную инерцию, обнаружились явные противоречия, свидетельствующие о существенном стилистическом и содержательном различиях между консервативным автором и нацизмом. Сначала это произошло на метафизическом уровне, а позднее, уже на основе конкретно-исторических событий и политических действий режима. Во время Второй мировой войны в юнгеровском

⁵⁶¹ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 27.

⁵⁶² Ibidem.

видении прошлой послевоенной ситуации все четче обозначается разница между «консервативной революцией» и нацизмом. Антиреспубликанец стал также и антинацистом.

Столкновение с нацизмом в его тоталитарном проявлении привело к тому, что исключительно метафизический дискурс не давал ответы на конкретно-политические вопросы. Возникает психологическая ситуация, повторяющая невротическое состояние после Первой мировой войны при коренном отличии. Основным для Юнгера становится не вопрос: «Почему мы проиграли?», а проблема: «Как нацизм оказался возможным для Германии?». Доминирующим является традиционалистско-консервативный стиль, к концу периода уравновешенный реализмом умеренного консерватора.

Хотя проблема нацизма из метафизической плоскости и перешла в конкретно-историческую, демонизация самого Гитлера и всего с ним связанного не перестала сопровождать рассуждения Юнгера и в какой-то мере, послужит основой для его последующих работ. Однако можно говорить о том, что наряду с этой тенденцией и подчеркиваемым предельно общим, свойственным, по мнению автора, времени нигилистическим устремлением к уничтожению и унификации массового общества, относящимся также к метафизическому обобщению, существенную роль стали играть рассуждения о прямой ответственности режима, его представителей типа Розенберга и Геббельса или мелких функционеров и даже всего немецкого народа. С нацизмом связывается негативная роль техники, вкупе с иррациональным негативом нации и государства составляющая его метафизическую основу.

Проблема личной свободы в «Левиафане» вышла на новый уровень но не перестала быть важной для Юнгера как и государство не перестало иметь довлеющего значения. Однако мыслитель находит в нем ряд пороков, связанных с излишней технологизацией, унифицирующей жизнь и порядки. Представление о человеке складывается сугубо консервативное, автор не видит никаких иллюзий на этот счет. В тоже время проблема самоидентификации остается по-прежнему

существенной, особенно при самооценке политического Я⁵⁶³, что говорит также с одной стороны, о сложностях переживаемых метаморфоз во время войны, а с другой, — о стилистической способности к вбиранию разнонаправленных элементов, которая изначально присуща автору.

Писатель обозначил болевые точки современной истории, определил их проблемное содержание, поставил вопросы и взял курс на преодоление последствий нацизма, нигилизма военных лет и поиска необходимого баланса между прошлым, настоящим и будущим. Как сказал позднее сам мыслитель об этом времени: «Вторая мировая война поменяла нас в глубинах водоворота и вихрях нигилизма»⁵⁶⁴, «существенные изменения произошли в середине нашего столетия, после 1945 г.»⁵⁶⁵.

В начале июля 1950 года Эрнст Юнгер переезжает в деревню Вильфлинген под Зигмарингеном на южной оконечности Швабского Альба (Гогенцоллерн-Зигмаринген) при посредничестве и инициативе доктора Маргрет Блерш, которая познакомила мыслителя с бароном Францем Шенком фон Штауффенбергом, близким родственником Клауса фон Штауффенберга, совершившего покушение на Гитлера⁵⁶⁶. Первоначально семья Юнгеров вместе с секретарем Армином Молером и его супругой Эдит поселились в замке барона, но в следующем году переехали в дом главного лесничего напротив. Этот дом станет последним пристанищем философа на долгие годы вплоть до его смерти и местом, в котором будут написаны не менее важные труды его жизни, обозначившие многообразие и трансформацию его консервативных воззрений. И некоторые из них продемонстрировали специфику различий в самом консервативном идейном лагере.

В 1950 году, в сборнике, посвященном 60-летию Мартина Хайдеггера, была опубликована написанная осенью 1949 года небольшая по объему, но

⁵⁶³ Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch. S. 117.

⁵⁶⁴ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 20.

⁵⁶⁵ Ibid. S.18.

⁵⁶⁶ Kiesel H. Op. cit. S. 589.

чрезвычайно важная по содержанию работа «Через линию», открывающая серию произведений, связанных с метафизическим преодолением нацистского прошлого в частности и нигилистического состояния вообще. Нацистский опыт простимулировал метафизические обобщения и писатель впервые после войны полностью растворяется в размышлениях о нигилизме глобального порядка, которому посвящено данное произведение.

Работа связана с поиском ответа на следующий существенный вопрос об «основной ценности»: насколько личность, труд и организация в глобальном масштабе пересекли линию⁵⁶⁷, отделяющую новое состояние, напрямую зависимое от нигилизма, от старого состояния? До какого пункта добрался нигилизм как фаза в движении к определенной цели⁵⁶⁸? Из этого вопроса вытекали два практических направления поиска мыслителя, оформленные в вопросы: насколько еще возможна свобода пусть и в ограниченном виде⁵⁶⁹ и каков рецепт выживания для индивида, находящегося в нигилистическом настроении и смятении⁵⁷⁰, «как может выстоять человек перед лицом уничтожения в нигилистическом потоке»⁵⁷¹? Таким образом, в «Через линию» можно обнаружить две основные части. Первая — это так называемый «предварительный диагноз» или сущностный анализ нигилизма, сравнение его с другими явлениями, выявление его основных атрибутов, дуализмов. Вторая часть — поиск рецептов против него, и в ней Юнгер выступает как активный критик существующего в мире положения.

Ключевыми мыслителями, к которым он обращается в данной работе становятся Ницше и Достоевский, в концепциях нигилизма которых автор находит сходства притом, что у первого речь идет о ценностном нигилизме, а у второго — экзистенциальном. Но, по мнению Юнгера, обе позиции проходят три одинаковые фазы: от сомнения к пессимизму, к активным действиям в

⁵⁶⁷ Jünger E. Über die Linie // E. Jünger. Werke. Esseus I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. S. 274.

⁵⁶⁸ Ibid. S. 249.

⁵⁶⁹ Ibid. S. 281.

⁵⁷⁰ Ibid. S. 252.

⁵⁷¹ Ibid. S. 261.

лишенном ценностей безбожном пространстве и, наконец, к новым свершениям⁵⁷². Поэтому он отмечает связь пессимизма и нигилизма, когда отвергаются иерархии и ценности⁵⁷³. Подпитку нигилизм получает из состояния ужаса и страха, пораженчества, которые выражаются в нигилистической молве. В этом смысле мыслитель определяет нигилизм как крайнюю форму пессимизма, отрицающую другой мир, но не мир вообще, и связывает его проявление с бурным развитием, которое несет с собой чудовищные разрушения и преступления⁵⁷⁴.

Для выявления представления о нигилизме Юнгер предлагает отделить от него три явления, которые часто сопровождают его и вызывают полемику. Речь идет о болезненности, зле и хаосе⁵⁷⁵. По мнению мыслителя, хаос плохо сочетается с нигилизмом, поскольку для последнего наиболее подходит порядок, с устойчивыми и абстрактными системами которого он сосуществует вполне гармонично⁵⁷⁶. В качестве недавнего примера автор приводит образец высокоразвитого государства со служащими и аппаратом, которое, когда «утеряны или разрушены фундаментальные идеи с их номосом и этосом», превращается в нигилистический объект через появление в больших городах массовых партий, действующих и рационально и страстно⁵⁷⁷. Говоря о столь важной структуре как армия, Юнгер отмечает, что ее пригодность к нигилистической акции находится в прямой зависимости от того, как быстро из нее исчезает старое состояние, традиция⁵⁷⁸. Уклон в сторону старых авторитетов и ценностей, напротив, угрожает нигилистическому успеху⁵⁷⁹. Наиболее подходящим для осуществления нигилизма является именно технический порядок, в котором возможно чистое функционирование, рост автоматизма,

---

⁵⁷² Ibid. S. 254.

⁵⁷³ Ibid. S. 253.

⁵⁷⁴ Ibidem.

⁵⁷⁵ Ibid. S. 255.

⁵⁷⁶ Ibid. S. 256.

⁵⁷⁷ Ibidem.

⁵⁷⁸ Ibidem.

⁵⁷⁹ Ibid. S. 257.

различного рода организаций⁵⁸⁰. Так, современный нигилизм для писателя, несмотря на методологию рассуждения, является конкретно-историческим явлением, связанным с технической унификацией, определенным симбиозом дисциплины, порядка и чистоты, особенно там, где проявляется физическое уничтожение целых социальных слоев⁵⁸¹. Автор критикует технику, видя в ней, в отличие от Веймарского периода, больше пороков, нежели достоинств, и это верный признак изменения целей, стиля и содержания его консервативного мышления.

Писатель отрицает взаимосвязь болезненности и нигилизма, считая, что пройдя школу тюрем и гражданской войны, битвы Первой и Второй мировых войн, нигилисты, в которых читаются радикальные представители большевизма и нацизма, не подвержены болезненному восприятию: «В противнике они больше не видят человека, он стоит для них вне закона»⁵⁸². Во всем проявляется воля к преодолению, автоматизм убивает естественность и появляются люди, действующие подобно железным машинам⁵⁸³.

Юнгер отмечает, что нигилизм лучше приживется в молодом народе, в котором отсутствует скепсис древнего народа, способность к критике, традиция и история, но имеется готовность к легкому приятию нигилистической теории⁵⁸⁴. И опять же, важным моментом нигилистического движения является отношение к Просвещению, которое для него является предтечей современного нигилизма. Говоря о социальной нигилистической структуре, он видит в ней не головорезов, а специалистов разных областей, от врачей до экономистов⁵⁸⁵. С этого момента, специалист станет для мыслителя одним из социальных олицетворений унифицирующего начала, всегда готового к нигилистическому уничтожению. С

---

⁵⁸⁰ Ibidem.

⁵⁸¹ Ibid. S. 258.

⁵⁸² Ibid. S. 260.

⁵⁸³ Ibidem.

⁵⁸⁴ Ibid. S. 262.

⁵⁸⁵ Ibidem.

ним связана растущая склонность к специализации, разделению и детализации, которая особенно заметна в гуманитарных науках⁵⁸⁶.

Что касается соотношения зла и нигилизма, мыслитель приходит к неутешительному выводу о том, что часто нигилизм исходит из благих намерений, и нигилист не преступник в общепринятом смысле, но с ним связан переход из морального контекста в автоматический⁵⁸⁷. Больше настороженности вызывают, пишет Юнгер, не люди с криминальным прошлым, а чиновники, впавшие в моральный автоматизм. На его взгляд, стирание границ между добром и злом, сплав добра и зла тревожит больше, чем, если бы нигилизм можно было бы считать специфическим злом⁵⁸⁸. В итоге, для мыслителя нигилистический мир — это, по сути, редуцированный мир,двигающийся к нулевой точке, а для нигилистической мысли характерно сведение мира с его сложными и многообразными тенденциями к общему знаменателю⁵⁸⁹.

В рамках континуитета автор отмечает, что нигилистическое падение иерархий — не первый случай в истории, но ранее всегда сохранялись первобытная основа и культуры, которые оставались нетронутыми. «Сегодня же утрата, которая не только утрата, но и ускорение, упрощение и стремление к неизвестным целям распространяются на весь мир», — пишет философ, — «впервые мы наблюдаем нигилизм как стиль»⁵⁹⁰. Таким образом, феномен современного нигилизма состоит в его глобальности и глобализация усиливает эффект его присутствия. Налицо опережающий всех антиглобализм Юнгера.

После этого он уверенно отвечает на первые два вопроса, связанные с сущностью и историческим положением нигилизма: снятие табу и универсализация эстетики в мире между 1918 и 1945 гг. привели к кульминации нигилистического процесса, и хоть участие в нем потеряло привлекательность, «мы не только идеологически, но и с точки зрения внутреннего ресурса идеологии

---

⁵⁸⁶ Ibid. S. 267.

⁵⁸⁷ Ibid. S. 264.

⁵⁸⁸ Ibidem.

⁵⁸⁹ Ibid. S. 265.

⁵⁹⁰ Ibid. S. 268.

пересекли нулевую точку»⁵⁹¹. Поэтому, «нигилизм приближается к своей последней цели», по сути, он — выражение мировой гражданской войны в которой все находятся, и она достаточно взрывоопасна, учитывая «всеобщность стиля», который указывает на мировое государство⁵⁹². Тем самым Юнгер возвращается к поиску системы глобального порядка, в которой будут действовать сдержки и противовесы: не исключая вероятность Третьей мировой войны, он видит возможность достижения мирового единства при помощи договоров⁵⁹³, демонстрируя сдержанную позицию во взгляде на будущее. Частичный уход от событийной конкретики и в то же время обнаружение общих тенденций эпохи создает сплав метафизического и конкретно-исторического взгляда умеренного консерватора.

При этом, как считает автор, традиционная консервативная позиция, представители которой, «достойны уважения и внимания», не способна противостоять движению, растущему после Первой мировой, поскольку традиционный консерватор, опирается на застывшие слои, такие как монархия, аристократия, армия, деревня⁵⁹⁴. Поэтому «новые консерваторы», как полагает Юнгер, переходят от статичных к динамичным теориям и настигают нигилизм на его же поле⁵⁹⁵. Здесь, неожиданно, можно увидеть сохранение прежней праворадикальной установки, что есть свидетельство консервативной стилистической неоднозначности мыслителя.

Помимо важности церкви в противоборстве с нигилизмом, свободному человеку важно преодолеть два страха, которые охватывают его, когда нигилизм достигает кульминации. И оба они связаны с Левиафаном — мегагосударством, воплощенном в сверхдержавках⁵⁹⁶. Один — это ужас внутренней пустоты, а второй — страх перед воздействием могучего мира, действующего извне⁵⁹⁷. На стороне

---

⁵⁹¹ Ibid. S. 269.

⁵⁹² Ibid. S. 270-271.

⁵⁹³ Ibid. S. 271.

⁵⁹⁴ Ibid. S. 273.

⁵⁹⁵ Ibidem.

⁵⁹⁶ Ibid. S. 278.

⁵⁹⁷ Ibidem.

Левиафана кроме этих двух страхов бюрократия, которая подобно «полипу промышляет вымогательством»⁵⁹⁸ и тотальная мобилизация, которая превосходит предыдущую по своим угрозам⁵⁹⁹. Образно он противопоставляет Левиафану Отечество.

Кроме того, человеку, и это понятие Юнгер водит впервые, предлагает услуги «организация» в самом широком смысле слова, под которой он понимает, «порядок, основанный на знании и науке», и которая позволяет «хозяйственные, технические, политические упрощения»⁶⁰⁰. Речь идет, по сути, о продолжающемся антисциентизме и критике унификации, которая уже наблюдалась в военных дневниках и «Мире». Организация станет предметом критики в «Мировом государстве» (1960).

Ответы на вопрос о возможности свободы и о выживании человека в таких условиях лежат для мыслителя в экзистенциальных и творческих материях: в отсутствии страха перед смертью, в любви и поклонении эросу, мусической жизни, поэзии и мыслительной деятельности⁶⁰¹. И если «человек окажется сильнее, то ничто отступит»⁶⁰², заключает герой Первой мировой войны в свойственной ему манере.

Критика реальности в традиционалистском ключе в первой части работы сменяется конструктивным подходом либерально-консервативного типа при построении модели противостояния нигилизму. Мыслитель на нескольких уровнях иррациональным образом противостоит ему: унификации на глобальном уровне, организации и бюрократии на политическом уровне, автоматизму на экзистенциальном уровне, охватывая все сферы современного исторического процесса. Со времен первой редакции «Авантюрного сердца» культ естественного никогда еще не поднимался писателем на уровень всестороннего рассмотрения и впервые стал предметом для метафизического обобщения. Однако при этом,

---

⁵⁹⁸ Ibid. S. 279.

⁵⁹⁹ Ibid. S. 280.

⁶⁰⁰ Ibid. S. 280-281.

⁶⁰¹ Ibid. S. 282-285.

⁶⁰² Ibid. S. 288.

Юнгер признал факт перехода за линию нигилизма и обнаружил свое неприятие глобализации с ультраконсервативной решительностью. В его работе нигилизм, в первую очередь, несмотря на обилие метафизических понятий, — современное конкретно-историческое состояние, проходящее определенные этапы развития, требующее метаисторического рассмотрения и преодоления, и уже во вторую очередь, метафизическое явление, требующее определения. В этом смысле «Через линию» сочетает несколько методов преодоления нацизма и кризиса эпохи.

Мартин Хайдеггер ответил Эрнсту Юнгеру в юбилейном сборнике к его 60-летию, вышедшем в 1955 году. Разумеется, у философа возник ряд вопросов, которые он и постарался изложить в своей статье «О линии». Его взгляд, очевидным образом, отличается от юнгеровского. Хайдеггер, напротив, видит преодоление нигилизма только в метафизическом смысле и не считает возможным пересекать линию: «Вместо того, чтобы стремиться преодолеть нигилизм, мы должны попытаться сначала проникнуть в его *сущность*. Проникновение в его сущность — это первый шаг, благодаря которому мы оставим нигилизм позади себя»⁶⁰³. Поскольку философ связывает сущность нигилизма с сущностью метафизики, то преодоление нигилизма им видится в «превозмогании метафизики»⁶⁰⁴. Исходя из этого посыла, Хайдеггер считает, что человек изначально наделен нигилизмом и «человеческое существо само принадлежит существу нигилизма». Тем самым человек сам есть линия, и она не есть по отношению к нему как нечто переступаемое⁶⁰⁵. Таким образом, по мнению Хайдеггера, отпадает сама возможность пересечения линии⁶⁰⁶.

Можно сказать, что это различие дает еще одно ясное представление о юнгеровском консервативном транзите. Хайдеггер как представитель правого лагеря немецких мыслителей отказывается признать необходимость изменения взглядов и одновременно уводит дискурс в метафизическую сферу. Более того,

---

⁶⁰³ М. Хайдеггер. О линии//Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 115.

⁶⁰⁴ Там же. С. 105.

⁶⁰⁵ Там же. С. 101.

⁶⁰⁶ Там же. С. 102.

он настаивает на необходимости не менять позицию Юнгера по «Рабочему», вспоминая свою просьбу к писателю в 40-е гг. о переиздании трактата «и притом без изменений»⁶⁰⁷. Писатель, напротив, видит важность сущностного изменения под воздействием времени в отличие от хайдеггеровской догматизации. И хотя позднее он признает, что питал излишний оптимизм в работах «Мир» и «О линии»⁶⁰⁸, в отличие от Хайдеггера, видевшего нигилизм в сущности бытия и человека, Юнгер в большей мере анализирует нигилизм времени, создавая констелляцию исторических и метафизических параметров и причин. Эрнст Юнгер, по мнению Мората, после 1945 года представляет «классическую консервативную позицию, которая понималась еще в 19 веке как «позиция аполитичного», ориентированная на вечные ценности»⁶⁰⁹, что и сказывается в переписке со Шмиттом при оценке действий по отношению к нацизму⁶¹⁰.

Послевоенный идейный коллапс немецкого консерватизма связан с несколькими, зависящими от событий тенденциями. Первая из них — уход традиционного правого консерватизма с политической сцены из-за высокой степени ответственности за приход Гитлера к власти. В этом смысле, имперский прусский стиль после Второй мировой войны не решился отстаивать ни один публичный консервативный политик или идеолог. В связи с этим намечается вторая тенденция — либерализация настроенного на принцип консенсуса немецкого консерватизма, сочетающего в себе принцип социального государства и рыночной экономики. И как следствие первых двух, третьей тенденцией является раскол в стане консервативного лагеря на «официальных» консерваторов и «внесистемных» правых. Исходя из вышесказанного феномен положения Юнгера состоит в следующем. Исследователи часто стремятся отметить одну из особенностей его консервативной позиции: «эзотерический» уход от политики и идеологии, изменения в сторону «романтического» консерватизма. Иногда, подмечается амбивалентность его воздействия на политическую обстановку, в

⁶⁰⁷ Там же. С. 76.

⁶⁰⁸ Jünger E. Siebzig verweht II. S. 121.

⁶⁰⁹ Morat D. Op. cit. S. 435.

⁶¹⁰ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. S. 247.

которой отстраненный философ, через «невидимые каналы», будучи в стороне от событий, оказывает на них значительное влияние. Ни одна из приведенных позиций не отвечает в полной мере специфике и своеобразию консервативного положения Юнгера, поскольку смешивает позицию самого мыслителя с отношением к нему и упускает из виду важность сочетания транзита с творческим многообразием.

Очевидно, что Юнгер изменил свою позицию на более умеренную, нежели та, которая была у него до 1934 г. И, конечно же, этот взгляд, в основном с традиционалистским, и в немалой степени, либерально-консервативным окрасом, был востребован в послевоенной Германии. Власти ФРГ после процесса денацификации стояли перед сложной проблемой сохранения единства нации, и Э. Юнгер как раз как нельзя лучше отвечал запросу консенсусного плана, поскольку, будучи крайне правым мыслителем, не был членом НСДАП и выступил публично в своих работах против нацизма. В этом смысле, писатель после войны, несмотря на споры вокруг него, был фигурой пусть и слабой, но единственной надеждой духовной консолидации. Однако по этой же причине, многообразие его консервативного творчества позволяло претендовать на него и «внесистемным» правым, которые востребовали его раннее творчество. Таким образом, складывается любопытный парадокс вокруг его творчества: у официальной власти ФРГ была востребована его умеренная позиция, за которую его впоследствии будут критиковать крайне правые, а у крайне правых — наследие праворадикального периода, за которое Э. Юнгера будут вплоть до его смерти и после нее критиковать леволиберальные круги. Консервативный транзит оказался чрезвычайно болезненным для писателя. Именно этим объясняется сумятица, царящая при оценке его роли в послевоенной ФРГ, основанная на поведенческих оценках, а не содержании работ. Юнгер уезжает в провинцию, но не отказывается от участия в официальных мероприятиях и от приемов высоких гостей. Из-за позиции по отношению к нему левых и правых, одинаково втягивавших его исключительно в «Веймарский дискурс», возникают аналогии с отношением Юнгера к первой немецкой республике и нацизму. При этом

двузначность его статуса заключается в том, что критикуемый «справа» и «слева» (в первом случае – за динамику взглядов, во втором – за верность Веймарским военным идеалам) он постепенно становится олицетворением столь необходимого для новой Германии образа немца, примиряющего разные стороны. Не будучи нацистом, он был участником войны, в то же время, не совершил преступлений, подпадавших под действие Нюрнбергского трибунала, но и не был эмигрантом, «агентом» союзников. Его фигура, жизненный путь и произведения оказывали воздействие на весь политический спектр послевоенной ФРГ в силу широты и многообразия консервативного дискурса, поднятого им.

Очевидно, что став антинацистом, он не перестал быть антиреспубликанцем, но его антидемократизм стал носить не праворадикальный, а традиционалистский характер. Для мыслителя нет принципиальной разницы, как для правого традиционалиста, между демократией и тоталитарной диктатурой, чему еще одним подтверждением является его следующая работа «Лесной путь» (1951).

Образ Лесного путника занимает важное место в творчестве мыслителя после Солдата и Рабочего⁶¹¹ и предваряет образ Анарха, следовавшего за ним, связывая образный метафизический ряд юнгеровских представлений⁶¹². Писатель рассматривает в «Лесном пути» основные болезни времени. Важность этой критики — в преодолении последствий нацизма и восстановлении нормального порядка, связи времен, которая утрачена из-за катастроф в XX веке.

Юнгер начинает работу с пассажа о том, что «Лесной путь — это не идиллия» и в нем скрываются вопросы, которые со временем никуда не исчезли, а напротив еще более обострились⁶¹³. И первым из них является проблема выборов и анкетных ответов в современной демократии, которая не гарантирует человеку с начала XX века «прежней безопасности», и, напротив, бесчисленные документы

⁶¹¹ Koslowski P. Op. cit. S. 83.

⁶¹² Arnold H.L. Krieger, Waldgänger, Anarch. Versuch über Ernst Jünger. - Göttingen: Wallstein Verl., 1990. 47 S.

⁶¹³ Jünger E. Der Waldgang//E. Jünger. Werke. - Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 5. S. 293.

могут стать причиной краха современного человека⁶¹⁴. Рассматривая выборы как форму участия, Юнгер напоминает, что в диктатурах они часто превращались в плебисциты, а наличие в избирательных бюллетенях «неизвестных лиц» он относит к новой форме рабства⁶¹⁵. Опираясь на опыт нацистской диктатуры, он отмечает, что ее цель не только в том, чтобы выставить вождя напоказ или убедить всех в том, что на ее стороне большинство, но и в том, чтобы через плебисцит убедить всех в том, что она результат свободной воли людей⁶¹⁶. В итоге, автор подводит к теме размышления вопросом: насколько приемлемо в данном пространстве сочетать мораль и статистику?

Он обнажает множество ложных факторов, «пересечения фикций», влияющих на избирателя и мешающих ему сделать свободный выбор. Так, он отстаивает принцип личной свободы и показывает, что действительно, современная система выборов мешает его реализации, безотносительно к политическому режиму.

Юнгер считает, что власть принуждает избирателя к решению в рамках закона, и в то же время сама не соблюдает клятв и правил игры⁶¹⁷. Поэтому голосование «против» является лучшей формой протеста, несмотря на мнение большинства, отрывая человека от статистически управляемого и контролируемого мира. Этот разрыв и должен совершить Лесной путник⁶¹⁸. В Лесном пути философ видит как раз проявление свободы индивидуальности в «эпоху Рабочего, в которой мы живем»⁶¹⁹. Таким образом, Юнгер сохраняет континуитет своих ранних и поздних произведений, трансформируя представление о Рабочем, под воздействием пережитого катаклизма в диагноз эпохи, дополняя его традиционалистской и либерально-консервативной оппозицией Лесного путника. Рабочий становится олицетворением массовых явлений современного мира, независимо от политических оценок. Речь идет о

---

⁶¹⁴ Ibid. S. 294.

⁶¹⁵ Ibid. S. 295.

⁶¹⁶ Ibid. S. 296.

⁶¹⁷ Ibid. S. 304.

⁶¹⁸ Ibid. S. 304-305.

⁶¹⁹ Ibid. S. 307.

продолжении сопротивления в традиционалистском и либерально-консервативном стиле современной унифицирующей демократии за право на индивидуальный акт, мыслителя, в частности. Одновременно, это своеобразная прививка от возможной диктатуры, рост потенциала меньшинства⁶²⁰, что также немало заботит мыслителя.

В работе опять возникает образ титанов, которые, на взгляд Юнгера, становятся носителями новой власти в мире и они, как считает автор, связаны с образом Неизвестного солдата, воспоминаниями о Первой мировой войне и все более явно проступающими целями и формами всемирной гражданской войны⁶²¹. Получается, что титаны у Юнгера это и властелины массового общества и его противники одновременно, поскольку Неизвестный солдат — еще и настоящий потомок европейского рыцарства⁶²². Поэтому он считает Рабочего и Неизвестного солдата двумя крупнейшими гештальтами нашего времени, а Лесной путник – это «третий из них, который проявляет себя все отчетливее»⁶²³. Если Рабочий связан с охватом универсума, Неизвестный солдат пронес на себе катастрофы нигилистических сражений, то Лесной путник — оставшийся без родины и дома человек, оказавшийся в зависимости от систем уничтожения и обладающий особым отношением к свободе, которое позволяет ему сопротивляться автоматизму не из фатализма, а из этических соображений⁶²⁴. Успех в таком «рискованном предприятии» возможен лишь в случае сопутствия ему «трех больших сил»: искусства, философии и теологии.

Из-за новой концепции власти, дающей ей сильную концентрацию, Юнгер видит необходимость в создании новой дефиниции свободы, которая бы не имела ничего общего с «выцветшими понятиями, сопровождающими это слово»⁶²⁵. В этой критике можно увидеть общие позиции с либертарианцами австрийской школы.

---

⁶²⁰ Ibid. S. 310.

⁶²¹ Ibid. S. 312.

⁶²² Ibid. S. 313.

⁶²³ Ibid. S. 316.

⁶²⁴ Ibid. S. 317.

⁶²⁵ Ibid. S. 315.

В связи с этим Юнгер ставит другой вопрос: в какой мере и каком проявлении в наше историческое время необходима свобода, если современный человек способен сам от нее отказаться⁶²⁶? По его мнению, понятия необходимости и свободы со временем меняются. И хотя они устойчивы и живучи, понятие свободы с 1789 года устарело, она нуждается в подкреплении исторической необходимостью и каждый раз должна вновь завоевываться⁶²⁷. Между тем, Юнгер полагает что «сегодня утверждение свободы является особенно трудным и требует больших жертв, из-за следования большинства необходимости».

В сопротивлении человека времени проявляется диалектика страха и свободы, поскольку страх, в конечном счете — это страх перед смертью и всякий раз, когда свобода будет достигнута, страх никуда не исчезнет. В этом еще раз проявляется юнгеровское представление о несовершенстве и порочности человека, уже озвученное им в военных произведениях 20-х гг. XX века, заключающееся в том, что человек стремится к своей противоположности.

Юнгер видит в Лесном путнике «человека свободного и независимого действия», который составит элиту пусть незначительную, в отношении которой чистое применение силы потерпит поражение. В его лице свобода станет своевременной и ее целью будет не протест или эмиграция, а борьба⁶²⁸. Он не является солдатом, он не знает солдатской формы и дисциплины, «его жизнь свободней и сложнее солдатской»⁶²⁹.

Для Лесного пути, в его особом отношении к свободе не нужно вооружение, достаточно добровольцев, способных к защите безотносительно к действиям государства⁶³⁰. В этом высказывании сказывается давнее праворадикальное устремление писателя к эмансипации от государства, проявлявшееся в его рассуждениях о «фронтовом братстве» в 20-е гг. Но теперь он отрицает саму

---

⁶²⁶ Ibid. S. 333.

⁶²⁷ Ibid. S. 334.

⁶²⁸ Ibid. S. 355.

⁶²⁹ Ibid. S. 364.

⁶³⁰ Ibid. S. 366.

возможность наступательной войны в новых условиях⁶³¹. Сохранение праворадикальных позиций в экзистенциальной сфере – еще один признак консервативного многообразия мыслителя.

На взгляд Швилка, в этой работе Юнгер демонстрирует скепсис по поводу формирующейся плебисцитарной демократии, которая мало чем отличается от диктатуры масс и выступает против либерального государства благосостояния, технократизма, утраты метафизики⁶³². Исследователь уверен, что Лесной путник завершает движение «через линию» и преодолевает нигилизм, выражая перманентный для мыслителя «протест духа против бездуховности, субстанции, против ее утраты, индивидуализма против коллектива»⁶³³. По мнению Козловски, Лесной путник — маргинал, анархист-одиночка, который отражает третий тип мифического героя юнгеровского творчества после Солдата и Рабочего, потерпевших крах в ходе мобилизации⁶³⁴ и который скрывается в лесу свободы от нигилистической пустыни и древнего леса анархии⁶³⁵. М. Майер считает, что «Лесной путь» является выражением эстетической, духовной анархии в отношении современного вызова мира Рабочего⁶³⁶ и, сталкиваясь с его временем, Лесной путник совершает своеобразный уход от него⁶³⁷.

В какой-то мере на новом витке «Лесной путь» является продолжением обсуждения постоянных дилемм творчества мыслителя: проблем соотношения «естественного и искусственного», «личного и коллективного», переходящих в отношения «государство-индивид». Сам Юнгер в поздних интервью описал лес, в который уходит Лесной путник, как метафору, «область, в которую вы можете отступить перед цивилизацией, очерченной нигилизмом, перед императивами церкви и когтями Левиафана»⁶³⁸.

⁶³¹ Ibid. S. 367.

⁶³² Schwilk H. Op. cit. S. 463.

⁶³³ Ibidem.

⁶³⁴ Koslowski P. Op. cit. S. 84.

⁶³⁵ Ibid. S. 83.

⁶³⁶ Meyer. M. Op. cit. S. 420.

⁶³⁷ Ibid. S. 429.

⁶³⁸ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 115.

Важнейшей чертой данной работы является демонстрация автором неоплатонической, консервативной структуры его представления о взаимосвязи исторических и метафизических явлений, основе всеобщего континуитета и его производений. Абсолютные универсалии, такие как свобода и необходимость, право и насилие, проявляют себя во все времена, но в разных формах. Однако отличие нашей эпохи заключается в том, что в ней произошла репрезентация мира Рабочего, техника как никогда стала влиятельной, присущей всему и каждому. Юнгер одним из первых отметил этот феномен, и в свой праворадикальный период рассчитывал использовать это обстоятельство для восстановления, как ему казалось, справедливости после Версальского мира, вопреки естественному ходу событий и благодаря отказу от стремления наладить нормальный порядок через легальные политические процедуры, отрицанию возврата в устойчивые системы. Нацистский режим и Вторая мировая война продемонстрировали всю непредсказуемость нигилизма, который привел к еще большему, анархическому смещению абсолютных универсалий во времени, так что право стало похоже на бесправие, а демократия на диктатуру. Теперь, принимая несправедливость времени, философ скорее не стремится к уходу из него при помощи Лесного пути, а создает переход, при котором произойдет восстановление континуитета, нормального хода событий, порядка умеренного типа. Таким образом, «Лесной путь» в метафизическом смысле — это произведение о движении к восстановлению утраченного через индивидуальную, иррациональную оппозицию времени. Неприятие мира Рабочего является способом выразить однобокость такого представления, дополнить его важными элементами жизни, теряющими ценность в современном мире. Поэтому, Юнгер становится не только одним из пионеров-диагностов глобализации, но и явно первым ее критиком, о чем говорили неоднократно исследователи его творчества. На место праворадикальных содержательных критических элементов приходят традиционалистско- и либерально-консервативные, которые в свое время играли подчиненную роль. Государство критикуется не за слабость, а за бюрократическую, технократическую унификацию, человек не за трусость или

кровожадность, а за неспособность противостоять обману. В «Лесном пути» нащупывается подход к умеренно-консервативному синтезу в политическом и историческом смысле, но одновременно проявляется непримиримость экзистенциальной позиции, свойственная «авантюрному сердцу» писателя с 20-х гг. XX в.

Через работу проходит восстановление внутренних связей всего творчества. Юнгер выступает против государственного и глобального нигилизма, но не перестает отрицать легальные социальные и политические процедуры, оставляет за собой право на индивидуальный протест.

Произведение «Лесной путь» — это еще и отстаивание права на личную свободу и индивидуальный выбор в духе классического либерализма, чьи аргументы были использованы консерваторами в XX в., преодоление тоталитаризма на внутривполитическом уровне, антиглобализм и отрицание унификации на глобальном уровне, восстановление континуитета на метафизическом уровне. Происходит смещение доминанты в консервативном стиле в сторону либерально-консервативного типа. Ценностные и стилистические элементы, игравшие в праворадикальный период подчиненную роль, занимают ведущее место. Ю. Эвола даже посчитал, что в «Лесном пути» «появляются те ценности, который ранний Юнгер, безусловно, заклеил бы как бюргерские»⁶³⁹.

В качестве метаисторической презентации концепции, представленной в «Лесном пути», в заключительной работе этого отрезка времени Юнгер рисует модель нацистского феномена на фоне широкого всемирно-исторического фронта. «Гордиев узел» (1953) посвящен проблеме Востока и Запада как «главной исторической теме»⁶⁴⁰, но содержит помимо этого, множество важных постулатов.

Юнгер широкими мазками изображает всемирно-исторический процесс, узловыми точками которого, являются столкновения между Западом и Востоком.

⁶³⁹ Эвола Ю. Указ. соч. С. 174.

⁶⁴⁰ Jünger E. Der Gordischen Knoten//E. Jünger. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. S. 493.

Противоборство между Востоком и Западом — это и есть тот «Гордиев узел», разрубив который можно стать властелином мира. «Гордиев узел» в этом смысле, как и другие абсолюты человеческой истории, циклично проявляется в конкретные периоды времени, так что «он, возникая как смысловая картина сил земли при каждой встрече Европы и Азии должен быть разрублен снова и снова»⁶⁴¹. Однако несмотря на существенное различие между Востоком и Западом с позиции дихотомии свободы и необходимости, у мыслителя речь идет о двух возможностях, двух вариантах мировоззрения для человека: «свобода и деспотия всегда проявляются одновременно, они с самого начала две возможности, которые овладевают человеком и народами»⁶⁴². В связи с этим, он еще раз ссылается на библейский образы Каина и Авеля: «Человек не только потомок обоих но они всегда неизменно в нем сочетают два начала: принуждение и свобода, они составляют смысл»⁶⁴³.

Следуя логике неоплатонизма и объединяя накопленные идеи предыдущих размышлений послевоенного периода, автор видит своеобразие эпохи в том, что «катастрофа всемирно гражданской войны слилась после долгого отлива с высоким приливом столкновения между Востоком и Западом и оба движения объединились в одно действие»⁶⁴⁴. Первая мировая война, писал ее герой, «начинаясь как национальная, раскрылась в дальнейшем, уже в рамках всемирной гражданской войны»⁶⁴⁵. Гражданская война, таким образом, покрывала столкновение Восток-Запад, которое не случайно и основывается на родстве. При этом Россия — главная сила мировой революции, «занимает доминирующее положение в Азии»⁶⁴⁶. Следствием такого совпадения явилось, по мнению автора, отклонение от законного порядка европейских государств⁶⁴⁷. Тем самым дается неявный ответ на вопрос о сущности национал-социализма.

---

⁶⁴¹ Ibid. S. 396.

⁶⁴² Ibid. S. 403.

⁶⁴³ Ibid. S. 404.

⁶⁴⁴ Ibid. S. 436.

⁶⁴⁵ Ibid. S. 435.

⁶⁴⁶ Ibid. S. 436.

⁶⁴⁷ Ibidem.

Мировая революция, всколыхнувшая Европу, и усилившая негативное воздействие извечного столкновения Восток-Запад имеет, таким образом, во многом восточные черты⁶⁴⁸. Оттого получается, что у событий начала и середины XX века двойной профиль, в котором угадываются черты восточного деспотизма и нигилистического разрушения нового типа. Отсюда произрастают тоталитарные режимы, порождением которых являются диктатуры и диктаторы нового типа, отличные от римских. Такого рода трактовка дает автору возможность вывести проблему ответственности немецкой нации за конкретно-исторические и территориальные рамки, в чем следует видеть еще одно проявление сродства с послевоенным консервативным прочтением недавних событий.

Однако автор «Гордиева узла» в рамках метаисторического рассмотрения не оставляет без внимания Гитлера. Он считает, что в сравнении с Фридрихом Великим, который для него является эталоном великой личности⁶⁴⁹ или Наполеоном, к которому он более требователен, фюрер лишен исторического величия: «Оценка положения Гитлером, стоившая миллионам человек жизни, не вытекала из реальных обстоятельств. Основная ошибка скорее заключалась в том, что Гитлер полагал, будто его харизма вечна и непреходяща, идентична харизме Фридриха Великого»⁶⁵⁰.

Побочным ответвлением критики технократизма в работе прорезается уже подспудно имевшая место в прежних эссе «филиппика» против специалистов. Поскольку роль техники растет, то специалист, как главный носитель знания о ней, играет двусмысленную роль. «Он (специалист – прим. авт.) напоминает агента, которого может оплачивать чужая власть, который может быть принужден»⁶⁵¹, растет значение знания и растет его стоимость. У Юнгера вызывает сомнение польза от такой роли знания в мире. Мыслитель говорит о

---

⁶⁴⁸ См. об этом: Казаков С. О. «Гордиев узел» Эрнста Юнгера // Политическая мысль и культура. Материалы международной научно-практической конференции (Пермь 11-12 ноября 2002 года). Пермь: Перм. ун-т. 2003. С. 124.

⁶⁴⁹ Jünger E. Der Gordischen Knoten. S. 444.

⁶⁵⁰ Ibid. S. 447.

⁶⁵¹ Ibid. S. 474.

том, что при всей своей творческой силе, специалисты достаточно ограничены, поэтому должны подчиняться определенной этике.

При этом, как отмечает Майер, Юнгеру все-таки не свойственен пессимизм его предшественников — Шопенгауэра и Буркхардта⁶⁵². Он надеется на «светлый аристотелевский дух»⁶⁵³ и считает, что европейцу, носителю ума и свободы свойственно преодоление границ. Благодаря высочайшему уровню научно-технического развития, характерного для Запада, можно предвидеть, что «все народы будут втягиваться в западную судьбу»⁶⁵⁴. Философу предвидится общий путь всех народов, распад колониальных порядков. «Пришло время великих решений. Это возможно там, где власть и свобода не исключают друг друга»⁶⁵⁵. Писатель видит перспективу взаимного оплодотворения между Востоком и Западом⁶⁵⁶.

Юнгер в «Гордиевом узле» окончательно делает выбор в пользу метаисторической трактовки нацизма, уходя от конкретно-исторического варианта времен военных дневников Второй мировой. Метафизический характер его рассуждений, вроде пассажа о том, что «вопросы власти ведут в Непредвиденное – в субстанцию, из которой чудесным образом сохраняется мир»⁶⁵⁷, стал причиной любопытной дискуссии с его давним собеседником.

Карл Шмитт опубликовал статью по поводу «Гордиева узла» в 1955 году, в том же юбилейном сборнике, посвященном 60 - летию Юнгера, там же, где вышла упоминаемая выше статья Хайдеггера, с названием — «Историческая структура современного мирового противостояния Востока и Запада». В ней Шмитт поставил под сомнение изображение некоторых противоречий, вызывающих сомнение с точки зрения сопоставления «сегодняшнего мирового

⁶⁵² Mayer M. Op. cit. S. 398.

⁶⁵³ Jünger E. Der Gordischen Knoten. S. 475

⁶⁵⁴ Ibid. S. 478.

⁶⁵⁵ Ibid. S. 480.

⁶⁵⁶ Ibid. S. 488.

⁶⁵⁷ Ibidem.

дуализма» с историческими аналогиями⁶⁵⁸. Именно в этой дискуссии, по мнению А. Молера, ярко проявляется манера писателя – «там, где, Эрнст Юнгер видит общее, Шмитт направляет взгляд всегда на особенное»⁶⁵⁹. Это подтверждает и сам писатель: «Карла Шмитта занимают, прежде всего, политико-правовые основания событий и личностей... Мне, напротив, насколько это вообще возможно, важно понять мифическое ядро истории, которое присутствует в настоящем, принимая во внимание технику и новых титанов, в отношениях Востока и Запада»⁶⁶⁰. Эта позиция Юнгера позволила Шмитту и Молеру обвинять его в «аполитичности», в невнимании к конкретной политике. На взгляд Мората, Юнгер занял позицию, с которой не уделяется внимание «поверхностной сфере ежедневной актуальности и бесплодного активизма»⁶⁶¹.

К этому спору двух собеседников следует добавить, что консервативный транзит выражается у Э. Юнгера еще и в отказе от абсолютного признания противостояния в духе экзистенциальной шмиттовской модели «друг-враг» и склонности к принятию взаимодействия Востока и Запада, что является свидетельством иной расстановки приоритетов в его новых работах, скрытой подоплекой спора.

Окончательно разобравшись с нацизмом уже на метаисторическом и метафизическом уровне, мыслитель укрепил в своем творчестве позиции, в первую очередь, традиционалистского, а также либерально-консервативного типов консерватизма. Пройдя путь от конкретных обвинений в военных дневниках до максимального обобщения, Юнгер с одной стороны, продемонстрировал особый вид ухода от проблемы ответственности нации за гитлеровский режим, которую он признавал в военных дневниках, а с другой стороны, попытался в свойственной для себя манере выйти на более глубинный и оригинальный уровень ее понимания.

⁶⁵⁸ Schmitt. C. Die Geschichtliche Struktur des heutigen Welt-Gegensatzes von Ost und West. *Bemerkungen zu Ernst Jüngers Schrift: "Der Gordischen Knoten"*//Freundschaftliche Begegnungen. Festschrift für E. Jünger zum 60.Geburtstag. - Frankfurt am Mein 1955. S. 145.

⁶⁵⁹ Martus S. Op. cit. S. 199.

⁶⁶⁰ Ibid. S. 198.

⁶⁶¹ Morat D. Op. cit. S. 435.

Особенность послевоенного положения Юнгера заключается в той особой позиции, которую он занял, находясь под огнем критики «слева» за творчество Веймарского периода и критики «справа» за явную либерализацию воззрений. Одновременно с этим, Юнгер очевидным образом совпадает в своем дрейфе с официальной позицией государства, настроенного на консенсус и примирение всех без исключения немцев, что и выразится наиболее ярко в последующий отрезок его жизни.

2.3. Либерально-консервативная интеграция в ФРГ и метафизическое осмысление истории (1954-1960)

С начала 50-х гг. XX в. Эрнст Юнгер впервые выступает в своих работах и рассуждениях как полноценный политический философ, склонный к широким обобщениям в отличие от статуса политического пропагандиста Веймарского периода и писателя-метафизика времен господства нацизма. Германо-американский ученый Лео Штраус отличает политическую философию от всех остальных форм политической рефлексии тем, что она – «с одной стороны, попытка выяснить истинную природу политических вещей, а с другой, - узнать, что собой представляет правильный или хороший политический порядок»⁶⁶². Помимо этого, для Штрауса политическая философия есть «попытка заменить мнение о природе политических вещей знанием о них»⁶⁶³. Несмотря на наличие в «Рабочем» элементов политической теории, оторванность ранних произведений от политической философии, их праворадикальная заостренность не дают полного основания рассуждать о глубоком «знании», о котором говорит Штраус. Во втором послевоенном периоде творчества Э. Юнгера есть и конкретно-политическая рефлексия, основанная на фактах нацистской политической и расистской практики, и выводы, основанные на собранном материале о происходящих событиях войны, попытка преодоления пережитого и множество произведений, в которых предлагается видение оптимального политического и метаполитического порядка. Х.-П. Шварц называет этот период в жизни Юнгера временем «шанса для консервативной политики» и считает, что из «проповедника политического активизма он превратился в автора, который симпатизирует описываемой им политике одного социального слоя», имея в виду феодально-капиталистический стиль власти⁶⁶⁴.

⁶⁶² Штраус. Л. Что такое политическая философия?//Л. Штраус. Введение в политическую философию. — М., 2000. С. 11.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Schwarz H. P. Op. cit. S. 163.

На протяжении всего рассматриваемого в данной главе времени Эрнст Юнгер неоднократно упоминает в своих работах и записях выдающихся мыслителей консервативной традиции, таких как Шатобриан, де Местр, Доносо Кортес⁶⁶⁵, Э. Берк. Нередко он обращается к творчеству Алексиса де Токвиля, содержащего глубокие консервативные идеи. Знакомство с их наследием продолжалось не одно десятилетие, и поскольку вербальное отношение к консерватизму как к системе идей на протяжении предыдущих периодов было неоднозначным, то перевод и публикация мыслей и максим французского консервативного писателя и мыслителя Антуана де Ривароля позволяли Юнгеру поставить все точки над *i*.

Ривароль является предметом обсуждения в переписке со Шмиттом. Первое упоминание о книге, посвященной «ленной жизни Ривароля» относится к 4 февраля 1938 года⁶⁶⁶. О начале перевода мыслей и максим Юнгер упоминает 9 марта 1945 в «Кирххорстских листках»⁶⁶⁷. Также француз упоминается в переписке со Шмиттом во время и после войны. Таким образом, публикация максим Ривароля в 50-е гг. XX в. — следствие рассуждений в духе традиционалистско-консервативной доминанты, ее основательный отпечаток в эти годы.

Юнгер отмечает, что Риваролю «не хватает силы авторов XVII века, но его проза достигает высочайшего уровня продуманности и элегантности»⁶⁶⁸. А в декабре 1954 года он пишет Шмитту о том, что «перевел последнюю максиму Ривароля, закончив с удовольствием работу, которой я, так или иначе занимался с 1945 года», и упоминает о желании написать введение, посвятив его «одному Риваролю или Риваролю и Берку, или дать краткий обзор о консервативных усилиях с 1789 года»⁶⁶⁹. Юнгер замечает, что «все эти мыслители судили весьма

⁶⁶⁵ Koslowski P. Op. cit. S. 89.

⁶⁶⁶ Ernst Jünger – Carl Schmitt. Op. cit. S. 74.

⁶⁶⁷ Jünger E. Kirchhorster Blätter. S. 393.

⁶⁶⁸ Ernst Jünger – Carl Schmitt. S. 131.

⁶⁶⁹ Ibid. S. 264.

точно, но исходя из старых представлений о власти, подобно представителям классической физики в изменившемся мире»⁶⁷⁰.

«Ривароль» (1956) включает в себя обширную вступительную статью писателя, с обзором жизни и трудов французского мыслителя, сами максимы, переведенные немецким философом, примечания и комментарии к некоторым из них. Важность этой работы определяется отношением мыслителя к консервативной традиции вообще, возможностью увидеть в Ривароле и его максимах стиль, ценности и метод, которые Юнгер способен идентифицировать в самом себе и своем творчестве, при их помощи дать оценку существующего положения и степени применимости консервативной традиции в настоящем. В этом смысле «Ривароль» имеет ключевое значение в поиске ответов на основные вопросы о взаимосвязи консерватизма и Юнгера в это время, поскольку определяет его системную позицию на длительный период.

В первую очередь, автор отмечает те качества и ценности Ривароля, благодаря которым он снискал славу незаурядного мыслителя при малом количестве написанного им. К ним автор относит «тонкий ум и блестящее дарование», «впечатляющую образованность», «точность в понимании литературных, общественных и политических явлений своего века»⁶⁷¹, «духовное воспитание», выходящее за масштабы ситуаций, «ясное понимание происходящего»⁶⁷². При разборе творческого метода и анализе стиля моралиста отмечается, что, несмотря на его связь с утонченностью и остроумием «старого порядка», Ривароль «все же имел более глубокие основания», благодаря чему он и смог противостоять словом против Революции, в то время, когда она была наиболее сильна⁶⁷³. Это обстоятельство не могло не быть отмечено немецким мыслителем, который долгое время находился в оппозиции не к одному режиму. Посему Юнгер отказывается считать Ривароля «денди», видя в нем «не только знатока старой созревшей культуры, но и ее законного наследника,

⁶⁷⁰ Ibidem.

⁶⁷¹ Jünger E. Rivarol//E. Jünger. Sämtliche Werke. - Stuttgart; Klett-Cotta, 1978.Bd. 14. S. 212.

⁶⁷² Ibid. S. 239.

⁶⁷³ Ibid. S. 215.

отстаивающего то, что он на самом деле и представляет. По этой причине он превосходит свое время с его слепотой и куда больше Робеспьера заслуживает имени «Неподкупного»⁶⁷⁴.

Юнгер признает в своем французском предшественнике человека, чье слово превосходит время, поскольку оно является поэтическим и творческим и мы только сейчас созрели до понимания некоторых его фраз, пройдя через определенный опыт⁶⁷⁵. Автор подчеркивает актуальность наследия Ривароля, не только по причине его проницательности и умения выйти за рамки эпохи, но и в силу сходства времен: «Дерзость захвативших власть демагогов непоколебима, аплодисменты безграничны. После проигранной войны спектакль возобновляется... тут-то и приятно осознать, что монета, которая была отчеканена в сходном положении неподкупным умом, пройдя сквозь времена, сохранила свой вес и ценность»⁶⁷⁶.

Юнгер отрицает взаимосвязь Ривароля и романтизма, считая, что основой его метода является следование «здоровому человеческому пониманию», в основе которого, умение «столь же беспристрастно сколь и проницательно посреди вихрей размышлять о порядке, который лежит в основе вновь возникающих политических явлений»⁶⁷⁷. Его «конструкция и метод остаются важными, сколь много бы реставраций и новых революций мы не увидели, в каком бы замешательстве, наводящем на мысль о конце света не пребывали»⁶⁷⁸.

Ривароль не романтик еще и потому что, романтизм по мысли Юнгера, «опирается на чувство утраты», а «в его душе, его сознании не произошел резкий разлом, отделивший по-новому прошлое и настоящее, и не прервалась особым способом традиция, что ощущалось бы отчасти как освобождение или отчасти как сиротство»⁶⁷⁹. Романтизм отягощает понятие «консервативный», и подлинному консерватору не требуется романтика и воодушевление. «Меньше

---

⁶⁷⁴ Ibid. S. 222.

⁶⁷⁵ Ibid. S. 223.

⁶⁷⁶ Ibidem.

⁶⁷⁷ Ibid. S. 227.

⁶⁷⁸ Ibidem.

⁶⁷⁹ Ibidem.

слов, больше дела» — вот его закон. Поэтому, заключает Юнгер, Ривароль принадлежит к авторам, чтение которых и сегодня принесет пользу, для того, кто в «консервативных идеях может обнаружить долговечное, и отделить его от чрезмерного и вредного»⁶⁸⁰.

Писатель отмечает, что Ривароль работает с языком как художник, а не как ученый, и поскольку Юнгер — убежденный антисциентист, он видит в этом силу риваролевских максим, в их похожести на стихи, «способные выстоять перед переменами и не рухнуть по причине прогресса, который как «Сатурн поедает любые теории и изобретения»⁶⁸¹.

Юнгеру важен в консервативном наследии Ривароля творческий опыт противостояния с революцией и эпохой, органическое соединение языка, стиля, верности отечеству, непреходящих ценностей и пронизательности. Именно поэтому для Юнгера важно, что, несмотря на превратности времени, «Ривароль оставался всегда верен самому себе, даже если менял свой взгляд на практику», внезапные повороты и эксцессы «были чужды его гармоничному характеру»⁶⁸², и поэтому, «с самого первого дня Ривароль решительно выступил против революции»⁶⁸³. Очевидно, что речь идет о некоей самоидентификации с французским автором. Не случайно, что в описании позиции Ривароля возникает культ одинокого героя, противостоящего потоку времени, «на что отважились немногие сердца и головы»⁶⁸⁴. И в этом герое трудно не угадать самого писателя.

Подводя итог, автор предисловия ставит вопросы о сущности и содержании понятия «консерватизма», о значимости такого противостояния в наше время, в котором «революция восторжествовала на всех фронтах»⁶⁸⁵. Победа идей 1789 года во времени и пространстве делает, по мнению писателя, понятие «консерватизм» не самым удачным образованием»: «Сегодня заведомо

---

⁶⁸⁰ Ibid. S. 28.

⁶⁸¹ Ibid. S. 229

⁶⁸² Ibid. S. 236.

⁶⁸³ Ibid. S. 237.

⁶⁸⁴ Ibid. S. 558.

⁶⁸⁵ Ibid. S. 555.

слабейший тот, кто хочет сохранить что-либо»⁶⁸⁶. Поэтому Юнгер стремится придать консерватизму более глубинное звучание, отказавшись от жесткой связи с консервативной традицией, для того, чтобы вернуть то, что всегда лежало в основе абсолютного здорового порядка⁶⁸⁷. Следует объяснить, что имеется в виду. В его представлении консерватизм ассоциируется в современном мире «со стремлением удержать неудержимое, что делает консервативную критику бесплодной, несмотря на ее красоту и духовную точность»⁶⁸⁸. Но «Ривароль отличается среди консервативных мыслителей рациональной трезвостью» и его труды могут предложить «как в ситуации *tabula rasa* покрыть почву новым перегноем и создать что-то прочное»⁶⁸⁹. В качестве положительного примера воплощения указанной идеи он приводит работы Рассела Керка. То есть, Ривароль может быть востребован, но как быть с традицией и освобождением от нее консерватизма?

Из следующих высказываний становится ясным понимание этого процесса Юнгером. Отказываясь, как и в праворадикальный период, от всего наслонившегося, от социально-политических представлений «старых» консерваторов, необходимости восстановления монархии и прочих институтов, при всем почтении к ним, от понимания консерватизма как реставрации, ибо «сегодня реставрация относится к идеям 1789 года с их символами и идеями»⁶⁹⁰, Юнгер выходит на иной уровень понимания консерватизма как духовного действия и мирового порядка. В доверии к такому порядку, не зависящему от человеческого, он и видит основную черту консервативного мышления⁶⁹¹ и погружается на такую глубину, на которой консервативная традиция не была бы подвержена полному слому. По сути, как и в «Лесном пути», он предлагает «старым истинам явиться в «новых одеяниях», что и может снова запустить

---

⁶⁸⁶ Ibid. S. 559.

⁶⁸⁷ Ibidem.

⁶⁸⁸ Ibidem.

⁶⁸⁹ Ibid. S. 560.

⁶⁹⁰ Ibid. S. 563.

⁶⁹¹ Ibid. S. 561.

традицию»⁶⁹². В языке, который наполнит консерватизм новым смыслом, а возможно и даже новой этимологией, и сосредоточена традиция, поэтому им так тщательно и занимался Ривароль⁶⁹³.

Юнгер при помощи наследия Ривароля проводит своеобразную ревизию консерватизма и как истинный консерватор использует наследие традиционных консерваторов для необходимого, с одной стороны, обновления и приведения в соответствие с эпохой целей и задач идейно-политической традиции, а, с другой стороны, стремится нащупать ее надвременный порядок, силу и ценности, не зависящие от времени. И они сосредоточены в языке, дающем основу для континуитета, слияния воедино прошлого и будущего⁶⁹⁴.

Работа над «Риваролем», продолжавшаяся более 10 лет, дает ясно понять, что Эрнст Юнгер с самого начала своей творческой деятельности, в разных стилях и типах консервативного мышления стремился к своеобразному «оживлению» консерватизма, приданию ему современного звучания и надвременной ценностной силы. Эти цели он преследовал и как праворадикальный агитатор, преследует и как традиционалистский и либерально-консервативный мыслитель. И содержательно и стилистически он всегда отстаивал культ стихийного, критично относился к застывшим формам и революции, ставил выше «естественное» по сравнению «искусственным». Его отрицание авторитетов и традиции на раннем этапе не означало ухода от консервативного стиля вообще, и последовавшее в 40-50-е гг. XX в. признание за аристократией и монархиями права на историческое значение, не поменяло приоритета конкретно-исторической оценки в политической жизни. Работа над «Риваролем» показала то значение которое имеют для Юнгера консервативные ценности, независимо от меняющегося консервативного стиля мышления, который становится своеобразным «крепостным рвом» вокруг них в годы перемен. И то, что именно творчество Ривароля, а не его более реакционных

---

⁶⁹² Ibid. S. 562.

⁶⁹³ Ibid. S. 564.

⁶⁹⁴ Ibidem.

современников, таких как де Местр или де Бональд, вызвало неподдельный интерес со стороны Юнгера, свидетельствует об определенном настрое его консервативной культуры.

Помимо непосредственного рассмотрения консервативной традиции в это время еще одной его отличительной особенностью является разработка ключевых тем, которые демонстрируют юнгеровское консервативное представление о глобальных процессах и его отношение к ним. Одним из произведений, представляющих взгляд писателя ко всему искусственному в это время, является рассказ «Стеклянные пчелы» (1957). Глобализм искусственной унификации, который чрезвычайно беспокоит его в 50-е годы, становится предметом критики и иронии писателя, одной из ключевых тем этого и последующего периода творчества. Поэтому Козловски полагает, что обсуждая тему симуляции, превратившейся в доминирующую норму отношений между людьми в действительности, он опередил на много лет Бодрийяра, а рассматривая позднемодернистский плюрализм на несколько лет Лиотара⁶⁹⁵.

Основная фабула рассказа, несмотря на литературную составляющую, несет в себе историко-цивилизационный подтекст. Главный герой, ротмистр Рихард, вернувшись с войны, оказывается невостребованным. Но он не являет собой представителя «потерянного поколения», он по-своему востребован, устриваясь на работу к фабриканту Цаппарони, который создает искусственных кукол и роботов, чрезвычайно похожих на людей. Смысл жизни Цаппарони – в подмене естественного искусственным, более совершенным, на его взгляд. В саду фабриканта Цаппарони Рихард наталкивается на целые ульи стеклянных пчел, которые опыляют цветы гораздо лучше настоящих, приносят куда больше меда и дохода их хозяину, несмотря на то, что они не такие массивные как их природные сородичи. Их создатель превратил их в производственный комбинат, отсекая органические функции и необходимость выживания, поставив все на производственные рельсы. Юнгер пишет о том, что Цаппарони упростил

---

⁶⁹⁵ Koslowski P. Op. cit. S. 122.

природу⁶⁹⁶ и в этом продолжает тему редуцированного мира современности. Через главного героя писатель дает обзор подмены естественного в глобальных масштабах и показывает, что этой технической подменой не решаются проблемы, с которыми столкнулось человечество.

На взгляд Козловски, в этом рассказе выражается главное заблуждение эпохи, подобное рациональному и просвещенческому, в соответствии с которым «человек лучше Творца знает смысл истории, сам формирует обоснование современной философии истории, ее потребности, один может и должен воплотить смысл истории»⁶⁹⁷.

Творческая эволюция писателя согласуется с путешествиями по миру. В 1958 году Эрнст Юнгер совершил поездку в США, которая сформировала негативное отношение к американской культуре, ее скорости, «мир, в котором не знают разницы между жизнью и смертью», как он написал Гансу Шпейделю⁶⁹⁸. Антиамериканизм 20-х гг. перекочевал и в 50-е гг. Несмотря на преимущество американцев перед европейцами в отсутствии «пораженческой морали и порочной психологии», поездка подтвердила позицию Юнгера, полагает Швилк, о том, что США является «сверхдержавой для массовой демократии, безудержного капитализма и безграничного либерализма»⁶⁹⁹. Вероятно, эта позиция и поездка усилили критику современной цивилизации со стороны писателя.

Впечатляющим по масштабу и глубине прочтения является произведение «У стены времени» (1959). В нем просматривается новая трактовка всех прежних обобщений от «Рабочего» до «Лесного пути», включенных в предельный метаисторический контекст, о чем говорит автор в самом вступлении⁷⁰⁰. Работа выходит на метафизический уровень, который во многом задаст формат творческому обсуждению на следующем этапе жизни мыслителя, станет основой будущего интегрального консерватизма.

⁶⁹⁶ Ibid. S. 127.

⁶⁹⁷ Ibid. S. 134.

⁶⁹⁸ Schwilk H. Op. cit. S. 481.

⁶⁹⁹ Ibidem.

⁷⁰⁰ Jünger E. An der Zeitmauer//E. Jünger.Werke. Essays II. Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 6. S. 407; 411.

На примере климатических, природных и орнитологических наблюдений философ говорит о том, что настороженное «консервативное отношение ко всему новому», приходящему в жизнь, не лишено оснований: «Новое в первую очередь вызывает жертвы, потому что стремится не только занять пространство, но и победить. Там, где приходит новое, даже новый климат, начинается акклиматизация, дискомфорт, лихорадки и болезни и даже смерть. Потому свиристель называют чумной птицей»⁷⁰¹. В этом проявляется его стремление подчеркнуть значение иррациональных символов, не менее, а более знаковых, чем научное знание.

В коротком историческом экскурсе автор обращает внимание на то, что рост современного интереса к рассматриваемой им астрологии связан со временем после Первой мировой войны и вызван господствующей рациональностью, оттого «что план часто противоречит предназначению»⁷⁰². Катастрофа приводит человека в состояние признания власти божественной силы и к пессимизму, который куда более «зряч» в этот момент. С ростом технического развития растут масштабы катастроф, и «острый пессимизм направлен против всех развивающихся в сегодняшнем мире форм планирования»⁷⁰³. Однако недостаток пессимизма, в том что он ведет к признанию — план не был безупречен и начинаются усовершенствования⁷⁰⁴. Стремление к рекордам ведет к рискам, независимо от того, с чем они связаны — с властью, экономикой или комфортом, который куда опасней, по мнению писателя, чем хронические заболевания⁷⁰⁵. Исходя из вышесказанного, он связывает с Первой мировой войной наступление новой эры, «место которой было предопределено на протяжении веков»⁷⁰⁶. Как предполагает мыслитель, наше время является не только моментом стыка двух эпох человеческой истории, но и началом большого

---

⁷⁰¹ Ibid. S. 409.

⁷⁰² Ibid. S. 437.

⁷⁰³ Ibid. S. 438-439.

⁷⁰⁴ Ibid. S. 438.

⁷⁰⁵ Ibidem.

⁷⁰⁶ Ibid. S. 468.

цикла, и в таком случае, возникает вопрос: есть ли возможность включить в историю, то что было до истории, и что не может быть ее частью⁷⁰⁷?

Юнгер делает в работе предположение о конце исторического цикла и начале нового временного пространства. Эта гипотеза позволяет философу сопоставить историю Земли и человеческую историю, обозначить явление «стены времени»⁷⁰⁸. Ранее эта проблема наблюдалась в связи с выходом из мифического в историческое, а сейчас связана с уходом из пространства истории. Мифическое всегда угрожало историческому, событиям, людям и западный мир, считает он, всегда стремился сохранить свою историческую структуру, государство, мышление, личность с присущим ему сознанием свободы, от нападения мифических сил и их возврата.

Автор «У Стены времени» пытается разграничить и пояснить понятия «доистория», «мифическое», «историческое» как части человеческой действительности. Во многом с изображением Золотого века писатель связывает обсуждение различий мифического и исторического мира⁷⁰⁹. В связи между человеческим и героическим он видит Золотой век там, где человек ближе к ядру человеческого типа, а не к героическому — «тогда встречаются прогресс и консервативный дух»⁷¹⁰, — по сути, в балансе.

Главными действующими лицами современного столкновения, как и в мифический период, становятся боги, титаны и человек, который должен занять позицию на чей-либо стороне. В этой борьбе происходит обновление космоса, становление новой Земли, на которой будет жить новый человеческий род⁷¹¹. Юнгер предвещает тотальное обновление, которое коснется и мифов, и религии, и человечества в целом⁷¹² через возвращение титанов и бунта против богов.

---

⁷⁰⁷ Ibid. S. 475.

⁷⁰⁸ Ibid. S. 478.

⁷⁰⁹ Ibid. S. 493.

⁷¹⁰ Ibid. S. 494.

⁷¹¹ Ibid. S. 534.

⁷¹² Ibid. S. 535.

Он отмечает, что «мы живем в эпоху больших напряжений, имеющих свою историю, но не объяснимых только ею», независимо от их происхождения⁷¹³. Растущая гонка — признак того, что Рабочий стал господствовать, и это является для него удовольствием «как охота для аристократии или архитектура и война для королей»⁷¹⁴.

Юнгер так описывает краткий процесс захвата власти Рабочим, произошедший в обозримой ретроспективе и перспективе: он начинается с рационализма, который можно по праву считать «главной разрушительной силой». Он не отступает от своей позиции, в которой Просвещение и 1789 год являются важными разрушительными точками отсчета для Запада. Именно Просвещению, по мнению мыслителя, мы обязаны тем, что материализм является сегодня «господствующим учением». Абстрактные знания, не имеющие недостатка в доказательствах, становятся столь же убедительными, как и чудеса, совершенные святыми. «Средства Рабочего нарушают табу»⁷¹⁵.

«У стены времени» — работа, которая действительно производит впечатление своими обобщениями и значением всего написанного Юнгером к этому моменту, влиянием на все последующие рассуждения. Критика современности основывается на признании метаконтинуитета и выводе о «конце истории», которому во многом способствовали технические, унифицирующие, нивелирующие процессы. Они суть следствие рационализма и чрезмерной уверенности человека в своих способностях и возможностях. Здесь можно услышать нотки традиционалистского консерватизма. Юнгер раскрывает механизм образования нового состояния: борьба человека за свободу с божественной необходимостью, начавшаяся в лоне рационализма создала силы, которые вышли из под контроля, и привели его к состоянию титана, который действует иррационально и готов к монотонности, вызывающей страх и сомнение у прежнего человечества. В «У стены времени» дается предельно обобщенное

---

⁷¹³ Ibid. S. 546.

⁷¹⁴ Ibidem.

⁷¹⁵ Ibid. S. 648.

консервативное опровержение рационализма и либерализма, зашедшего в тупик к середине XX столетия в форме уверенной и оптимистичной демонстрации иррациональности мирового исторического процесса. Философ показывает, что практика человека, особенно рациональная, все равно не поддается опредмечиванию и бунт против богов, то есть попытка опереться на собственные силы — это обретение нового культа. Именно поэтому нельзя согласиться с Козловски, в оценке произведения как мифологического «прославления модерна»⁷¹⁶, в котором проявляется «консервативный миф о модерне»⁷¹⁷. Юнгер не восторгается, а предостерегает о возможных опасностях и предупреждает о том, что человек, несмотря на его волю и стремление к свободе, способность влиять на мировые процессы ограничен в своих планах и весь опыт современности демонстрирует эту несостоятельность, поставившую человеческий род на грань выживания.

В метаисторическом контексте философ представляет историю борьбы консервативного и либерального начал в форме борьбы свободы и необходимости. Именно в нем, несмотря на нарастание конфликта и огромное значение мифа, Юнгер придерживается стремления к либерально-консервативному балансу, при растущей воле к свободе, сопровождаемой снижением влияния религии на людей. В ней проявляется либерально-консервативный тип мышления писателя, который фиксирует, с одной стороны, невозможность уйти от влияния неземных сил, а с другой — он уверен в способности человека преодолевать испытания, пусть и в ходе иных временных рамок.

В работе предпринимается попытка консервативного синтеза на основе метауровневого континуитета, в процессе анализа которого весьма сложно отделить один тип консерватизма от другого, зафиксировать четко ценностную установку самого мыслителя. Именно поэтому ее можно считать архетипически определяющей для всего последующего периода творчества. Консервативные

---

⁷¹⁶ Koslowski P. Op. cit. S. 111.

⁷¹⁷ Ibid. S. 112.

типы не просто находятся в сочетании или независимом взаимодействии, они смешаны на широком идеологическом поле. Метаисторический пессимизм в отношении человека и государства сочетается с метафизическим оптимизмом, который основывается на законе сохранения энергии, уверенности в извечности противоречий и абсолюте универсального влияния свободы на жизнь человека. В этой работе Юнгер сумел обновить потенциал консервативной мысли в XX веке, размышляя над существенной, типологической проблемой консерватизма, отражающей сущность его природы — проблемой континуитета. Он не просто пытается нащупать связь между своими ранними и новыми произведениями или представить свою версию предшествующих религиозно-эсхатологических представлений, но и подойти к иному уровню обобщения, дающим ответы на вопросы, связанные со столкновениями и катаклизмами XX в. в широком, метафизическом и метаисторическом контексте.

В 1959 году произошли два важных события, повлиявшие на дальнейшее творчество и личные обстоятельства философа. Следуя интересу к мифологической интерпретации современного положения, Юнгер стал сооснователем и соиздателем журнала «Антей», чье название перекликалось с его размышлениями, изложенными в «У стены времени». Вторым человеком, составившим творческий дуэт с немецким писателем, стал американский писатель и исследователь мифологии румынского происхождения Мирче Элиаде, с которым Юнгер интенсивно общался во второй половине 50-х гг., узнав впервые о нем от Карла Шмитта, а также из чтения его статей в журнале «Залмоксис» во время Второй мировой⁷¹⁸. Журнал «Антей» выходил с 1959 по 1971 гг. и стал своеобразной интеллектуальной площадкой для «правого» мыслящего, в основном европейского сообщества. В нем печатались, помимо самих Мирче Элиаде и Эрнста Юнгера, такие интеллектуалы, писатели, ученые как Юлиус Эвола, Фридрих Георг Юнгер, Хорхе Луис Борхес, Эмиль Чоран. В основном тематика публикаций касалась проблем теологии, мифологии, истории, традиций,

---

⁷¹⁸ Jünger E. *Kaukasische Aufzeichnungen*. S. 434.

современной цивилизации, освещения взглядов выдающихся фигур европейского литературы и искусства: Новалиса, Гельдерлина, Блуа, Кубина. Последнему Эрнст Юнгер посвятил отдельную статью, в которой отметил важность распознавания им «краха буржуазного мира в знаках органического крушения, проявляющихся в технико-политических фактах»⁷¹⁹. Вот как сам Юнгер в программе «Антей. Журнал для свободного мира» описал его цели и задачи: «Журнал хочет служить свободе в мире. Свободный мир может быть только духовным миром... поиск этого высокого стандарта может происходить разными путями — теологически, философски через произведения искусства, создающие духовную родину... особенная задача, которая стоит перед «Антеем» в этой связи, позволить себе ограничиться словами миф и символ»⁷²⁰. Особая роль журнала, считает, мыслитель, заключается в освещении баланса между единством и своеобразием, который не должен быть нарушен в эпоху формирования нового «мирового единства», и в понимании единой основы народов, выросших из нее, которую затрагивает Антей, как мифический сын Земли: «Возрастающий рост власти и пространства можно вынести лишь в том случае, если Сын Земли из старой, священной глубины создаст противовес»⁷²¹. Журнал на 12 лет стал манифестом метафизического сопротивления со стороны правых мыслителей по отношению к унифицирующей современной цивилизации, «выбивающей землю из-под ног» Антея. Для мыслящих фигур правого фронта, находившихся под постоянной критикой со стороны левых и либеральных интеллектуалов за близость к нацизму, метафизический дискурс становился единственной формой сопротивления унификации глобального порядка и возможностью высказаться.

Вторым важным событием, позволяющим судить о транзите воззрений писателя, стало награждение Э. Юнгера Большим Крестом Ордена за Заслуги ФРГ, который вручил ему президент республики Теодор Хойс, знаковый

⁷¹⁹ Jünger E. Alfred Kubin// Antaios. / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. - Stuttgart: Ernst Klett Verlag. November 1965. Bd. VII. № 4. - S. 318.

⁷²⁰ Jünger E. Antaios. Zeitschrift für eine freie Welt. Ein Programm//E. Jünger. Sämtliche Werke. Adhos. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. S. 167.

⁷²¹ Ibid. S. 168.

либеральный политик Германии. Награда подчеркивала значение, которое придают в послевоенной Германии такой фигуре, как Э. Юнгер, олицетворявшей эволюцию от праворадикального публициста к умеренному консерватору. В условиях либерально-консервативного консенсуса, базировавшегося на христианско-демократической идеологии, он как нельзя лучше соответствовал образу немца, скрепляющего нацию для снятия проблемы раскола страны после нацистского господства на правых и левых. С этого момента началась череда многочисленных признаний по всей Европе творческих заслуг писателя, длившаяся вплоть до его смерти⁷²². Однако следствием этого были не только почет и уважение со стороны умеренных консерваторов, но и критика, как со стороны леволиберальных оппонентов, неизменно видевших в нем радикального противника республики, так и интеллектуальных единомышленников «справа».

Интеграция Юнгера в общественную жизнь ФРГ стала поводом для прекратившейся в 1959 г. корреспонденции со стороны К. Шмитта, причиной чего, как позволяет предположить переписка правоведа с Молером, является тот факт, что Шмитт не считал возможным продолжать эпистолярные отношения с Юнгером после череды официальных признаний последнего в Германии⁷²³.

В свою очередь, бывший секретарь, Армин Молер, ставший со временем влиятельным правоконсервативным публицистом, открыто и довольно резко высказался по поводу «невоенного ордена», полученного от «оккупационной демократии»⁷²⁴. Его претензии были связаны и с более серьезными причинами, такими как «стратегия переработки» Э. Юнгером текстов 20-начала 30-х гг, в которой Молер видел не эстетическую, а политико-мировоззренческую мотивацию⁷²⁵. Молер полагал, что исправлениями мыслитель «деисторизирует

⁷²² Звезда и Большой Крест за заслуги Ордена за заслуги ФРГ, баварский орден Максимилиана, литературные премии в Риме, Париже, премия Шиллера, премия Гете, звание почетного гражданина нескольких городов во Франции и Германии, звание почетного профессора университетов Фрайбурга, Бильбао, Мадрида — далеко не все награды и звания Юнгера за последние 37 лет его жизни.

⁷²³ Kiesel H. Nachwort des Herausgebers/Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. Op.cit. S. 871.

⁷²⁴ Schwilk H. Op. cit. S. 492.

⁷²⁵ Ibid. S. 481.

свои ранние работы», лишает их соответствия эпохе⁷²⁶. В связи с этим, ключевым признаком эволюции Юнгера от «Рабочего» до работы «У стены времени» Молер определяет «снижение значимости»⁷²⁷. Писатель ответил бывшему секретарю чуть позднее, в декабре 1960 г., напомнив, что он не «музейный администратор своих работ», что его работы являются по-прежнему «живыми» и как вино «пребывают в постоянной заботе и брожении», и наконец, сам автор вправе давать верное представление своих работ⁷²⁸.

Эти отношения являются верным признаком того, что в отличие от своих праворадикальных коллег Эрнст Юнгер претерпел значительную духовную трансформацию, даже там, где по-прежнему просвечивало прежнее экстремистское неприятие политического порядка, нежелание участвовать технически в любом режиме. Опыт Второй мировой заставил принять во внимание, что радикализм в действии может привести к непредсказуемым и трагическим последствиям, а определенная «аполитичность», в которой его обвиняли коллеги по правому лагерю, как полагает Морат, свойственна классическому консерватору, носителю аристократических ценностей⁷²⁹, однако, она не была уж такой явной, учитывая содержание произведений этого периода. Воздействие Юнгера на политическую жизнь ФРГ, как уже говорилось выше, в соответствии с его многообразным творчеством осуществлялось по всему идеологическому фронту, учитывая послевоенный курс на консенсус. Таким образом, юнгеровский идейно-консервативный транзит признавали и крайне «правые» и умеренные консерваторы, относясь к нему по-разному: первые — с раздражением, вторые — с пониманием его необходимости.

Вариант позитивного метаполитического решения, продолжающего идейные искания «У стены времени», писатель изложит в произведении «Всемирное государство. Организм и организация» (1960), которое является последней работой, касающейся сугубо государственного устройства, и входит

---

⁷²⁶ Ibid. S. 482.

⁷²⁷ Morat D. Op. cit. S. 434.

⁷²⁸ Noack P. Op. cit. S. 272-273.

⁷²⁹ Morat D. Op. cit. S. 525.

после «Рабочего» и «Мира» в триаду, демонстрирующую политическую эволюцию мыслителя на протяжении нескольких периодов творчества.

Во «Всемирном государстве» Юнгер выступает в основном как либерально-консервативный политический философ, выдвигающий по отношению к государству требования с позиции защиты прав личности, органического сосуществования при одновременном понимании его первостепенной значимости. Такое государство он рассматривает сквозь проблему свободы и господства, свободы и необходимости, через поиск баланса между ними.

Следуя логике событий, описанных в «У стены времени», стремление человека к свободе и ускорение процессов ведут к реализации мирового плана, в котором объединяются человеческие и космические силы, и «суммируются все государственные планы»⁷³⁰. Именно с этим и связана неизбежность появления «всемирного государства».

Юнгер отмечает постоянный примат государства по отношению к общностям народов, империям, расам, культурам и находит важным отметить тот факт, что «не общество находит в государстве свою форму, а скорее государство определяет форму общества вплоть до его ячейки, семьи»⁷³¹.

Государство, безусловно, давит на индивида, но оно принимает на себя заботу о нем, защищает и обеспечивает благо⁷³². Однако, его цена постоянно возрастает не только для индивида, но и для народов, их численность постоянно растет и государство в своей старой форме не справляется со своей ролью: «Оно становится огромным»⁷³³. Естественным становится его изменение, поскольку происходит смещение юридических, моральных, политических дефиниций, приобретающих многозначную и эластичную структуру⁷³⁴. Происходит естественный процесс подстраивания государства под глобальные процессы Земли.

⁷³⁰ Jünger E. Der Weltstaat. Organismus und Organisation//E. Jünger. Werke. Essays I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. S. 503.

⁷³¹ Ibidem.

⁷³² Ibid. S. 504.

⁷³³ Ibidem.

⁷³⁴ Ibidem.

К государству, считает Юнгер, всегда относились с подозрением. Однако проблема «всемирного государства» связана с сосуществованием организации и организма, которые составляют части общей жизни⁷³⁵. По сути, речь идет о противопоставлении государства и общества и доминирование одного из которых «видно в любом поселении»⁷³⁶.

Большие государственные планы нацелены на урезание естественных прав, в чем проявляется требование организации по отношению к организму⁷³⁷. И не только в этом. Писатель представляет биологическое и социологическое наполнение понятия «государство» и видит в сегодняшнем нивелировании полов, классов, рас, и даже природных сезонов и дня и ночи явления, предвещающие всемирное государство⁷³⁸. Нивелирование и в этой работе является важнейшей приметой времени, на которую обращает внимание мыслитель. Но, несмотря на унифицирующую роль организации, она не затрагивает глубины организма, то есть, касаясь социологической поверхности, она не проникает в биологическую сущность до конца. Автор вновь выступает против глобалистской унификации. Он предостерегает от чрезмерного влияния «организации» как основы политического организма и его занимает проблема, каким образом в мировом государстве будут сочетаться элементы «организации» и «органичное». Их взаимодействие зависит от отношения между свободой и господством, в котором господство, на взгляд, Юнгера, «одерживает подавляющую победу»⁷³⁹. Теперь он явно ставит естественное развитие выше технического прогресса и организационного вмешательства даже с целью упорядочивания. Точно так же в паре «свобода-господство» он в отличие от прежней позиции склоняется в пользу свободы. В ее отстаивании он усматривает особую роль анархиста. В данном случае нужно иметь в виду, что анархизм в его взглядах ассоциируется со спонтанностью, с важнейшим элементом естественного развития.

---

⁷³⁵ Ibid. S. 516.

⁷³⁶ Ibid. S. 517.

⁷³⁷ Ibidem.

⁷³⁸ Ibid. S. 521.

⁷³⁹ Ibid. S. 533.

Функция анархиста — корректировать позицию консерватора, настроенного на сохранение, приверженного традиции⁷⁴⁰. Анархист в этой связи предстает гарантом гуманного начала в противовес бездушному техницизму. Поэтому анархизм и консерватизм близки друг другу в своем желании сохранить естественное, защищая его против искусственного и исходя из разных предпосылок, они приходят к одному и тому же — отрицанию модернистской нигилистической воли к власти⁷⁴¹. Анархист в этом смысле — «праконсерватор, ищущий добро и зло в корнях общества»⁷⁴². В отличие от консерватора, чья позиция, основанная на традиции, в эпоху перемен вызывает сомнения⁷⁴³, анархист независимо от политических и исторических событий находится вне организации. Можно сказать, что анархист — это ультраконсерватор, чья позиция не подвержена сомнению в метаисторическом и метаполитическом смысле, то есть это консерватор в ином ранге истории, «чья память простирается дальше всех: в доисторические и домифические времена, он считает, что человек уже тогда исполнял свое истинное предназначение». Эта возможность, по мнению анархиста, осуществима для человека и сейчас⁷⁴⁴.

Не случайно, что главным его оппонентом все-таки является интеллектуальный революционер, который использует государство в торжестве как над консерватором, так над анархистом⁷⁴⁵. Протест же анархиста против государства и институций идет от сердца⁷⁴⁶. Он не солдат, и не рабочий⁷⁴⁷.

По мнению Юнгера, планетарный порядок уже состоялся. «Всемирное государство» в конечном итоге, обретя глобальный характер, теряет многие присущие государственности черты, некую привычную определенность, поскольку «форма человеческого государства определялась всегда наличием

---

⁷⁴⁰ Ibid. S. 534.

⁷⁴¹ Koslowski P. Op. cit. S. 164.

⁷⁴² Jünger E. Der Weltstaat. S. 534.

⁷⁴³ Ibidem.

⁷⁴⁴ Ibidem.

⁷⁴⁵ Ibid. S. 535.

⁷⁴⁶ Ibid. S. 536.

⁷⁴⁷ Ibid. S. 535.

других государств. Она определялась плюрализмом»⁷⁴⁸. Однако оно приобретет новое качество — переставая быть государством, в историческом плане, оно приближается к анархистской утопии и может не противоречить логике фактов⁷⁴⁹. В этом смысле, «всемирное государство» должно обрести неповторимый смысл, при котором оно, как и островное государство перестает нуждаться в армии. Тогда, надеется писатель, «человеческий организм мог бы освободиться от ограничений организации и стать собственно гуманным, более чистым»⁷⁵⁰.

В отличие от децизионистского подхода, Юнгер теперь ищет примирения в синтезе особого рода. Таковым оказывается органицизм, соединяющий в себе и естественное развитие, и организацию. Снимается и столь острое для него прежде противопоставление государства и общества.

Юнгер сумел задать в данной работе такой поворот в консерватизме, когда консерваторы восприняли классический, либеральный подход к государству, обратив его против либералов, в значительной степени усвоивших социал-демократический этатизм. Органицизм позволил преодолеть и прежнее во многом антагонистическое противопоставление Рабочего и Бюргера. Пожалуй, самая серьезная дань философа либеральному послевоенному времени заключалась в том, что он, пусть и в свойственной ему манере, признал примат свободы человека по отношению к государству.

Правда, можно предположить, что он, в какой-то мере, предвосхищает будущую инверсию, диаметрально противоположную смену позиций по отношению к государству у консерваторов и либералов. Тем не менее, с точки зрения эволюции взглядов самого автора, это было все-таки для того момента креном в сторону либерального консерватизма. Это подтверждает и Шварц, который полагает, что Юнгер впервые использует практически пару либеральных

---

⁷⁴⁸ Ibid. S. 538.

⁷⁴⁹ Ibid. S. 537.

⁷⁵⁰ Ibid. S. 538.

понятий — государство и общество⁷⁵¹ и отмечает, что он, по сути, трансформирует политику в теологию и эсхатологическую сферу, не оставляя места для универсального «идеального государства» на земле⁷⁵². Именно «Всемирное государство» во многом позволило немецкому историку заявить отличие юнгеровской «трансцендентной теории консерватизма»⁷⁵³ от классического консерватизма, и назвать мыслителя «консервативным анархистом»⁷⁵⁴.

Как уже отмечалось выше, это не единственное определение консервативного стиля писателя в этот период. Швилк находит в его представлениях о современности в этот период двойственность «экологического антимодерниста и метафизического фаталиста»⁷⁵⁵. Морат называет это время для братьев Юнгеров, эпохой «спокойствия», отхода от активной политической позиции и, несмотря, на их антидемократические позиции, время интеграции в публичную сферу ФРГ в 50-е гг., что вызывало «критику со стороны молодых неоконсервативных активистов»⁷⁵⁶. Молер действительно критиковал Э. Юнгера по поводу «Мирового государства», считая, что в нем не прослеживается черт нации, правонационалистических идеалов и довольно жестко иронизировал по поводу метаморфозы человека, которому он уделил важное место в своей монографии о «консервативной революции»⁷⁵⁷. Юнгер в ответ указал 6 ноября 1960 г. в письме на взаимосвязь между почитаемым им «Рабочим» и «Всемирным государством», обратил внимание на своеобразие связи между концепцией и фактами, которая не всем видна, и различие в видении ситуации⁷⁵⁸, что подтверждает его консервативный транзит и интеграцию в систему существующей немецкой республики.

⁷⁵¹ Schwarz H. P. Op.cit. S. 182.

⁷⁵² Ibid. S. 184.

⁷⁵³ Ibid. S. 186.

⁷⁵⁴ Ibid. S. 188.

⁷⁵⁵ Schwilk H. Op. cit. S. 490.

⁷⁵⁶ Morat D. Op. cit. S. 526.

⁷⁵⁷ Schwilk H. Op. cit. S. 487.

⁷⁵⁸ Noack P. Op. cit. S. 256-258.

Такое представление философа разделяли далеко не все, причем не только оппоненты «слева». Армин Молер, ставший одним из самых внимательных хроникеров творчества Эрнста Юнгера, по его позднему признанию, ни об одном авторе не писавший так много⁷⁵⁹, чрезвычайно холодно отнесся, как уже говорилось выше, к «возникшей дистанции» между писателем и его ранними трудами. В еженедельнике «Христианство и мир» он высказался довольно резко, по сути, обвинив своего кумира в конъюнктурности. Молер даже выводит в связи с этим особый «осмотический тип писателя», который в отличие от ранних работ, где он проявляет себя как «поэт действия», писавший под «диктатом» времени, теперь «подстраивается под требования демократии». «Несчастье» осмотического писателя заключается в его стремлении «выйти из течения времени и пристать к тихому берегу»⁷⁶⁰. В письме будущей супруге Юнгера, с которой тот сочетался браком в 1962 г., литературоведу Лизелотт Лорер, Молер в 1961 г. ставит вопрос: «Не приуменьшает ли это постфактум значение пути Юнгера, воспринимавшегося нами как судьба»⁷⁶¹?

Писатель не стал ввязываться в публичную перепалку и ограничился лишь замечанием в письме своему другу Герхарду Небелю, что был недостаточно осторожен в то время, когда Молер был у него секретарем⁷⁶². Отношения были расстроены надолго и только в 80-е гг. идейные соратники обменялись дружественными письмами, сгладившими прежнюю напряженность⁷⁶³.

Ключевым моментом в понимании консервативного транзита Юнгера является мнение Молера о том, что разрыв с прежними убеждениями ведет к отрыву от действительности, нарочитой «аполитичности». Морат полагает, суть противоречий состоит в том, что Эрнст Юнгер не настроен на возврат к «революционному консерватизму» и переносит консервативную мысль в постреволуционную и постисторическую стадию рассуждений

⁷⁵⁹ Mohler A. Von rechts gesehen. - Stuttgart: Seewald Verlag, 1974. S. 247.

⁷⁶⁰ Morat D. Op. cit. S. 435.

⁷⁶¹ Schwilk H. Op. cit. S. 492.

⁷⁶² Ibid. S. 493.

⁷⁶³ Morat D. Op. cit. S. 437.

«аполитичного»⁷⁶⁴, которые чрезвычайно напоминают классическую консервативную позицию XIX века⁷⁶⁵. Юнгер предпочел смягчить свою позицию, сохранив при этом умеренную дистанцию по отношению к обществу и государству. Именно в этом проявляется определенный консервативный баланс, при котором понижение градуса праворадикального стиля не исключает содержательного неприятия действительности при оценках, основанных на глубинных ценностях, не связанных с его политическими высказываниями раннего периода. Консервативный динамизм и упор на конкретность в оценках свидетельствует о том, что философ склонен к интегральному консерватизму, позволяющему сохранять некоторые убеждения и ценности, и на их основе формировать критический подход к происходящему.

Здесь следует упомянуть о сходстве динамики творчества, которую претерпел Юнгер, с изменением взглядов французского писателя М. Барреса, о влиянии которого на раннего Юнгера уже было сказано в первой главе. Это не означает, что случай немца не уникален и подвержен каким-либо тенденциям. Учитывая позиции М. Хайдеггера, К. Шмитта и А. Молера, пусть и своеобразные, юнгеровский транзит как раз представляется почти единичным случаем. Однако пример Барреса дает возможность утверждать, что движение к умеренному консерватизму со стороны писателя является хоть и редкой, но все же свойственной радикальному типу мыслителя вариацией. Не каждый умеренный мыслитель становится радикальным и не каждый радикальный — умеренным. Но в случае Барреса-Юнгера принадлежность обоих к консервативной традиции через движение к умеренному варианту консервативного стиля вызвана глубокой связью их мышления с событийной канвой, что и является одним из важнейших признаков консерватизма.

Все вышеперечисленные факты и точки зрения свидетельствуют как минимум о двух важных элементах юнгеровского консервативного феномена:

---

⁷⁶⁴ Ibidem.

⁷⁶⁵ Ibid. S. 435.

наличии динамики воззрений в ходе изменяющихся обстоятельств и многослойности его консервативного мышления.

В этот период либерально-консервативный тип соседствует с традиционалистско-консервативным признанием значимости традиции и традиционных социально-политических форм. Постепенно, в процессе преодоления нацизма, который для Юнгера, в конце концов, оказывается следствием «всемирной гражданской войны» и, следовательно, глобальных процессов, происходит смешение нескольких типов консерватизма. Общие же усилия Юнгера направлены на критику глобализации, унификации. Уход к концу рассматриваемого периода из исторической и политической сферы рассуждений, воплощается в зарождающемся метаисторическом пессимизме, формирующем основы интегрального консерватизма.

Противоречие между диагностируемыми явлениями современности, прогнозируемой критикой будущего и традиционалистско-консервативными ценностями, в какой-то мере, фрагментарно снимаются в результате метафизического баланса и консервативного синтеза. Признание основных тенденций современной цивилизации сочетается с их ценностным неприятием и последующим либерально-консервативным компромиссом. Насколько этот компромисс нивелирует противоречия между диагнозом, критикой эпохи и ценностями мыслителя, преодолевает ли Юнгер их посредством иного типа консерватизма, станет ясно в следующей главе.

3 ГЛАВА

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА Э. ЮНГЕРА (1960-1997)

3.1. Ревизия основных дефиниций творчества. Специфика консервативной критики современной цивилизации и глобализации (1960-1972)

Одним из оснований нижней хронологической границы рассматриваемого периода творчества (помимо окончательной интеграции в общественную жизнь ФРГ — целый ряд почетных наград, званий и личных потерь — смерть жены Греты) является начало публикации в 1960 году первого прижизненного полного собрания сочинений, над которым писатель активно работал и в процессе издания. Э. Юнгер посвятил много времени редактуре и комментариям к различным работам, считая, что такая динамика просто необходима.

Юнгер в своем первом прижизненном собрании сочинений осуществил высказанное еще во время Второй мировой войны желание привести в некий баланс представление о Рабочем. Оно реализовалось в работе «Максима-Минима. Замечания к «Рабочему» (1964). Автор постарался обобщить в ней имеющийся консервативные представления и придать парадигмальное звучание основным понятиям в сложившейся к тому времени у него системе взглядов. Благодаря этому, в работе происходит ретрансляция им всех прежде употреблявшихся дефиниций, часто с иным их содержанием и ролью.

Особую роль в балансе сил Юнгер видит во взаимоотношениях «мусического человека» и Рабочего. Первый не «вписывается в рабочий план» и может вносить в него изменения. Тем самым писатель представляет искусство как «надисторическую власть»⁷⁶⁶. Именно от человека искусства, по его мнению, зависит мир Рабочего при пробуждении метафизических и творческих

---

⁷⁶⁶ Jünger E. Maxima-Minima. Adnoten zum Arbeiter//E. Jünger. Werke. Esseys II. - Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 6. S. 337.

наклонностей⁷⁶⁷. При этом, автор не забывает упомянуть об отвращении, которое испытывает человек искусства к политической жизни⁷⁶⁸, вероятно, проецируя свое собственное отношение.

При этом он по-прежнему уверен в том, что прогресс с его размахом является проявлением репрезентации Рабочего⁷⁶⁹. Именно этим продиктована трансформация, которая требует удаления «старых слоев» вплоть до пересмотра природных черт и появления «третьего пола». Подобный темп, на его взгляд, должен быть приостановлен⁷⁷⁰.

Юнгер вновь обращается к теме монотонности и однообразия: «Нивелирование коснулось ландшафтов. В Средние века даже дома имели имена; сегодня целые провинции носят лишь номера»⁷⁷¹. Рациональным последствием такого нормативности является чистое представление, лишённое природных атрибутов и обычаев, ускоряющее потребление⁷⁷².

Юнгер исходит из того, что изменение не только обществ и государств, но и живой и неживой природы невозможно объяснить причинами исторического или человеческого развития: «Меняются не столько отношения, сколько общая основа, которую все они переросли. Человек проявляет не столько свою историческую, сколько природную сущность, а вместе с ним — растения и животные, поверхности и глубины земель и морей... само время начинает меняться»⁷⁷³. Он возвращается здесь к теме «У стены времени» и показывает глубинную связь между основной тенденцией ускорения и «Рабочим», связанных с «одухотворением Земли»⁷⁷⁴. В этой логике праворадикальный образ сочетается с консервативным реализмом и пессимистическим признанием неизбежности будущего.

---

⁷⁶⁷ Ibid. S. 338.

⁷⁶⁸ Ibid. S. 401.

⁷⁶⁹ Ibid. S. 340.

⁷⁷⁰ Ibidem.

⁷⁷¹ Ibid. S. 341.

⁷⁷² Ibid. S. 342.

⁷⁷³ Ibid. S. 344.

⁷⁷⁴ Ibidem.

Следующим важным структурным компонентом интегрального консерватизма в работе является мировое государство и его взаимосвязь с Рабочим. Через мировое государство решается задача высшего порядка — продвижение Рабочего от планетарной власти к планетарному порядку, консолидации, исключающей борьбу государств⁷⁷⁵. В отличие от исторического государства, которое пытается временно гармонизировать политические, физические, этнические различия, с Рабочим, полагает автор, связаны потрясения, трактуемые как тектонические⁷⁷⁶. Его появление ведет к стиранию границ на Земле: «Рост опережает знания и классическими методами его не остановить»⁷⁷⁷. Именно поэтому «мировое государство не является знаком чистого увеличения путем слияния, а скорее органической формой, в эмбриональном развитии которой мы принимаем участие»⁷⁷⁸. Оно, уточняет Юнгер, не является распространителем или продолжателем принципов национального государства: «Областью мирового государства является не большая территория национального государства, а сама Земля. Его сувереном является не тот или иной народ, а человек как таковой в его единстве, потерянном в самом начале возникновения»⁷⁷⁹.

Переходя к проблеме политической теории, Юнгер замечает, что теории всегда бледнеют в сравнении с фактами и именно поэтому автор всегда обязан искать противоположность, порой даже противоречащую его взглядам⁷⁸⁰. Любая политическая теория связана с активизмом и реальностью, и поэтому столь важны для партий всякого рода различия. Однако искусство государственного управления основывается на иных принципах и должно полагаться не на теоретиков, а на философов как носителей глубинных знаний и поэтов, создателей и носителей моделей высшего порядка⁷⁸¹. В этом высказывании

---

⁷⁷⁵ Ibid. S. 345.

⁷⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷⁷ Ibid. S. 346.

⁷⁷⁸ Ibid. S. 402.

⁷⁷⁹ Ibidem.

⁷⁸⁰ Ibid. S. 363.

⁷⁸¹ Ibidem.

неоплатоническая, традиционалистско-консервативная доминанта смыкается с генетическим праворадикальным неприятием политиков автором. Юнгер противопоставляет политика и выдающегося государственного деятеля.

Но, в конце концов, и в государственном искусстве он видит лишь временную систему, которая неспособна достичь большего. Государственный муж обладает не большим числом средств, чем историк, который также оказывается в затруднительном положении при охвате происходящих изменений, поскольку гештальт Рабочего стирает не только историческую, но и мифическую, культовую структуру, касаясь и самого человека⁷⁸².

Юнгер по-прежнему отрицает значение революции, видя в ней лишь механическую сторону, и считает что «великие революции эфемерны», а их значение может быть понято лишь на расстоянии от причиненной ими боли⁷⁸³.

По сути, писатель дает понять, что его праворадикальное представление о Рабочем трансформировалось в представление о глобальных изменениях в мире: «Гештальт Рабочего не соответствует ни классу, ни положению, ни нации, ни культуре, ни мышлению, при не имеющих значения знаниях и уверенности в безопасности»⁷⁸⁴. Исторический опыт теряет значение, мир становится для автора гигантской строительной площадкой с пока невидимым общим планом, который стирает все различия между расами и народами⁷⁸⁵.

Несмотря на это, Юнгер верит в возможность восстановления гармонии «между человеком и его судьбой, между свободой и провидением, государственным и мировым планом, реальной, духовной и метафизической властью» при соответствующем погружении⁷⁸⁶. Эта связь между техникой и метафизикой может осуществляться через математику⁷⁸⁷.

Вместе с тем, он не забывает предостеречь об угрозе власти техники для индивидуальной свободы и возможных претензиях того, кто ею обладает, на

---

⁷⁸² Ibid. S. 366-367.

⁷⁸³ Ibid. S. 360-361.

⁷⁸⁴ Ibid. S. 367.

⁷⁸⁵ Ibid. S. 371.

⁷⁸⁶ Ibid. S. 372.

⁷⁸⁷ Ibid. S. 374.

диктаторскую власть⁷⁸⁸. Кроме того, тотальный характер работы ведет к прохождению индивида через ежедневный трафик различных нормативных действий, что требует, на его взгляд, иного формулирования понятия свободы⁷⁸⁹. «Работа» становится доминирующим словом, начиная с индустриальной эпохи: «Рабочий день насчитывает 24 часа, разница между работой и отдыхом вторична... человек, покинувший рабочее место не покидает систему, которая влияет на него через другие функции и инструменты воздействия»⁷⁹⁰. Образом этих изменений автор избирает мельницу: в ней «человеческая техника имитирует космические рисунки»⁷⁹¹.

В целом, он полагает, что происходит размывание не только границ государств, но и языка, понятия вроде «холодной войны» или «свободных народов» являются условными, подмываются сами основания, поскольку и слова и вещи теряют однозначное звучание. Автор предполагает, что решением может стать обретение Работой этической ценности, моральных обязательств, основанных на субстанциальных притязаниях Рабочего⁷⁹². Его власть таится в универсальном языке техники, создающем единство⁷⁹³.

В связи с новым характером экономических отношений, смещением понятий прибыли, поощрения, отдыха и работы, Юнгер подвергает ревизии и понятие «бюргер», правда, «на коротком историческом отрезке», дабы избежать различных мотиваций. И в первую очередь, постулирует, что переход от классового государства к новому порядку может происходить и эволюционным и революционным путем⁷⁹⁴. Во-вторых, бюргер является «духовным отцом Рабочего», которому последний наследует и благодаря которому человек подготовлен к прыжку в новое состояние.

---

⁷⁸⁸ Ibid. S. 375.

⁷⁸⁹ Ibidem.

⁷⁹⁰ Ibid. S. 376.

⁷⁹¹ Ibid. S. 379.

⁷⁹² Ibid. S. 382.

⁷⁹³ Ibid. S. 396.

⁷⁹⁴ Ibid. S. 384.

По-иному писатель пытается осознать катастрофу Германии в XX в., хотя, как и ранее, часть ответственности возлагает на левых, которые так и не постарались стать решающей силой в Германии. Он цитирует свое письмо к Эрнсту Никишу, в котором отвечает на вопрос, почему левые в Германии не стали действительно сильными: «Немецкое объединение было не плодом усилий немецкого народа, а результатом действий Бисмарка и военных. Никогда немецкие «левые» не были связаны с общим бытием и будущим немецкого народа»⁷⁹⁵. Причины неверных действий немецкого народа, на его взгляд, кроются в основаниях, а не их лидерах, учитывая, что Бисмарк был большей государственной фигурой, чем, например, Кавур⁷⁹⁶. В метаисторическом смысле вопрос о том, насколько гештальт Рабочего представлен в Германии остается открытым, поскольку ни одна из роковых дат XX в. не дала на него ответ, полагает мыслитель.

Новая концептуальная разработка понятия «Рабочий» должна, на взгляд Юнгера, обнаруживать и мутации, которые оно претерпевало⁷⁹⁷. В качестве подтверждения он приводит письмо Шпенглера от 25 сентября 1932 г., в котором тот принял «Рабочего» за антимарксистский проект. При этом, он вспоминает о прогнозе Шпенглера по поводу обострения борьбы между белыми и цветными расами, грядущей во второй половине XX века, наглядность которой подчеркивает многими примерами. Для Юнгера «восстание цветных рас» — это акт стирания границы между Западом и Востоком, совершенно иной, чем тот, что описан им в «Гордиевом узле», демонстрация современных нивелирующих сил, воплощенных в образах Антея и Рабочего⁷⁹⁸. Юнгер прогнозирует уже в этой работе возрастание влияния Китая в момент «Заката Европы». Однако, как и всякий раз, видя пессимистическое развитие ситуации, он дает оптимистический прогноз: тип Рабочего использует расы при помощи своей техники и

---

⁷⁹⁵ Ibid. S. 386-387.

⁷⁹⁶ Ibid. S. 387.

⁷⁹⁷ Ibid. S. 387-388.

⁷⁹⁸ Ibid. S. 391.

инструментов и трансформирует их в рамках духовной власти, данной ему на всей Земле⁷⁹⁹.

Рабочий характер, в конце концов, означает для автора отмену различий и приход единообразия: «К сожалению, для консерваторов пространственное расширение сочетается с потерей номоса»⁸⁰⁰. Хотя он полагает, что конфликт автохтонных и абстрактных сил имеет принципиальное значение в истории и проходит по ней «красной нитью». На примере Бисмарка он показывает, как была создана великая держава, но без шанса на участие в глобальной политике. Автор констатирует, что начиная с 1848 года, этот шанс Германией не был использован, и упущен окончательно под Марной, где и была растеряна военная мощь⁸⁰¹.

Юнгер рассматривает в работе консерватора как охранителя, стремящегося сохранить все на том же месте, что только усиливает катастрофу и даже представляет опасность искусственным сохранением, особенно там, где может быть достигнут приоритет национального государства над идеями 1789 года. Подобному природному и социальному сохранению наследия свойственно сходство с музеем⁸⁰², полагает он. Консервативная озабоченность представлением о мировом государстве и симпатия к многомерному миру понятна мыслителю, несмотря на некоторую ограниченность такого взгляда⁸⁰³.

Одновременно он делает абсолютно консервативное заявление о том, что не верит в иллюзии утопистов о государстве счастья. Вечный мир и отказ от насилия невозможен даже через реализацию мирового государства⁸⁰⁴. Юнгер уверен, что «в природном инстинкте человека, строящего государство заложено глубокое знание, и оттого его здание лучше идеального дома»⁸⁰⁵. Именно по причине иррационального, витального духа политики и власти, «лучшей

---

⁷⁹⁹ Ibid. S. 392.

⁸⁰⁰ Ibid. S. 393.

⁸⁰¹ Ibid. S. 394.

⁸⁰² Ibid. S. 397.

⁸⁰³ Ibidem.

⁸⁰⁴ Ibidem.

⁸⁰⁵ Ibidem.

стратегией для государственного человека является инстинкт, это та мера, благодаря которой его служение и человечность смыкаются»⁸⁰⁶.

Делая прогноз на будущее, Юнгер считает, что с ростом взаимозависимых процессов ускорения и централизации будут стираться особенности и происходить «формализация характера в пользу динамической мощности». В конце концов, он остается пессимистическим агностиком, полагая, что «мы знаем только часть человеческого пути, и поэтому сегодняшние усилия, которые мы понимаем как работу могут возникнуть в другой потенции и принять иной смысл»⁸⁰⁷. Зависимость от природы, переменчивость людей и вещей, часто обращают программу в ее противоположность⁸⁰⁸. В итоге, пишет Юнгер, исторические силы исчерпаны и происходит нарастание динамические сил: «У стены времени границы и право размыты, их место занимают боль и надежда: мир Рабочего становится родиной человека»⁸⁰⁹.

На примере «Замечаний к Рабочему» хорошо видна специфика набирающего силу интегрального консерватизма Юнгера в заключительный период творчества. Уже в этой работе границы между традиционалистскими, праворадикальными и либерально-консервативными представлениями стираются. Автор настроен на обобщение собственного опыта и представлений через общие понятия, сочетающие в себе разнонаправленные типы консервативного мышления.

Одной из разрабатываемых тем, подтверждающих доминирование в творчестве Юнгера такого способа мышления в данный период, является проблема мифа и пограничных состояний. В сопоставлениях и различениях мифологического и прочего материала в работах: «Пересечения границ» (1966) и «Филемон и Бавкида. Смерть в мифическом и техническом мире» (1972), их автор представляет не только важность отличий между анализируемыми компонентами, но и собственный, ценностно-аналитический дуализм, в котором личностное

---

⁸⁰⁶ Ibid. S. 400.

⁸⁰⁷ Ibidem.

⁸⁰⁸ Ibidem.

⁸⁰⁹ Ibid. S. 403.

неприятие реальности, верность определенным ценностям и установкам сочетаются с признанием неизбежности перемен. В этот период Юнгер уверен, что в связи с нерешенными техническими проблемами, неоправданным расчетом, возникающей на этой почве пустоте «многое можно узнать из мифов»⁸¹⁰.

Сборник «Пересечения границ» появился в 1966 году. Работы в нем наглядно демонстрируют консервативную смесь, стирают границу между мифом и наукой, естественными и гуманитарными представлениями, литературой и философией. Начиная рассуждения о происхождении легенд о драконе, мыслитель находит в образах животных отражение заложенного в нас низменного и высокого, проходящего сквозь века⁸¹¹. На основании сопоставлений идеальных представлений о мире и природе мыслитель уверен, что «природные системы имеют преимущество над искусственными»⁸¹².

Животное несет в себе часть природного и духовного мира, полагает мыслитель, поэтому всегда есть сфера неизвестного, не ухватываемого понятиями. Порой в истории и некоторых местностях, отмечает автор, имеет значение не место животного в открытой наукой системе, а его «тотемная сущность, божественное назначение». В этом случае, астролог сообщает смысл этим соответствиям⁸¹³.

Кроме того, любой род имеет некоторое преимущество в реальности перед индивидом, поскольку является более стабильным, продолжительным и способным к выравниванию индивидов⁸¹⁴. Однако есть исключения. Речь идет о поэтах и мудрецах, которые умирают иначе, оставляя в качестве модели себя собственное творение⁸¹⁵ и о семье, которая является по Юнгеру носителем континуитета, через тех, кто умер, еще не родился и появится в будущем: «В ней сочетаются огромное богатство и динамика, покоящиеся на единстве власти»⁸¹⁶.

⁸¹⁰ Jünger E. Siebzig verweht I. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. S. 8.

⁸¹¹ Jünger E. Grenzgänge. Essays – Reden – Träume. - Stuttgart: Ernst Klett, 1966. S. 72.

⁸¹² Ibidem.

⁸¹³ Ibid. S. 79.

⁸¹⁴ Ibid. S. 72.

⁸¹⁵ Ibid. S. 73.

⁸¹⁶ Ibid. S. 74.

Неоплатоническое содержание понятия власти сочетается с традиционалистским представлением о семье.

В конечном итоге, автор уверен, что все серьезные исследования ведут к «началу координат», а переплетение и взаимодополнение животного, растительного и человеческого миров создают индивидуумов и порядки, напоминающие порой момент «великой гармонии», подобный «хорошему сну»⁸¹⁷. В этом представлении наглядно проявляется сочетание либерально-консервативного баланса с агностицизмом правого толка.

Непосредственным поводом для написания «Филемона и Бавкиды» стала гибель в авиакатастрофе в 1971 г. Рене и Бланки Марчич, австрийского правоведа, философа хорватского происхождения и его супруги, с которыми Юнгер общался некоторое время. Марчич в 1966 г. посвятил отдельную работу проблеме правового проектирования в «Мировом государстве». Основой названия работы, разбитой на 49 фрагментов, связанных общей логикой, стал древнегреческий миф о двух стариках, радушно встретивших неузнанных Зевса и Гермеса в своей хижине. С упоминания желания Филемона, обращенного к Зевсу после открывшейся правды, она и начинается⁸¹⁸. В конечном итоге, сравнением этих двух смертей, друзей писателя и мифических персонажей и заканчивается эссе⁸¹⁹.

Безусловно, чувствуется связь между теми путешествиями, которые совершал в это время писатель и вопросами, затронутыми в работе. Юнгер синтезирует сразу несколько тем своего творчества в данной работе: взаимоотношения Запада и Востока, значение идей как абсолютного знания, проникающего вглубь и влияющего на смену ландшафта⁸²⁰. Мыслитель пытается уловить сходства и различия между ушедшими, древними мирами и современностью, как на бытовом, так и на метафизическом уровнях. Ключевым моментом он считает значение и понимание мифа, не утратившего важности и в

---

⁸¹⁷ Ibid. S. 85.

⁸¹⁸ Jünger E. Philemon und Baucis. Der Tod in der mythischen und technischen Welt//E. Jünger. Sämtliche Werke. Essays VI. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 12. S. 439.

⁸¹⁹ Ibid. S. 471.

⁸²⁰ Ibid. S. 441.

наши дни⁸²¹. Миф проявляет себя в повседневном, в названиях, в науках, и автор уверен, что такого рода «цитата» предшествует исправно функционирующему обществу⁸²², и в этом можно увидеть больше, чем «просто инстинкт».

При разборе мифа, описанного у Овидия, Юнгер переходит к проблеме божественного и природного в европейской, немецкой интеллектуально-поэтической мысли. В «Фаусте» Гете миф о Филемоне и Бавкиде, полагает мыслитель, противостоит абсолютно планируемому духу, как часть старого мира⁸²³. Ключевым моментом здесь является неоспоримое вторжение «духовной власти во времени и истории», которое по-разному в разные эпохи интерпретируется, но «его эволюция может преподнести сюрпризы»⁸²⁴.

На основании важности литературной репрезентации жизни писатель сравнивает притязания героев и представления о смерти. Фауст еще действует в рамках христианского мира, который для Заратустры Ницше уже не имеет никакого значения. Ницше для Юнгера является последователем Прометея: «Ницше превзошел модерн с его стремлением заменить традицию порядком; он не остановился на полпути. Заратустра называет себя с гордостью безбожником, чья воля управляет случаем»⁸²⁵.

«Счастьем и судьбе нет места в плане», — пишет Эрнст Юнгер, однако, войны, болезни, преступления и катастрофы остаются, приобретая иное название: несчастный случай, катастрофа и «то, что их число растет неизбежно в мире, чьи взрывные формы набирают обороты»; судьба становится исчислимой⁸²⁶. В отличие от древних, которые ждали птицу феникс как знак начала новой эпохи, современному человеку, считает философ, нет смысла полагаться на звезды и миф, поскольку знаки изменений видны «каждый день на каждом углу»⁸²⁷.

---

⁸²¹ Ibid. S. 442.

⁸²² Ibid. S. 443.

⁸²³ Ibid. S. 457.

⁸²⁴ Ibid. S. 460.

⁸²⁵ Ibid. S. 463.

⁸²⁶ Ibid. S. 453.

⁸²⁷ Ibidem.

С Крымской войны, по его мнению, нивелирующие и монотонные операции при ведении военных действий были закреплены артиллерией. В XX веке Солдат был вытеснен техникой, и технические модели в войне одержали триумф. «Банальность смерти вытесняет судьбу» в современном мире и это соответствует логике прогресса, уверен автор⁸²⁸.

«Катастрофа сопровождает технический мир как тень: она относится к его статистике и продолжается с его усовершенствованиями»; мыслитель горько иронизирует, говоря, что «относительные риски при полетах учитываются, полет становится все более безопасным, а число аварий растет, устраняя все больше семейных пар, имеющих детей»⁸²⁹. В итоге авария как результат ускорения (ключевой фактор современных изменений по Юнгеру) становится причиной многих смертей, бессмысленность которых подчеркивается попытками объяснить причины катастрофы. Они выливаются в количественные расчеты, а не в понимание сущности трагедии⁸³⁰.

Помимо прочего, уверен писатель, всех угнетает вопрос об умирании, которого нельзя избежать. «Кроме того, крушение табу, как не парадоксально, развивает новое, заполняя нутро каждого человека страхом, о котором никто не смеет говорить. Банальность смерти не может смягчить этот страх»⁸³¹, — считает Юнгер.

Смерть Филемона и Бавкиды, описанная в мифе, в этом смысле имеет коренное отличие: умирание происходит в пантеистической природе и смерть в этом случае связана еще и с преображением, реализованном в желании стариков⁸³². Образ деревьев также выбран не случайно, уверен мыслитель, они воплощают собой род и его продолжение, выход в иной временной порядок⁸³³.

В конце Юнгер резюмирует важнейшие отличия описания умирания в двух поэтических и экзистенциальных формах древнего и нового мира: через

---

⁸²⁸ Ibid. S. 466.

⁸²⁹ Ibid. S. 466-467.

⁸³⁰ Ibid. S. 467.

⁸³¹ Ibidem.

⁸³² Ibid. S. 468.

⁸³³ Ibidem.

преображение и через огонь, стирающий облик мертвеца. Это сравнение дает ему возможность оценить свою роль в описании кошмаров современного мира, сделанном ранее: «Снимки, на которых мертвых укладывают горами, как массовый товар, тоже являются документами духовной истории, с учетом изменения отношения к смерти. Здесь решающее значение имеет не грубый мотив, а хладнокровие восприятия. Вероятно, я слишком мягко изобразил живодерню. В ней убивают не так, как убивал Каин, в гневе, не из удовольствия, а при помощи научного метода»⁸³⁴.

Козловски отмечает, что «для Юнгера «порядок» нигилистического модернизма еще более бесчеловечен и ужасен, чем каиновский титанизм сынов Земли. Нигилистический порядок механизма умерщвления в современном концлагере ужаснее, чем убийство в античном цирке»⁸³⁵, в котором осознание мерзости происходящего подтверждалось вывешиванием изображений богов⁸³⁶.

Юнгер призывает избавиться от иллюзий и представлений о случайности смерти в нашей эпохе, даже когда речь идет о влюбленных, желающих умереть одновременно⁸³⁷. Сравнение двух смертей явно не в пользу современной, «банальной смерти нашего времени»⁸³⁸. И дело не только в тотальном присвоении героем модерна всех полномочий и мобилизации нигилизма, сделавшей возможным упорядоченное убийство⁸³⁹. Неадекватность и отсутствие реализма в понимании происходящего со стороны людей порождают новые мифы, еще более неосознаваемые, чем античные, на что и обращает внимание консервативный автор. Поэтому уже нет необходимости запускать «машину смерти», наподобие нацистской. Она функционирует благодаря извечным человеческим заблуждениям и современному ускорению и унификации. Общие пороки и несовершенство человека здесь проявляются в конкретной эпохе. Возможно еще и по этой причине во время путешествия по Японии в середине 60-х гг. XX в.,

⁸³⁴ Ibid. S. 470.

⁸³⁵ Koslowski P. Op. cit. S. 118.

⁸³⁶ E. Jünger. Philemon und Baucis. S. 470.

⁸³⁷ Ibid. S. 471.

⁸³⁸ Ibidem.

⁸³⁹ Koslowski P. Op. cit. S. 119.

видя перемены, Юнгер убежден в неизбежности и «даже необходимости разрушения мифа и номоса»⁸⁴⁰, сочетая ценностное неприятие с провиденциалистским пониманием хода истории.

Через представление о смерти проявляется и видение автора о жертвах, понесенных в XX веке. Много лет спустя, Юнгер в интервью газете «Die Zeit» признает, что его понимание нового связано с огромным количеством жертв в столетии, однако, для себя самого он различает добровольность жертвы, то есть по собственной воле и ситуацию, когда люди, принесены в жертву вопреки их воле: «Убийство безоружных я считаю совершенно неприемлемым»⁸⁴¹. Речь идет не только о константном для философа еще со времен Первой мировой представлении о важности личного поступка, индивидуального шага, но и о понимании свойственного человечеству саморазрушения, сопровождающего его движение вперед, повторяющемся на ином уровне в современности, понимании, содержащем антипрогрессистскую критику. Однако, видение извечности механизма саморазрушения в столь феноменальном проявлении сочетается у Юнгера с его личным неприятием, что является следствием интегрального консерватизма, в котором есть праворадикальное признание факта неизбежности безвинных жертв, традиционалистское неприятие их на ценностном уровне и либерально-консервативное примирение с этим противоречием.

Путешествие по миру и дневники «Семьдесят спустя» («Siebzig verweht») наглядно демонстрируют не только интегральный консерватизм автора, но и различие между мыслителем-аналитиком, системно размышляющим о событиях, явлениях современности, метаистории и философом, сформировавшим особый ценностный и стилистический ряд личных реакций, отношений к ним. Они наполнены воспоминаниями об обеих мировых войнах, оценками собственных ранних произведений, а также содержат постоянные постулаты: антисцеинтизм и антирационализм, предпочтение, отдаваемое нетронутой природе, органицизму. В

⁸⁴⁰ Jünger E. Siebzig verweht I. S. 129.

⁸⁴¹ «Ja, gut». Andre Müller spricht mit dem Dichter Ernst Jünger//Die Zeit, Dezember, 1989. Nr. 50. S. 61-62.

первом томе дневников, охватывающем 1965-1970 гг. есть возможность увидеть элементы всех консервативных стилей, часто с трудом различающиеся между собой, но дающие вполне уверенный ответ о консервативном характере представлений их автора.

В оценке современного человека и человека вообще философ насколько это возможно, предельно откровенен: «Человек во многом следует своему инстинкту»⁸⁴². Он уверен, приводя пример императора Нерона, что «если бы каждый делал то, что хотел, мира бы уже больше не было»⁸⁴³. При этом, в целом, Юнгер убежден в том, что «при наличии в нас добрых и злых генов, зло порождает более яркие фигуры и преступление дольше сохраняется в памяти народов и индивидов»⁸⁴⁴.

Современный человек с очевидно консервативной позиции о несовершенстве его природы воплощает худшие футуристические планы их «сокровенных мечтаний», «восхищается отвратительным»⁸⁴⁵. Пессимизм мыслителя выражает и так: «Голод на культурных людей усиливается. Они встречаются все реже и, вероятно, исчезнут совсем»⁸⁴⁶. Он сетует на то, что «сегодня утрачена способность вести беседу со смыслом»⁸⁴⁷.

Автор не без ноток сожаления пишет о том, что рыцарство, хоть и проявляется в наше время, в сущности, умерло в XVII столетии: «В эпоху равенства предстают уже не столько равные, сколько анонимы; уважение исчезает. Ведь даже презрение предполагает адресат»⁸⁴⁸. Традиционалистский пафос возникает у писателя при оценке произведений искусства, которые достигли, на его взгляд, своего апогея в XVIII веке⁸⁴⁹ и при описании французского и немецких дворов времен Французской революции⁸⁵⁰.

---

⁸⁴² Jünger E. Siebzig verweht I. S. 214.

⁸⁴³ Ibid. S. 586.

⁸⁴⁴ Ibid. S. 42.

⁸⁴⁵ Ibid. S. 81.

⁸⁴⁶ Ibid. S. 412.

⁸⁴⁷ Ibid. S. 385.

⁸⁴⁸ Ibid. S. 93.

⁸⁴⁹ Ibid. S. 166.

⁸⁵⁰ Ibid. S. 30-31.

Ключевую проблему современности философ видит в необходимости соблюдения баланса единства и многообразия при общем знаменателе «гештальта Рабочего»⁸⁵¹. Современнику, наблюдающему «разбой, учиняемый планированием, как в нетронутом, так и в совершенном»⁸⁵², его достичь особенно сложно. Юнгер во время путешествия по Африке отмечает, что в вопросе освоения человеком и техникой нетронутой природы «темного континента» ему «противны любые перспективы»: «Я предпочел бы лучше видеть на берегах Конго бегемотов и крокодилов, даже каннибалов, чем электростанции»⁸⁵³. Он пишет о том, что особенно в путешествиях «меня инстинктивно тянет к природе и сохранившей свою неприкосновенность исторической местности» и вызывает депрессию бетон больших городов⁸⁵⁴: «Мои приоритеты: природа приятнее благоустроенной земли, в городах старые здания приятнее сегодняшних»⁸⁵⁵.

К этому прибавляется проявляющийся «возврат к примитивному» благодаря продолжающемуся насилию, в котором человек ценится не «как личность, а как тело, объект»⁸⁵⁶, ускорение, усиливающее «осознание отчужденности и опустошения»⁸⁵⁷. Говоря об автомобилях и различных технических новшествах встречающихся во время поездки по Риму, автор дневника замечает, что «мир постепенно превращается наполовину в ад, наполовину в развлекательное шоу... техника преподносит неизвестные до сих пор мучения»⁸⁵⁸. На его взгляд, человек «становится частью статистики; жизнь дороже, смерть дешевле». Движение похоже на Молох, требующий постоянных жертв⁸⁵⁹, а «скорость и особенно ускорение приводит все к общему

---

⁸⁵¹ Ibid. S. 136.

⁸⁵² Ibid. S. 133.

⁸⁵³ Ibid. S. 314.

⁸⁵⁴ Ibid. S. 102-103.

⁸⁵⁵ Ibid. S. 37.

⁸⁵⁶ Ibid. S. 589.

⁸⁵⁷ Ibid. S. 390.

⁸⁵⁸ Ibid. S. 428.

⁸⁵⁹ Ibid. S. 376-377.

знаменателю»⁸⁶⁰. Писатель даже предвосхищает возможность коллективных самоубийств из-за ослабления сопротивления прогрессу⁸⁶¹.

Юнгер продолжает свою анархическую линию воззрений через обсуждение «Лесного пути» и еще раз обозначает свое различное отношение к свободе и демократии, видя целью Лесного путника сохранение свободы, а отнюдь не защиту демократии: «В наше время кроме демократии священен лишь только армейский сапог»⁸⁶². Он, как и прежде, разделяет понятия свободы и демократии, продолжая оставаться непримиримым оппонентом последней. Возможно, именно этим и вызваны его оценки ФРГ, сравнение своей роли с вернувшимся Одиссеем, вплоть до пессимистического пассажа: «Надо было пасть уже в 1914 году с первыми добровольцами»⁸⁶³.

Также категоричен автор в оценке Первой мировой: для него она пример титанического столкновения, стратегии борьбы на износ, ничего не имеющей общего с военным искусством, «отвратительной особенно там, где она нацелена на полную потерю крови»⁸⁶⁴. При этом его оценки Второй мировой также сохраняют общее представление о тенденции к «массовой судьбе» и «торжестве техники не только над пространственным расстоянием, но и историческим временем»⁸⁶⁵. В какой-то мере и «самоуверенность белого человека позорно разрушена», полагает в традиционалистском стиле Юнгер, через технику и овладение языком Рабочего»⁸⁶⁶ бывшими колониями.

Несмотря на это, Юнгер не собирается «забывать собственную позицию на краях исчезающего мира богов и муз, дикой местности и войны... — мира, который Рабочий посредством техники лишает смысла. Согласие на метаисторически неизбежное — изменения в надеждах»⁸⁶⁷.

---

⁸⁶⁰ Ibid. S. 402.

⁸⁶¹ Ibid. S. 439.

⁸⁶² Ibid. S. 241.

⁸⁶³ Ibid. S. 491.

⁸⁶⁴ Ibid. S. 258.

⁸⁶⁵ Ibid. S. 210.

⁸⁶⁶ Ibid. S. 162.

⁸⁶⁷ Ibid. S. 326.

Вопреки вышесказанному, Юнгер в либерально-консервативном духе сожалеет по поводу идеи объединенной Европы, считая, что из-за де Голля (запись сделана в 1967 году после ряда демаршей французского президента, в том числе выхода из НАТО) она «потерпела провал»⁸⁶⁸. В письме к французскому собеседнику, журналисту и писателю Альфреду Фабр-Люсу Эрнст Юнгер напоминает о том, что сам он огорчен этим обстоятельством как «немец, европеец и гражданин мира»⁸⁶⁹.

Что касается политических реалий, мыслитель уверен, что «непросвещенные народы инертны и выгодны как правительству, так и революционерам. Перед фронтом неграмотных тиран, как и мятежник, могут добиться выдающихся результатов»⁸⁷⁰. В наше время тирания возникает, по его мнению, потому что нет больше истории, ее рамок и «сохраняются лишь формы, а не регламент»⁸⁷¹. При оценках действующих политиков он довольно благосклонен к канцлерам ФРГ Л. Эрхарду и К. Кизингеру, задаваясь вопросом о том, «почему все это все еще занимает меня?»⁸⁷².

Автор дневника не забывает о личной и общенемецкой ответственности за события XX в, считая, что «нам не оправиться от того, что мы поступили несправедливо»⁸⁷³ и вспоминает о «разрыве между самореализацией творческого человека и требованиями, которые ставит перед ним мир и общество»: «Он сознавался мной с самого начала, и я тоже заплатил за него свою цену»⁸⁷⁴. Очевидно, что дихотомия писателя и политического активиста переживалась Юнгером до самого конца.

---

⁸⁶⁸ Ibid. S. 380.

⁸⁶⁹ Ibid. S. 381.

⁸⁷⁰ Ibid. S. 31-32.

⁸⁷¹ Ibid. S. 464.

⁸⁷² Ibid. S. 353; 371.

⁸⁷³ Ibid. S. 244.

⁸⁷⁴ Ibid. S. 385.

3.2. Пессимистические консервативно-экзистенциальные вариации. Эрнст Юнгер и европейские «новые правые» (1972-1982)

Творческая эволюция в 70-е гг. XX века после вроде бы устоявшегося писательского реноме предыдущего десятилетия оказалась не совсем простой. Не последнюю роль в этом сыграли как личные впечатления, так и общественные события. Широкомасштабный кризис на Западе не мог не коснуться писателя. В целом, она укладывается в интегральный консервативный стиль, но некоторая альтернативность работ, становится более очерченной именно в это время, что во многом связано с растущей поляризацией правого и левого идейно-политических лагерей. Террористические вылазки левых радикалов в Италии и Германии вызвали очевидную реакцию справа. Европейские «новые правые» приняли вызов и, конечно же, Эрнст Юнгер, был для них не последним источником вдохновения. Поэтому ключевым в это время остается вопрос: кем являлся мыслитель для различных политических сил, и насколько его прошлое и настоящее оказывало влияние на восприятие юнгеровского творчества с учетом его личной позиции и творческой динамики? Можно ли его назвать в этот период «писателем для всех немцев» и даже европейской фигурой независимо от политических предпочтений или все-таки нет оснований для такого рода обобщений? Как сам автор воспринимает свое положение, и какое влияние на него оказывают события и конкретная действительность?

Юнгер представил в десятилетие духовной и экономической стагнации на суд читателей как минимум два варианта видения ситуации, которые были воплощены в литературных произведениях. По этой причине в них можно увидеть значительно больше вариаций на тему современного положения и его преодоления. Кроме того, продолжающиеся дневники «Семьдесят спустя» сохраняют личный взгляд, который отражает отличную от попыток мыслителя посмотреть объективно на действительность позицию.

Повесть «Рогатка» (1973) расположена во втором собрании сочинений мыслителя, опубликованном с 1978 по 1983 гг. после романа «Оймесвиль»

(Eumeswil) (1977), что, на взгляд Козловски, предполагает логику завершения поиска в повести пути, «выводящего за рамки модерна» и возвращающего к традиции⁸⁷⁵, все же следует рассмотреть произведения в хронологической последовательности, имеющей событийное значение.

Козловски уверен, что Юнгер в «Рогатке» возвращается к традиции в ее нижнесаксонском укладе через педагогическую модель описанной им гимназии и интерната⁸⁷⁶. Герои повести о провинциальной жизни в современном мире разделены на старшее и молодое поколение. К первому принадлежат: лютеранский пастор, борющийся с пороками жены и сына в семье, его брат профессор, директор школы, мельник, и его работник; ко второму: сын пастора Тео, сын работника мельницы Кламор и Буц, сын богатого крестьянина.

Местечко живет традиционным укладом, принимая примат вертикального устройства мира над горизонтальной обеспеченностью технического прогресса. Брат пастора, профессор, представляет позицию либерального консерватора: «Он противник всех новшеств комфорта, признавал их пользу, но при этом не пользовался ими»⁸⁷⁷. Ему близок традиционализм брата, но в силу статуса он вынужден вступать в обсуждение новшеств и обнаруживать их неизбежность.

Пастор олицетворяет традиционалистскую разновидность консерватизма в своем неприятии краха своей семьи и софистского отношения к религии сына и остается хоть и слабым, но уважаемым общиной авторитетом. В сыне Тео он видит современного трикстера, обманщика и игрока, способного убедить кого угодно в чем угодно⁸⁷⁸. Цель пастора — «мягко» реализовать традиционалистскую модель через участие в судьбе сына работника мельницы Кламора⁸⁷⁹. В конце концов, несмотря на уход Кламора из гимназии, он становится воспитанником учителя рисования.

⁸⁷⁵ Koslowski P. Op. cit. S. 144.

⁸⁷⁶ Ibidem.

⁸⁷⁷ Цит по: Koslowski P. Op. cit. S. 192.

⁸⁷⁸ Ibid. S. 147.

⁸⁷⁹ Ibid. S. 146.

Козловски полагает, что, таким образом, Юнгер поднимает в конце своего пути творца — мыслителя над модерном и его стальными грозами⁸⁸⁰, традиционализм «Рогатки» в своем преодолении модерна выходит за рамки постистории «Эвмесвиля»⁸⁸¹. Однако, этот образ есть лишь одна из альтернатив интегрального консервативного стиля. В этом смысле роман «Эвмесвиль» с выбором его героя представляется более интересным в свете происходивших событий, поскольку в нем отражается квинтэссенция юнгеровского видения, захватывающего исторический и метаисторический пласт его размышлений.

Мартус ссылается на позицию, в соответствии с которой Юнгер в романе стремится показать различие между собственным сопротивлением современности и тем что демонстрировали террористы в 70-е гг. XX в.⁸⁸². В заключительном экзистенциальном типе своего творчества — анархе, он изображает своеобразный тип оппозиционера, отличающегося от разношерстного протеста всех мастей⁸⁸³.

«Эвмесвиль» — это объемная литературная презентация интегрального консерватизма на фоне экзистенциального пессимизма и фундаментальных консервативных ценностей и постулатов. Хотя некоторые биографы видят в произведении проявление осознания Юнгером собственной роли во времена третьего рейха⁸⁸⁴. Но так или иначе, в нем заложено отношение автора к различным общественно-политическим, метаисторическим и метафизическим явлениям и основаниям, и в известной мере, основа будущих прогнозов. Роман в какой-то степени является высшей точкой в пессимистическом витке всего этапа творчества, набирающем свой ход именно в 70-е гг. XX в.

Эвмесвиль — несуществующий город-государство будущего в Северной Африке, в котором установлена тирания. Рассказчик, Мануэль Венатор, потомственный профессиональный историк, является еще и барменом в ночном

---

⁸⁸⁰ Ibid. S. 147-148.

⁸⁸¹ Ibid. S. 144.

⁸⁸² Martus S. Op. cit. S. 212.

⁸⁸³ Ibidem.

⁸⁸⁴ Schwilk H. Op. cit. S. 512.

клубе тирана Кондора, которого он предпочитает поклонникам демократии – трибунам, поскольку в нем он видит «тип хорошего отца семейства», «мелкого немецкого князька эпохи барокко»⁸⁸⁵. В описании города легко угадываются черты консервативной критики современной цивилизации. Она характеризуется тем, что «ценности продолжали мельчать»⁸⁸⁶, и живых их в городе не осталось⁸⁸⁷, из-за отсутствия новых идей, он обречен на прозябание, «мир становится бесцветным»⁸⁸⁸, «различия, в большей мере, исчезли»⁸⁸⁹. Все это убеждает Венатора в «несовершенстве и даже бесперспективности любого усилия»⁸⁹⁰. По сути, Юнгер описывает современное ему «общество потребления» и «государство всеобщего благоденствия»: «Современный человек... числится как избирательный голос, как налогоплательщик и получатель заработной платы, как особый вид, влачащий жалкое существование в реестрах всевозможных канцелярий и министерств»⁸⁹¹. Уравнение и упрощение, устремление на «удовлетворение самых примитивных потребностей»⁸⁹² позволяют автору сравнивать Эвмесвиль с Вавилонской башней и гибнущей Атлантидой⁸⁹³. Хотя экзистенциальный пессимизм Юнгера имеет под собой, как уже говорилось выше, и фундаментальные консервативные основания.

Главный герой книги убежден в несовершенстве мира и человека⁸⁹⁴ («человек от рождения склонен к насилию»⁸⁹⁵), постоянстве «суммы страданий» и отсутствии прогресса в вопросе смены государственных форм⁸⁹⁶ и любой формы прогресса⁸⁹⁷. Не случайно, на страницах романа появляются такие фигуры как Доносо Кортес, Шатобриан, представители европейской аристократии,

⁸⁸⁵ Юнгер Э. Эвмесвиль. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 268.

⁸⁸⁶ Там же. С. 37.

⁸⁸⁷ Там же. С. 61.

⁸⁸⁸ Там же. С. 89.

⁸⁸⁹ Там же. С. 95.

⁸⁹⁰ Там же. С. 92.

⁸⁹¹ Там же. С. 238-239.

⁸⁹² Там же. С. 459.

⁸⁹³ Там же. С. 312.

⁸⁹⁴ Там же. С. 8; 22.

⁸⁹⁵ Там же. С. 120.

⁸⁹⁶ Там же. С. 228-229.

⁸⁹⁷ Там же. С. 458.

восхваляется эпоха барокко⁸⁹⁸. С традиционалистских и либерально-консервативных позиций обсуждается понятие равенства (как принципа Французской революции⁸⁹⁹), которое нарастает при расширении влияния государства⁹⁰⁰, подвергается критике концепция общественного договора Ж.–Ж. Руссо, выражающая потерю человеком личной свободы⁹⁰¹.

При этом, Венатор критикует своих либерально настроенных отца и брата, отстаивая свое понимание свободы, обращая внимание на абстрактность принципов либерализма: «Я уважаю не принципы, а конкретного человека»⁹⁰². Для него они демагоги и приспособленцы, придерживающиеся «обветшалых фраз»⁹⁰³, наслаждающиеся «высохшим букетом, цветами из гербария Руссо»⁹⁰⁴. Их ценности – предмет пародии в Эвмесвиле⁹⁰⁵.

Сказываются консервативные принципы и в описании ключевого образа книги — анарха, которому пытается соответствовать не только главный герой, но, по-видимому, и сам писатель. Именно они заставляют историка Венатора превращаться в анарха⁹⁰⁶. В понимании феномена анарха, связанных с ним неразрывно понятий свободы, государства, традиции, представлений о человеке и обществе лучше всего проявляется интегральный консерватизм Юнгера, выходящий уже здесь на несколько уровней континуитета.

Анарх для Венатора — «человек спокойный и вместе с тем наблюдательный, довольный собой и окружающим миром»⁹⁰⁷. Он – «одиноким лесной путник», но в отличие от последнего не борется за свободу, как партизан, поскольку «ближе к бытию» и «пребывает вне каких бы то ни было партий»⁹⁰⁸. Анарх в отличие от лесного путника, которого вытеснило общество, «вытеснил

---

⁸⁹⁸ Там же. С. 360.

⁸⁹⁹ Там же. С. 204.

⁹⁰⁰ Там же. С. 109.

⁹⁰¹ Там же. С. 367.

⁹⁰² Там же. С. 172.

⁹⁰³ Там же. С. 148.

⁹⁰⁴ Там же. С. 88.

⁹⁰⁵ Там же. С. 65.

⁹⁰⁶ Там же. С. 226.

⁹⁰⁷ Там же. С. 130.

⁹⁰⁸ Там же. С. 181-182.

общество из себя. Он есть и остается сам себе господин – при любых обстоятельствах»⁹⁰⁹. «Анарх не имеет ожиданий. Он ни на кого, кроме себя, не рассчитывает»⁹¹⁰. Анарх отличается от анархиста, борющегося с монархом («анарх также суверенен как монарх»⁹¹¹), и оппозиционера, борющегося за власть - «он держится независимо от власти», но не отказывается ей служить⁹¹². Анарх отвергает воинскую повинность и обязательные процедуры, становясь ближе к архаичной фигуре наемника⁹¹³. В конце концов, в качестве примера «замаскированного анарха» в романе выступает Сулла⁹¹⁴. Ключевым атрибутом анарха является его личная свобода (отличающаяся от либерального понимания): «...он сохраняет свою свободу, какой бы хорошей или плохой не была власть... Она остается его неделимой собственностью»⁹¹⁵. И эта свобода не связана со стремлением смены политического режима, напротив, «простейший шаг к свободе – скинуть с себя этот груз»⁹¹⁶.

Тем не менее, анарх - Венатор, как, безусловно, экстремистский образ, вопреки осознанию себя «серединой»⁹¹⁷, делает выбор в пользу ухода в лес вместе с Кондором, который собирается поохотиться там со свитой и пропадает там. Стимулом к этому является и понимание современного государства, доминирование которого ведет к абстрактному умерщвлению⁹¹⁸ и узурпации этого права⁹¹⁹ (в понятии государства как нельзя лучше видно сочетание всех типов консервативного видения), и представление о несовершенстве общества⁹²⁰, утрата его духовных возможностей, и надежда на «Возвращение вечного» и

---

⁹⁰⁹ Там же. С. 196.

⁹¹⁰ Там же. С. 223.

⁹¹¹ Там же. С. 207.

⁹¹² Там же. С. 197.

⁹¹³ Там же. С. 270-271.

⁹¹⁴ Там же. С. 208.

⁹¹⁵ Там же. С. 368-369.

⁹¹⁶ Там же. С. 457.

⁹¹⁷ Там же. С. 375.

⁹¹⁸ Там же. С. 338.

⁹¹⁹ Там же. С. 346.

⁹²⁰ Там же. С. 362.

приближение прошлого⁹²¹ в рамках метаконтинуитета. Не исключено, что такой причиной является и представление о традиции, которая «сохраняется там, где она - вместе с последними своими носителями гибнет, а не там где она, как при цезарях Запада, продолжает влачить жалкое остаточное существование»⁹²².

Можно утверждать, что в произведении, вопреки проанализированным тенденциям эпохи, возобладала личная позиция и отношение, которое было заронено в творчестве еще в 1929 г. в первой редакции «Авантюрного сердца», но теперь с более сложной системой координат, в которой различные консервативные реакции формируют объемное мнение. Ключевые дефиниции, такие как государство, общество, человек и свобода, проблема континуитета содержат в себе элементы всех типов консерватизма. В романе сохранен курс на децизионизм (вопреки представлениям о позднем Юнгере, как успокоившемся» авторе) экзистенциально-метафизического порядка, право на решение, свойственное личности писателя.

Судя по разнообразной реакции на роман «Эвмесвиль», от признания дистанции автора по отношению к терроризму, критики за отстраненность и элитарную холодность⁹²³ до обвинений в создании «практического руководства для радикальных правых о том, как скрыть свое антидемократическое мышление и как вести себя в политически враждебной среде», «агрессивной критике демократии»⁹²⁴, можно с уверенностью констатировать наличие интегрального консерватизма, готового к последующему синтезу всех его составляющих.

Как уже говорилось выше, Юнгер скептически относится к понятию «Соппротивление», противопоставляя ему личное право на решение своей судьбы независимо от социально-политической конъюнктуры. В последующих интервью и дневниковых записях писатель дает подробное описание образа анарха, часто

⁹²¹ Там же. С. 113; 22.

⁹²² Там же. С. 191.

⁹²³ Weilmeier C. Eumeswil. Ernst Jüngers Philosophie der institutionellen Ordnung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Hochschule für Philosophie Philosophische Fakultät SJ, München. München, 2004. S. 29-31.

⁹²⁴ Seferens H. «Leute von übermorgen und von vorgestern». Ernst Jüngers Ikonographie der Genaufklärung und die deutsche Rechte nach 1945. - Bodenheim, 1998. S. 356-357.

совпадающего с его собственным образом жизни. Анарх индифферентен по отношению к обществу⁹²⁵, пользуется техникой, если она ему полезна, но «он сам себе суверен», и стоит над ней⁹²⁶. Анарх отличается от анархиста и романтика, он знает цену свободе и миру и может отдалиться от него, если захочет, не стремится к его преобразованию и улучшению путем террора. Эта анархическая энергия есть в каждом из нас от рождения, полагает мыслитель⁹²⁷. При этом анарх может быть «обыкновенным обывателем за письменным столом», говорящим себе: «Я занят этими делами, потому что мне так удобно», — ему нет дела до общества⁹²⁸. В значительной мере, анарх как одна из ключевых дефиниций всего творчества мыслителя является выражением консервативного индивидуализма философа и поздней репрезентацией его экзистенциальной позиции, особенно ярко проявившейся в нацистский и постнацистский период жизни.

Исследователи нередко упоминают многочисленные премии, полученные за литературную деятельность, и это время не стало исключением. Юнгер получил премию Шиллера в земле Баден-Вюртемберг в 1974 г., за ней последовала премия Гете, врученная в 1982 г. во Франкфурте на Майне. Однако, одна из них относилась к территории, на которой традиционно господствовал правый фланг действующего политического спектра Германии⁹²⁹, а получение премии Гете сопровождалось сопротивлением со стороны партии «зеленых», чьи представители в городском собрании выступили резко против, спровоцировав общественную дискуссию о возможности вручения премии «попутчику фашизма и с головы до ног носителю национал-социализма»⁹³⁰. Личное неучастие в политическом процессе и дистанция по отношению к нему не избавляли писателя

⁹²⁵ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 60.

⁹²⁶ Ibid. S. 59.

⁹²⁷ Ibidem.

⁹²⁸ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik. S. 161.

⁹²⁹ До событий 2010-2012 гг. в Баден-Вюртемберге неизменными лидерами выборов в ландтаг являлись христианские демократы. То же самое относится и к Баварии, которая наградила Юнгера орденом Максимилиана за заслуги в науке и искусстве в 1986 г.

⁹³⁰ Martus S. Op. cit. S. 175.

от вторжения политики в его жизнь, особенно когда речь шла о литературных и интеллектуальных заслугах писателя. Он, по-прежнему является дискуссионной фигурой, «тень Веймара» не дает ему выйти за рамки образа, сложившегося у «левых» и либеральных интеллектуалов.

Безусловно, и кризис 70-х гг XX в. серьезно повлиял на Юнгера, усилив пессимистический тренд в его творчестве, а леволиберальные критические оценки могли лишь усугубить его. Несмотря на постоянную содержательную широту своих работ, консервативная доминанта выдает в нем представителя правого лагеря. Не случайно, совсем иным в это время было представление о философе у «новых правых», по мнению некоторых исследователей, воспринявших его концепт сопротивления в отношении постмодернизма⁹³¹ и для которых он был культовой фигурой.

Армин Молер, ставший к этому времени влиятельным радикальным консервативным публицистом, по-прежнему являлся активным пропагандистом раннего творчества Юнгера, посвятив ему ряд публикаций и рассуждений в своих работах⁹³². В статье «Фашистский стиль» он отделяет Юнгера от нацизма, видя в его творчестве духовную позицию, отражающую «новый аристократизм»⁹³³. Редактор выше упомянутого коллективного сборника «Интернациональный консерватизм» (1973), Герд-Клаус Кальтенбруннер во вступительной статье говорит о мыслителе как о «пионере такого углубленного консервативного подхода, о необходимости которого говорится уже в «органической конструкции»⁹³⁴. Но Кальтенбруннер в отличие от многих «новых правых» не ограничивается восхищением по поводу ранних работ, находя и в произведениях после Второй мировой подтверждение того, что Юнгер говорит о «правой позиции человека» как о позиции особого отношения к универсуму (что «куда

---

⁹³¹ Ibid. S. 213.

⁹³² Mohler A. Von rechts gesehen. - Stuttgart: Seewald Verlag, 1974. 343 S; Mohler A. Der faschistische Stil//Konservatismus International / Hrsg. G. - K. Kaltenbrunner. - Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 172-198.

⁹³³ Mohler A. Der faschistische Stil//Konservatismus International. S. 178.

⁹³⁴ Kaltenbrunner G. - K. Vorwort des Herausgebers//Konservatismus International. S. 11.

важнее простого наращивания знаний»⁹³⁵) и о специфике консервативной критики⁹³⁶, что лишний раз свидетельствует в пользу метаконсервативного стиля философа в 70-е гг. XX в.

Важнейшее значение наследие философа имело в эти годы и для «новой правой» во Франции. Консервативное творчество Эрнста Юнгера и его брата Фридриха Георга вошло в теоретическую основу этого течения⁹³⁷. Во Франции ее «новые правые» видят результат воплощения «буржуазного идеала просветительского рационализма», тогда как Германия предстает как «образец органически созданной общности с аристократическими ценностями»⁹³⁸. Ален де Бенуа, один из лидеров «французской правой», весьма резко говорит о том, что «Немец – это Рабочий, а Француз – это Буржуа»⁹³⁹. В главе книги Бенуа «При всей дружбе — филиппика к немцам» Юнгер прямо назван одним из авторов, вдохновляющих «новых правых» Франции, в пику Хоркхаймеру и Хабермасу⁹⁴⁰. Бенуа в интервью журналу «Шпигель» в 1979 г. причислил Юнгера из-за его основательного экзистенциального отношения к «любимейшим авторам Франции»⁹⁴¹. Позднее, уже после смерти философа, в статье «Эрнст Юнгер и новая правая» (Ernst Jünger und die Nouvelle Droite) он напишет, что хотя «Эрнст Юнгер не принадлежит к авторам, на которых французские правые часто ссылаются, но как видно из вышесказанного, он имеет огромное значение для них»⁹⁴². Сам же Бенуа признался, что его восхищение мыслителем и его трудами всегда было сильным: в молодости «первым» Юнгером – двадцатых и тридцатых

---

⁹³⁵ Ibidem.

⁹³⁶ Kaltenbrunner G. - K. Prospektiver Konservatismus//Kaltenbrunner G. K. Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Portrats. Herford, Berlin: Nicolai, 1975. S. 94.

⁹³⁷ Christadler M. Die "Nouvele Droite" in Frankreich//Neokonservative und "Neue Rechte". München: C.H. Beck Verlag, 1983. S. 198.

⁹³⁸ Ibid. S. 200.

⁹³⁹ Ibidem.

⁹⁴⁰ Benoist A. de. Kulturrevolution von rechts: Gramsci u. d. Nouvelle Droite. Vorwort von Armin Mohler. Krefeld: SINUS-Verlag, 1985. S. 97.

⁹⁴¹ «Den alten Volksgeist erwecken». Alain de Benoist über die "Verwurzelungst"- Ideologie der französischen Neuen Rechten//Spiegel, Hamburg. 1979. Jg.33. №34. S. 162.

⁹⁴² Benoist A. de. Ernst Jünger und die Nouvelle Droite//Sezession-22. Februar, 2008. S. 34. — URL: <http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008>

годов, позднее «вторым» Юнгером, анархом, «мыслителем вне времени», поднявшимся настолько высоко, чтобы настолько же больше видеть»⁹⁴³.

Бенуа сожалеет о том, что «модные интеллектуалы» вне зависимости от политических пристрастий не часто цитируют Юнгера, и советует поехать в Италию, в которой интеллектуалы всего спектра мнений от левых до правых ссылаются на него⁹⁴⁴. В связи с этим следует отметить, что в интервью с одним из видных представителей правых в Италии, Джузеппе Преццолини говорится об интересе к «консервативной революции» и работам Эрнста Юнгера⁹⁴⁵. Сам немецкий писатель упомянул в дневниках собственное письмо с благодарностью за включение его в международный редакционный совет правоконсервативного издания «Ла Дестра» (La Destra — Правая)⁹⁴⁶. Все вышеперечисленное свидетельствует об интернациональном значении юнгеровского консервативного наследия, широте и глубине его проникновения ткань европейского правого консерватизма.

В 70-е гг. произошло несколько важных событий в личной и эпистолярной жизни мыслителя. Помимо М. Хайдеггера, который умер в 1976 г. Юнгер потерял своего, наверное, самого близкого и важного собеседника — в 1977 г. скончался Фридрих Георг Юнгер. За семь лет до его смерти, Эрнст Юнгер в открытом поздравлении впервые выразил публично всю важность общения и совместного проживания с братом, творческого и экзистенциального⁹⁴⁷.

В 2009 г. общественности была представлена из немецкого литературного архива в Марбахе на Неккаре⁹⁴⁸ (где хранится все письменное наследие мыслителя) переписка Э. Юнгера с Гершомом Шолемом (1897-1982), выходцем из Германии, известным израильским философом и ученым, основателем

⁹⁴³ Ibid. S. 33-34.

⁹⁴⁴ Ibid. S. 34.

⁹⁴⁵ Prezzolini G. Intervista sulla Destra. a cura di Claudio Quarantotto. – Rom. Borghese, 1978. P. 208-209.

⁹⁴⁶ Jünger E. Siebzig verweht II. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. S. 62.

⁹⁴⁷ Jünger E. An Friedrich Georg. Zum 70 Geburtstag//E. Jünger. Ad hos. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970. - S. 20-21.

⁹⁴⁸ Schöttker D. Zum Briewechsel zwischen Ernst Jünger und Gershom Scholem//Sinn und Form, №3, 2009. S. 303.

современной науки о каббале и еврейской мистике, знатоком религии, одним из основателей израильской Академии наук, бывшим ее президентом (1968-1974), собеседником В. Беньямина, М. Бубера, М. Элиаде, оказавшим влияние через свои работы на творчество Х. Л. Борхеса, Ж. Дерриды, У. Эко, Х. Блюма и др. Она продолжалась с 1975 по 1981 гг. и была начата по инициативе Юнгера, который, увидев в СМИ фамилию Шолем, задался вопросом: а не его ли это товарищ по учебе в Ганновере и написал письмо в Израиль⁹⁴⁹. В процессе переписки выяснилось, что речь идет о Вернере Шолеме, брате израильского философа, который был одним из лидеров КПГ и погиб в Бухенвальде в 1940 г.⁹⁵⁰.

В небольшой, но весьма показательной переписке оба мыслителя обсуждали вопросы каббалы, работы и персоналии немецкого интеллектуального прошлого, некоторых общих знакомых. Шолем, в частности, ссылаясь на письмо известного немецкого философа и социолога Теодора Адорно (1902-1969), в котором тот упомянул об особой роли Эрнста Юнгера в судьбе Вальтера Беньямина в ходе оккупации Франции летом 1940 г. (Адорно пишет о том, что Юнгер, вроде бы, используя свое положение при военном генеральном штабе, «пристроил Беньямина санитаром в госпиталь»), спрашивал о подлинности этого факта⁹⁵¹. Юнгер ответил о том, что не помнит упомянутого Адорно факта, но он был возможен. Позже, в Париже, учитывая круг его обязанностей, он действительно мог помочь Беньямину, хотя уже в тот момент для последнего было поздно что-либо сделать (он отравился в конце сентября 1940 г в отеле, на границе Франции и Испании после неудачной попытки перейти ее)⁹⁵².

Важным выводом, вытекающим из этой короткой переписки, является безусловное понимание широты творческого содержания наследия Э. Юнгера, его поведенческой незашоренности, во многом обусловленной ценностной консервативной доминантой его стиля мышления, способствовавшей сохранению взглядов, и в тоже время, относительно непредвзятому отношению к авторам с

⁹⁴⁹ Ernst Jünger-Gershom Scholem. Briefwechsel 1975-1981//Sinn und Form, №3, 2009. S. 293.

⁹⁵⁰ Ibid. S. 294-295.

⁹⁵¹ Ibid. S. 299.

⁹⁵² Ibid. S. 300.

иными позициями. Во всяком случае, вопреки некоторым леволиберальным оценкам, антисемитизм и расизм, являющиеся основными типологическими признаками нацизма, Юнгеру были чужды, что еще раз обнаруживает разницу между ним и нацизмом раннего периода. Нацизм сочетает в себе политический оппортунизм и крайний расизм, тогда как правый радикализм бескомпромиссен в отношении участия в политическом процессе, но сравнительно сдержан в расовом вопросе.

Следует отметить, что в отличие от диагностической и прогностической вариативности литературных работ 70-х гг., дневники этого времени куда более явно пронизаны нескрываемым, лично-ценностным и философским неприятием эпохи и пессимизмом в ее отношении. «Мне кажется, — пишет Эрнст Юнгер в 1973 г., — что оптимизм, который я питал в конце Второй мировой войны, уменьшился. Смотрите работы «Мир» и «Через линию». И произошло это не только по причине развития, в первую очередь европейского, сколько также и под воздействием фундаментального пессимизма Фридриха Георга»⁹⁵³. Спустя год Юнгер даже называет себя «недавним оптимистом»⁹⁵⁴. Основания для подобного настроения Юнгер видит в главной тенденции современности — «устранении судьбы»⁹⁵⁵, нарастании монотонной и нивелирующей энергии, враждебной мусическому человеку и противостоящей культуре ручной работы⁹⁵⁶. Стремление к комфорту и массовизации становится основной потребностью общества, что ставит, по мнению Юнгера, вопрос о паразитизме в массовом обществе⁹⁵⁷. В связи с захватом заложников в Тегеране в 1979 г, он замечает, что Лебон был прав в том, что «масса куда более отвратительна, чем индивиды, из которых она состоит»⁹⁵⁸. В его дневнике появляется образ закладываемого фундамента Вавилонской башни⁹⁵⁹.

⁹⁵³ Jünger E. Siebzig verweht II. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. S. 121.

⁹⁵⁴ Ibid. S. 166.

⁹⁵⁵ Ibid. S. 100.

⁹⁵⁶ Ibid. S. 84.

⁹⁵⁷ Ibid. S. 83.

⁹⁵⁸ Ibid. S. 538.

⁹⁵⁹ Ibid. S. 556.

Любая современная революция, уверен Э. Юнгер, способствует развитию техники и враждебна культуре, все ведет к мировому государству и его технике за счет культуры и одиночки, ключевого образа, наряду с поэтом и анархом, противостоящим основным тенденциям времени⁹⁶⁰. В наше время наступает эпоха всеобщего⁹⁶¹, считает он. В письме Карлу Шмитту, оценивая в общем политико-социальные черты времени, Юнгер пишет: «Все хотят «демократии, стабильности, прогресса» (что исключено); все хотят быть левыми. Это уравнивание проистекает и с Востока и с Запада. Русские и американцы становятся более похожими друг на друга. У всех одни и те же ругательные слова, особенно любимое — «фашист»»⁹⁶². По поводу демократии он, не скрывая своего отношения к этой форме власти, иронично замечает, что Орвелл был прав: «Подлинная демократия должна включать в себя животных»⁹⁶³. Свое положение «ветерана двух мировых» после Второй мировой он сравнивает с «египетским пленением» и считает его еще более долгим⁹⁶⁴.

В пику современности писатель часто упоминает мемуары герцога Сен-Симона, явно импонирующего ему своим стилем, творчество Доносо Кортеса, отмечая при этом, тот факт, что аристократия в ходе Второй мировой окончательно исчерпала себя и имела лишь индивидуальные проявления в лице Черчилля и де Голля, прусских генералов⁹⁶⁵. При этом возрождение консерватизма он видит в возможностях не исторического, а эволюционного плана, находящегося над историческим временем⁹⁶⁶, что подтверждает неоплатоническую версию его консервативных суждений и в то же время дает основание для заключения об интегральном консервативном стиле в данный период. В пользу этого говорит начавшаяся уже в это десятилетие, и достигшая

---

⁹⁶⁰ Ibid. S. 612-613.

⁹⁶¹ Ibid. S. 397.

⁹⁶² Ernst Jünger – Carl Schmitt. Op. cit. S. 385.

⁹⁶³ Jünger E. Siebzig verweht II. S. 373.

⁹⁶⁴ Ibid. S. 543.

⁹⁶⁵ Ibid. S. 272.

⁹⁶⁶ Ibid. S. 354.

своего пика в последующее десятилетие, интеграция основных дефиниций творчества, питающая их новое содержательное наполнение.

В связи с этим примечательна типология исторических форм власти, данная в дневнике, в которой ключевыми понятиями, задающими типологические различия в формах управления и типах ведения войны являются: Монарх, Бюргер и Рабочий⁹⁶⁷. Рабочий в этой схеме становится носителем глобального властного типа, не связанного с национальными особенностями и противопоставлениями в духе публицистики 20-30-х гг.

И наконец, несмотря на растущий пессимизм в отношении настоящего исторического измерения, Юнгер признает возможность выравнивания в духе метаконсервативного равновесия и проявления в мировом духе неумолимой логики, которая приведет к появлению оптимизма⁹⁶⁸. Эта мысль, содержащая идею разноуровневого континуитета как нельзя лучше показывает возможность перехода к интегральному консервативному синтезу в 80 и 90 гг. XX в.

---

⁹⁶⁷ Ibid. 349.

⁹⁶⁸ Ibid. S. 121-122.

3.3. Консервативный ценностно-стилистический синтез всего творчества. Эрнст Юнгер и «консервативная волна» (1982-1997)

В эпоху М. Тэтчер и Р. Рейгана, с приходом к власти на длительный период в ФРГ Г. Коля и ХДС/ХСС в альянсе с СвДП, дискуссии вокруг творчества Э. Юнгера не прекратились. И они по-прежнему создают вокруг него феномен консервативного парадокса, как будто подчеркивая одновременно условность крайностей и глубину расхождений в основе современного идейно-политического спектра. Юнгер является не только патриархом, мнение о котором определяет идейно-духовную принадлежность, но и тем, кто эти позиции существенно корректирует. Многообразие его творчества все чаще приводит к неоднозначным выводам, как в исследовательской среде, так и в общественной жизни. Поляризация мнений сочетается с консенсусной ролью философа в определенных ситуациях, в какой-то мере отражая динамику, как взглядов Юнгера, так и изменения в реальности. В связи с возросшим вниманием к нему исследователи и публицисты даже вели в публичный и научный оборот дефиницию — «ренессанс Юнгера». Оснований для такого определения в 80-е 90-е гг. XX в. более чем достаточно.

В сентябре 1984 года Эрнст Юнгер, единственный из писателей Европы, вместе с президентом Франции Ф. Миттераном и канцлером ФРГ Г. Колем, принимает участие в официальной церемонии «Салюта примирения» в Вердене, посвященном юбилею начала Первой мировой войны, что по мнению Кизеля, подтверждает идею Юнгера о том, что война в конечном итоге объединяет воюющие народы⁹⁶⁹. Коль еще четырежды посетит мыслителя в Вильфлингене: в 1985 и 1993 гг. вместе с Миттераном, в 1990 г. с премьер-министром Испании Фелипе Гонсалесом и на столетний юбилей в 1995 г. приедет с федеральным президентом Вернером Херцогом. В 1987 г. в Риме международную литературную премию «Тевере» Юнгеру вручал президент Италии Франческо

---

⁹⁶⁹ Kiesel H. Ernst Jünger. S. 628.

Коссига. Встречи на высшем уровне, внимание со стороны руководителей европейских государств с различными политическими взглядами (даже принимая во внимание, что Миттеран и Гонсалес представляли более правую позицию, чем их партии, меняясь в процессе управления страной), вроде бы должны подтверждать мнение о том, что Юнгер становится консенсусной фигурой, тем более его стиль мышления приобретает в эти годы максимальную широту. Однако, подобная позиция была бы упрощением, поскольку отражает лишь часть истинного положения. Значительно позднее, в либеральной немецкой газете *Die "Zeit"* было высказано предположение, что Гельмут Коль своими визитами к Юнгеру стремился не столько к завоеванию симпатий избирателей, а скорее демонстрировал таким образом, «интеллектуальную дистанцию политического консерватизма»⁹⁷⁰, способность быть над дискуссиями по поводу творчества Юнгера.

Не исключено, что Коль пытался интеллектуально и электорально усилить свое политическое реноме за счет писателя. Не следует забывать, что для экстремистско-консервативного фронта ФРГ Юнгер оставался культовой фигурой. Подтверждением тому являются многочисленные публикации, посвященные ему в 80-90-е гг. в правоконсервативных журналах *"Criticon"*, *"Junge Freiheit"* различными авторами, от Армина Молера до Карлхайнца Вайссмана. Альянс ХДС/ХСС, таким образом, укреплял позиции за счет избирателей этого круга. Однако и сам канцлер, используя свой немалый политический вес, способствовал тому, чтобы Юнгер пережил «ренессанс» в эти годы, делая все, для того, чтобы автор перестал в общественном сознании быть сугубо крайне правым мыслителем, тем более что желающих свести представление о нем до этого минимума было предостаточно. Не случайно, Коль как «вождь консерватизма у власти в ФРГ» со временем был обвинен в чрезмерном внимании к Эрнсту Юнгеру, «идеологу и носителю традиций немецкого консерватизма», идентификация с которым вела, по мнению автора

---

⁹⁷⁰ Jessen J. Wer denkt für die CDU?// *Die Zeit*. 2.06.2005. №23. S. 61.

публикации, к формированию современного консерватизма, как в традиционных, так и модернизированных «неоконсервативных формах», демагогически подменяющего социальные проблемы национальными вопросами⁹⁷¹. На основании этого либеральные и левые деятели полагали, что вместе с «ренессансом» Юнгера и знаменитым «спором историков» в ФРГ «граница между правым консерватизмом, правым экстремизмом и неофашизмом все больше размывается»⁹⁷².

Левoliberalные публицисты и деятели не прекращали критики основанной на устоявшемся в этой среде мнении о писателе как «попутчике нацистов» и «разрушителе Веймарской республики». Часто критике способствовали вырванные из контекста рассуждения, в которых Юнгер пытался осмыслить историю Германии, как, например, это стало с дневниковой записью 1979 г. о том, что Гитлер «все же достиг великогерманского решения»⁹⁷³. Размышления о формировании германской нации немедленно были истолкованы как показатель «реваншистского континуитета» в его творчестве⁹⁷⁴, хотя, как пояснил сам мыслитель, речь всего лишь шла о фразе его брата. Юнгер имел в виду, что Гитлер действовал как австриец во время аншлюса при разрешении «конфликта между прусским и великогерманским решением», когда его брат Фридрих Георг сказал о захвате Австрии как «единственном, понятном акте Гитлера»⁹⁷⁵.

В тоже время некоторые «левые» из бывшей ГДР после крушения социализма в поиске «третьего пути» между «западным капитализмом» и «государственным социализмом» увидели в Юнгере «сейсмографа подземных

⁹⁷¹ Müller H. "Stählerne Romantik" und Mythos Krieg. Anmerkungen zur Ernst-Jünger-Renaissance im Konservatismus der achtziger Jahre // Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. - Berlin, 1989. S. 134-135.

⁹⁷² Ibid. S. 142.

⁹⁷³ Jünger E. Siebzig verweht II. S. 442.

⁹⁷⁴ Müller H. Op cit. S. 132.

⁹⁷⁵ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik. S. 159.

движений в истории и обществе»⁹⁷⁶. Так, Бото Штраус, один из «гуру» «восточных левых», провозгласил его «эстетическим предвестником приближающегося поворота эпохи»⁹⁷⁷. Для такого рода «левых» раннее творчество писателя (и некоторые его поздние работы) давало витальный импульс и «было полезно для обновления их утопического сознания»⁹⁷⁸. После крушения социализма «левые» интеллектуалы и литераторы, такие как Хайнер Мюллер и Франк Касторф, находят духовное родство с «консервативным революционером» Эрнстом Юнгером в обличении цивилизации, вере в «постбуржуазный мир» и в нежелании признать «триумф либерализма»⁹⁷⁹.

Как ни странно, критики «слева» порой совпадали с частью радикальных правых, видевших только «Юнгера эпохи Веймара», правда, отделяя его тонкой линией от нацизма. По мнению публициста Рихарда Херцингера, Эрнст Юнгер стал «идентификационной фигурой для новых правых и старых левых» благодаря «жесту культурно-критической вариации и плодам в духе удобной метафизики девственности в ответ на вызовы настоящего», синтезировав их в типе «анарха»⁹⁸⁰. При этом публицист считает, что «параллели между «правой» и «левой» критикой цивилизации столь значительны, что проведение демаркации вдоль этой хорошо знакомой, идеологической, разделительной линии представляется затруднительным»⁹⁸¹. С одной стороны, это подтверждает позицию самого Юнгера, не делавшего, по его словам, различия между правыми и левыми, и считавшего это разделение в эпоху техники и массовых коммуникаций «более недействующим»⁹⁸², за что, как он говорил, «меня, среди прочего,

---

⁹⁷⁶ Herzinger R. Der komplette Text: Warum Ernst Jüngers Werk bei Linksintellektuellen salonfähig wurde// Die Zeit. 1998, № 9.: URL:<http://www.zeit.de/text/archiv/1998/09/thema.txt.19980219.xml>

⁹⁷⁷ Ibidem.

⁹⁷⁸ Ibidem.

⁹⁷⁹ Ibidem.

⁹⁸⁰ Herzinger R. Werden wie alle Jünger? Über die renaissance konservativer Modernerkritik und die postmoderne Sehnsucht nach der organischen Moderne//Kursbuch. Die Zukunft der Moderne. Berlin. Dezember, 1995. S. 98-99.

⁹⁸¹ Ibid. S. 110.

⁹⁸² Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 29.

причисляли к национал-социалистам и черному фронту»⁹⁸³, а с другой — является еще одним свидетельством консервативной широты юнгеровского творчества. Эта позиция выражается и в оценках мыслителем основных политических режимов XX века: «На взгляд анарха, — с которым есть прямые ассоциации личности самого автора⁹⁸⁴, — не существует большой разницы между тоталитаризмом и массовой демократией»⁹⁸⁵.

Односторонний взгляд на позицию Эрнста Юнгера, откуда бы он ни исходил, справа или слева, часто был основан на догматическом прочтении авторских работ и уверенности в том, что его позиция и в заключительный период повторяет исходную позицию времен Веймара. К сожалению, подобное представление распространилось и на часть исследовательских работ. Помимо идеологического упрощения или сведения к какому-то одному компоненту континуитета, в них порой абсолютизировались противоречия в системе взглядов мыслителя, делались выводы о колебаниях, неустойчивости взглядов, гиперболизировалась связь с постмодернизмом⁹⁸⁶, обсуждалось отсутствие ценностной и религиозной иерархии⁹⁸⁷. Сам писатель, в соответствии с интегральным консервативным стилем и метафизическим взглядом реагировал на всякого рода пересуды, дискуссии и упреки в его адрес соответствующе. В речи на праздновании своего столетнего юбилея он сказал: «Спасибо моим друзьям, а также моим врагам. И те и другие принадлежат карме — без них нет профиля»⁹⁸⁸. Что же касается отношения к политической системе и политике вообще, то оно

---

⁹⁸³ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». S. 157.

⁹⁸⁴ «Если я, как Анарх, оглянусь назад и посмотрю на мои отношения в Третьем рейхе, то мне приходит в голову, что я никогда не приветствовал никого: «Хайль Гитлер»// E. Jünger. Siebzig verweht V. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. S. 193.

⁹⁸⁵ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 115-116.

⁹⁸⁶ Kröll F. «Postmoderne und 'Neue Rechte': "Der Fall Ernst Jünger"//Sehnsucht nach Schicksal und Tiefe. Der Geist der Konservativen Revolution. Eickhoff V./Korotin I. (Hg). - Wien: Picus, 1997. S. 179-180.

⁹⁸⁷ Koslowski P. Op cit. S. 164; 165.

⁹⁸⁸ Jünger E. Siebzig verweht V. S. 169.

также в эти годы не изменилось: «Автор суверенен. Политика может вторгаться в его жизнь и его систему — но он никогда не принадлежит ей»⁹⁸⁹.

Корень причин, по которым Юнгера «растаскивали» по дихотомическим частям, кроется в консервативном синтезе. Проявляющаяся в юнгеровских работах 80-90-х гг. XX в. амбивалентность в восприятии техники, цивилизации, диагнозе эпохи и современного общества и государства, не является препятствием для создания на последнем этапе творчества масштабной синтетической модели представлений о мире и его будущем, истории и времени, не мешает сочетанию ценностной иерархии с аналитико-диагностическими и прогностическими воззрениями. Интегральный консерватизм заключительного периода творчества стимулирует проявление противоречий во взглядах, но и стремится к их сглаживанию, поскольку несет в себе не просто архитектурные, атрибутивные свойства консервативного мышления, но и вбирает в себя особенности всех типов консерватизма, через которые прошел философ к этому времени. *Итогом этого творческого процесса является сочетание аналитических и диагностических оценок с ценностными убеждениями, которые, в конечном итоге, вместе и составляют эсхатологическую основу метаконсервативного синтеза, реализующегося в концепции пессимистического равновесия, многоуровневом континуитете, новом содержании основных дефиниций всех периодов и ценностной иерархии органического, консервативно настроенного индивидуализма и элитизма.*

Большая часть работ заключительного этапа творчества, не менее плодотворного, чем предыдущие, посвящена проблеме целей и задач «автора» как творческой личности вообще, его видения и экзистенциального существования. И в этих рассуждениях обнаруживается ряд индикаторов, отражающих системную глубину интеллектуальных трансформаций и обобщений консервативного свойства.

---

⁹⁸⁹ Jünger E. Autor und Autorschaft//E. Jünger. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 49.

При анализе существующей ситуации и постановке диагноза при историческом и метаисторическом рассмотрении мира и человека Юнгер остается пессимистически настроенным автором. Он уверен, что в недалекой перспективе творческого человека, поэта, одиночку ждут непростые времена: «У меня нет действительно благоприятного или позитивного прогноза на будущее... В этом будущем поэт будет вынужден оказаться в роли «спящей красавицы». Факты окажутся важнее поэзии, которая их воспекает, и мышления, которое их обдумывает. Наступает благоприятное для техники и неблагоприятное для культуры и духа время»⁹⁹⁰. Что касается оценки метаполитического аспекта, то Юнгер считает, что мировой дух создал политический порядок у насекомых куда лучший, чем у людей⁹⁹¹. Человеческому миру свойственно несовершенство, поэтому часто «мир похож на дурдом»⁹⁹². В нашу же эпоху в первую очередь бросается в глаза «темп, упрощение пространственной и временной дистанции»⁹⁹³. Этот темп формирует избыточные силы, подкрепленные превосходством естественной науки над старыми культами, при полном отсутствии им противовеса⁹⁹⁴. Таким противовесом, на взгляд Юнгера, должна быть необходимость как категория, сдерживающая высокомерие человеческого мира. В его повторяющейся, временной, надисторической основе — борьба титанического против божественного, демонстрирующая еще одно проявление несовершенства мира и «фаустовского человека»⁹⁹⁵ — стремление титанов, (по сути, бунтующих против богов людей, вооруженных техникой и верящих в

⁹⁹⁰ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S.31.

⁹⁹¹ Jünger E. Siebzig verweht III. S. 192.

⁹⁹² Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge//E. Jünger. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 359.

⁹⁹³ Ibid. S. 363.

⁹⁹⁴ Ibid. S. 401.

⁹⁹⁵ «Отличие фаустовской культуры от всех остальных заключается в том, что любопытство не сдерживают ни какие табу, ни преграды... В сумме: дерево знаний обворовано, дерево жизни засохло»// Jünger E. Siebzig verweht III. S. 277. «Фаустианский порыв имеет танталову природу»// Jünger E. Die Schere. S. 527.

прогресс⁹⁹⁶) несмотря на их подлинное действие во времени⁹⁹⁷, выйти за его рамки. На взгляд философа, это ключевое желание и вечное заблуждение титанов «в стремлении выйти во вневременное»⁹⁹⁸ и оно не является исключительным для нашего времени. В том числе и на этом наблюдении основывается его неожиданный оптимизм, ставящий в тупик его исследователей, и заставляющий говорить об амбивалентности взглядов мыслителя. Юнгер заявляет о том, что «сомнения и противоречия, по крайней мере, выровняются через синтез, если их не раздувать», и, возможно, что во всех «смутах и несчастьях времени участвуют божественные силы», что позволяет ему смотреть с оптимизмом в следующее столетие⁹⁹⁹. Несмотря на то, что оно будет принадлежать титанам¹⁰⁰⁰, которые возвращаются в гештальте Рабочего¹⁰⁰¹, «боги вернутся, как они делают это всегда, и XXI век станет культовым»¹⁰⁰². Мифологическая борьба титанов и богов носит метаисторический характер, она извечна, из природы и космоса она проявляет себя в истории¹⁰⁰³. Однако «боги определяют время, время титанов коротко, и сравнимо с прокрустовым ложем»¹⁰⁰⁴. И кроме того, «Прометей образует человека, но не он его создал»¹⁰⁰⁵.

«Промежуточное господство титанов»¹⁰⁰⁶ Юнгер связывает с изменениями Земли, которые были описаны им еще в «У стены времени», возвратом «от линейной к циклической системы времени, которой соответствует мифический

---

⁹⁹⁶ «С триумфом титанов возрастет политический вес масс, которые обратят его в хаос против элит. С этой точки зрения наше столетие было экспериментальным»//E. Jünger. Siebzig verweht V. S. 87.

⁹⁹⁷ Jünger E. Siebzig verweht IV. Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. S. 277.

⁹⁹⁸ Ibid. S. 297.

⁹⁹⁹ Ibid. S. 380.

¹⁰⁰⁰ Jünger E. Gestaltwandel. Eine Prognosen auf das 21 Jahrhundert//E. Jünger. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 615.

¹⁰⁰¹ Ibid. S. 611.

¹⁰⁰² Ibid. S. 615.

¹⁰⁰³ Ibid. S. 611.

¹⁰⁰⁴ Jünger E. Die Schere//E. Jünger. Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 530.

¹⁰⁰⁵ Ibid. S. 546.

¹⁰⁰⁶ Ibid. S. 575.

титанизм с его вечным возвращением»¹⁰⁰⁷. И все же, вопреки всему, мыслитель рассчитывает на одухотворение Земли¹⁰⁰⁸. В связи с вышеуказанным оптимизмом упоминается возможность включения в «Ножницы» «жанра Теодицеи»¹⁰⁰⁹, что прямо говорит о неоплатоническом содержательном синтезе и временном многоуровневом континууме. Человек слаб как политическое существо¹⁰¹⁰ и бессилен, по этой причине не следует переоценивать степень его участия и вины в катастрофах мира¹⁰¹¹, поэтому одинаково возможно и торжество прекрасного и крах¹⁰¹². Переоценка человека ведет к тому, что «переценен прогресс», и возвращение титанов подтверждает переход от линейной системы к циклической¹⁰¹³: «Силы космоса остаются примерно равными, нет прогресса или регресса, ускорения или замедления, ничего они не меняют. Меняется лишь гештальт, форма, которые история, или лучше сказать, Земля генерирует из своих глубин»¹⁰¹⁴, – отмечает в своем интервью в 1995 году Эрнст Юнгер.

Вышесказанное наглядно демонстрирует способ и форму преодоления противоречий, на которые способен консервативный синтез. Очевидно, что мыслитель размышляет как минимум в трех измерениях континуитета, связанных между собой содержательными и логическими конструкциями. По этой причине, его пессимизм, относящийся к историческому и человеческому измерению, не противоречит метаисторическому и временному оптимизму и вневременной вере в силу богов. Значение в политике и мифе титанических усилий не исключает устойчивость божественного предназначения. На примере теории Дарвина Юнгер показывает, что «она не ставит теологическую проблему»: «Эволюция имеет значение внутри времени; Сотворение напротив, не только независимо от

---

¹⁰⁰⁷ Ibid. S. 573.

¹⁰⁰⁸ Ibid. S. 568.

¹⁰⁰⁹ Jünger E. Siebzig verweht IV. S. 380.

¹⁰¹⁰ Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 253.

¹⁰¹¹ Jünger E. Gestaltwandel. Eine Prognosen auf das 21 Jahrhundert. S. 618.

¹⁰¹² Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 253.

¹⁰¹³ Jünger E. Die Schere. S. 573.

¹⁰¹⁴ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 20.

времени, оно является его предпосылкой»¹⁰¹⁵. Поэтому, кроме трехуровневого континуитета, сочетающего линейное и циклическое представления о времени, мифе и истории, важнейшую роль играет концепция пессимистического равновесия с явным деистским компонентом, вводящая своеобразный закон сохранения энергии в сферу гуманитарного знания и гарантирующая «концу истории», декларируемому в «У стены времени», временное продолжение. Она одновременно гарантирует человечеству выживание при любом исходе и в то же время ставит под сомнение его способность влиять на всеобщие процессы и законы, находящиеся за пределами человеческого понимания. Концепция исключает принятие прогресса и возможность улучшений, содержит принцип консервативной умеренности, равновесия и выравнивания перегибов, возникающих в историческом и метаисторическом процессе, незыблемость принципов в неоплатоническом духе. Вневременные явления находят свое преломление в историческом и временном измерениях. Так, титаны демонстрируют себя через массы, техника — через науку и изобретения, боги — через судьбу Земли, революция Земли — через изменение человека и живой и неживой природы¹⁰¹⁶, форм и видов угроз¹⁰¹⁷.

Однако это не единственные признаки консервативного синтеза, обнаруживаемые в поздних работах Эрнста Юнгера. Особенно ярко он проявляется в трактовке основных дефиниций, оценках текущих событий и явлений, и, особенно, ценностных предпочтениях, отличающихся от аналитико-диагностической составляющей работ.

Речь, в первую очередь, идет о Рабочем и технике, как сквозных понятиях, претерпевших уже не одну трансформацию в его творчестве в начале 60-х гг. XX в. Существенная часть содержательного наполнения сохранилась: «Гештальт Рабочего упорядочивает мир; Техника – униформа Рабочего и одновременно,

¹⁰¹⁵ Jünger E. Die Schere. S. 528.

¹⁰¹⁶ Jünger E. Siebzig verweht V. S. 83-84.

¹⁰¹⁷ Jünger E. Die Schere. S. 544.

мировой язык» сравнимый по универсальности с музыкой¹⁰¹⁸. Но в 80-90 гг. в соответствии с пессимистическим равновесием философ говорит о том, что «можно утонуть в бесконечном споре о пользе и вреде технических изобретений»¹⁰¹⁹ и поэтому проводит аналогию «разграничения между культурой и техникой», такую же, как «между верой и знанием», что является предпосылкой духовной чистоты¹⁰²⁰. «Техника как мировой язык притягивает на глобальный, космический хронометраж», влияя на устройство Земли¹⁰²¹, и оттого возникает новая связь — между Рабочим и Титаном, сыном Земли¹⁰²².

Несколько иначе Юнгер характеризует в эти годы свой ранний труд: «Рабочий, Гоподство и гештальт. Неоплатоническая попытка осмыслить и соответственно классифицировать технику как современную форму титанизма»¹⁰²³. В гештальте Рабочего он видит «возвращение титанической сущности, отсылающей к плутонической энергии, становящейся господствующей, которую пока боятся и даже отрицают»¹⁰²⁴. Универсализм и космополитизм Рабочего совпадает с усилиями титана. В связи с этим ключевым изменением в диагностическо-прогностической модели философа является вытеснение Солдата, рыцаря, носителя военных принципов, который был синтезирован с Рабочим в праворадикальный период творчества. «Воин чувствует консервативно», — пишет автор, — «победить или умереть», но мировая гражданская война, преимущество огня и техники в двух мировых войнах покончили с классом воинов не только в Европе но и повсюду¹⁰²⁵. Материальное влияние оказалось сильнее морального аспекта, личная доблесть перестала иметь значение. В интервью, которое он дал писателю Альберто Моравиа в 1983 году, мыслитель

¹⁰¹⁸ Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 253.

¹⁰¹⁹ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 131.

¹⁰²⁰ Jünger E. Die Schere. S. 478.

¹⁰²¹ Ibid. S. 530.

¹⁰²² Ibid. S. 596.

¹⁰²³ Jünger E. Siebzig verweht V. S. 157.

¹⁰²⁴ Jünger E. Die Schere. S. 546.

¹⁰²⁵ Ibid. S. 557-558.

отметил невозможность возврата «к классической физике и классической войне, как и классической морали»¹⁰²⁶.

В связи с трансформацией самых ранних, праворадикальных дефиниций, произошло изменение и такого либерально-консервативного понятия как «мировое государство», появились новые штрихи к его возможной роли в будущем. В том же интервью, данном Моравиа, на вопросы об угрозах атомной бомбы и технических рисков современности, Юнгер возлагает надежды на мировое государство при решении дилеммы безудержности прогресса и его противоречия опыту¹⁰²⁷. Он полагает что в мировом государстве невозможен военный конфликт и насилие может принимать лишь формы гражданской войны¹⁰²⁸: «Тяжелое вооружение становится монополией государства, и оно воздействует через экзистенцию, а не через применение. (Однако это так и останется утопией без прогресса в одухотворении)»¹⁰²⁹. Прогнозируя бессмысленность беспорядков в мировом государстве, автор видит его бессилие перед возрастающим террором¹⁰³⁰, тем самым подчеркивая изменение позиции по отношению к нему. В настоящей тенденции, к исключению национальных государств, глобализации, которую «техника как универсальный феномен неустанно продавлирует, готовя мировое государство и реализуя его в ином масштабе» вместе с планетарной экономикой очевидны прямые ссылки на И. Канта, которые Юнгер и дает в своем интервью¹⁰³¹. Однако мыслитель не так оптимистичен, как в работе «Мировое государство», оставляя свой зазор между гегельянским и кантианским видением Левиафана, не скрывая своего беспокойства по поводу возможных угроз в будущем.

Юнгер отмечает в либерально-консервативном стиле, что «планета ускоряется, и человечество должно адаптироваться к этим изменениям,

¹⁰²⁶ Jünger E. Siebzig verweht III. S. 276.

¹⁰²⁷ Ibid. S. 278.

¹⁰²⁸ Ibid. S. 376.

¹⁰²⁹ Ibid. S. 377.

¹⁰³⁰ Jünger E. Gestaltwandel. Eine Prognosen auf das 21 Jahrhundert. S. 620.

¹⁰³¹ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 70.

перекраивая себя. Старое должно уступать место новому»¹⁰³². Однако подчеркивая для себя лично важность и ценность одиночки¹⁰³³, заключенного в образ автора, анарха или поэта, он отмечает, что со смертью каждого одиночки мир катится вниз независимо от обстоятельств»¹⁰³⁴. В этом, казалось бы, очередном противоречии, проявляется разница между оценками и ценностями, стилем и предпочтениями, массой и личностью. По этой причине мыслитель считает, что в наше время мир изменяет не ницшеанский сверхчеловек, а «примитивный титан, в котором фокусируется воля и облик массы»¹⁰³⁵. Консервативный индивидуализм и элитаризм Эрнста Юнгера не исключает соседства с критикой современности и диагностируемыми им всеобщими тенденциями.

«Моя жена и я — мы лояльные граждане страны, но без восхищения: для нас немецкий рейх остается реальностью. Между нами говоря, мы все же живем сейчас в системе отношений, в которой позволено все»¹⁰³⁶, — заявил писатель в интервью журналу «Шпигель» в 1982 г. Журналисты напомнили Юнгера его слова, адресованные Хайдеггеру по поводу возможного, но не состоявшегося присвоения имени последнего какой-то из школ, о том, что если бы «мы жили в “нормальные времена”, тогда она была бы названа его именем»¹⁰³⁷. Писатель ответил на это, что он никогда «не приходил в согласие с государственными институтами», и «буржуазный порядок меня никогда не удовлетворял»¹⁰³⁸. Продолжение того «неустойчивого равновесия» в отношениях с государством, которое установилось после вручения премии Гете, вполне, по словам мыслителя, его бы устроило¹⁰³⁹. Он даже называет двух политиков, кому он симпатизирует в современной Германии, правда, не за идеи и политическую

¹⁰³² Ibid. S. 113.

¹⁰³³ «Суверен человек, а не народ»// E. Jünger. Autor und Autorschaft. S. 226.

¹⁰³⁴ Jünger E. Siebzig verweht III. S. 276.

¹⁰³⁵ Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 307.

¹⁰³⁶ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik. S. 163.

¹⁰³⁷ Ibid. S. 159.

¹⁰³⁸ Ibid. S. 160.

¹⁰³⁹ Ibidem.

позицию, а как личностям: лидера ХСС того времени – Франца-Йозефа Штрауса и одного из лидеров СДПГ Герберта Рихарда Венера¹⁰⁴⁰. Однако несмотря на то, что с властью ФРГ он «живет хорошо», в интервью есть явные подтверждения юнгеровского совпадения с образом Анарха, которому нет до нее дела¹⁰⁴¹ в лучшем случае, а в худшем, который видит в современном государстве пример «псевдодемократии»¹⁰⁴². Как истинный консерватор он находит, что «демократия не фиксированное понятие», особенно если иметь ввиду ГДР и Грецию эпохи Перикла, в одной из которых он «был бы демократ, а в другой — антидемократ»¹⁰⁴³.

Моральное и ценностное неприятие политики, чуждого социума и понимание необходимости сосуществования с ним, важности баланса в столь взрывоопасном и неоднозначном мире каким является современный глобальный порядок, осознается мыслителем в рамках более общего, неразрешимого, на его взгляд, противоречия морали и необходимости¹⁰⁴⁴ и является еще одним проявлением консервативного синтеза этого периода. Юнгер видит свою связь с ушедшим классическим миром и в тоже время чувствует привязанность к современности через отношение к войне и «Рабочего» с «Тотальной мобилизацией»¹⁰⁴⁵. На этой почве и происходит существенное ценностное преобразование мыслителя.

Говоря об идеальном для себя сочетании времени и пространства, писатель неоднократно упоминает эпоху Ренессанса и барокко, сравнение которых с современностью явно не в пользу последней¹⁰⁴⁶. Рассуждая о современной эпохе «тотальной мобилизации», он подчеркивает, что речь идет о констатации им ее результатов по всему миру, и для него это не вопрос личных ценностей: «Мне

---

¹⁰⁴⁰ Ibid. S. 163.

¹⁰⁴¹ Ibid. S. 161-162.

¹⁰⁴² Ibid. S. 160.

¹⁰⁴³ Ibid. S. 159.

¹⁰⁴⁴ Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge. S. 345.

¹⁰⁴⁵ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik. S. 163.

¹⁰⁴⁶ Ibid. S. 160.

куда приятней было бы, наверное, жить в чудесное время, приблизительно в 1725 году, в Венеции, где как раз родился Казанова»¹⁰⁴⁷. Для Юнгера эпоха барокко примечательна тем, что это — стабильное время, в котором «сохранялось единство личности и экзистенции на всех уровнях, вплоть до самого высшего»¹⁰⁴⁸. Особо личный штрих добавляет мыслитель, когда упоминает о том, что «барокко было значительным временем для военной музыки», и с ним связано происхождение слова «военный театр»¹⁰⁴⁹. И, конечно же, чрезвычайно ценным для него в рамках концепции одиночки является представление о том, что «барокко является выдающимся временем для одиночки; его ранг в нем убедительно представлен», в подтверждение чего Юнгер называет имена Рубенса и Баха¹⁰⁵⁰. Мыслитель не скрывает своего восхищения этим временем, упоминая мемуары герцога Сен-Симона, мадам де Севинье, пьесы Расина, изыскания Ньютона и Лейбница, максимы Лабрюйера, Ларошфуко и многих других представителей света, искусства и науки XVII – начала XVIII вв.

В речи, посвященной вручению международной премии Тевере в Риме в 1987 году, Юнгер сказал о том, что «как и для любого образованного немца моя симпатия не ограничивается эпохой национальных государств, она восходит к временам, в которые итальянские города преподали нам примеры для подражания во всех сферах искусства, включая архитектуру и парки, особенно во время Ренессанса, который начинается для меня с Данте»¹⁰⁵¹.

Очевидно, что ценностная иерархия, вопреки указаниям некоторых исследователей на связь с постмодернизмом, исключаяющим ее, у Э. Юнгера имеется. Именно на ее почве вырастает совершенно отличная от прежних воззрений культура восприятия явлений и исторического процесса. Ее следы можно обнаружить в рассуждениях о консерватизме и его ключевых ценностях: традиции, государстве, вере, представлении о человеке и истории, прогрессе.

---

¹⁰⁴⁷ Ibid. S. 157.

¹⁰⁴⁸ Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 13.

¹⁰⁴⁹ Ibid. S. 253.

¹⁰⁵⁰ Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge. S. 274.

¹⁰⁵¹ Jünger E. Siebzig verweht IV. S. 216.

Юнгер в дневнике почти в роялистском духе вопрошает во время поездки по Франции, обозревая революционные изменения в Европе за несколько веков: «Зачем такая цена? Имей мы сегодня Людовика XXV, в социальном плане все было бы также, а вот в культуре и ландшафте мы выглядели бы лучше. Бомарше, Мирабо, Лафайета, мадам Ролан было бы достаточно»¹⁰⁵². И Просвещение, и Великая французская революция не перестают быть предметом осуждения в его исторических обзорах. Он по-прежнему является убежденным противником прогресса, считая невозможным его совмещение с моралью¹⁰⁵³.

Примерами оптимальных систем, к которым он «питает слабость», являются для него: орден иезуитов, прусская армия и двор Людовика XIV¹⁰⁵⁴. Однако к самому «Королю-солнце» писатель симпатии не испытывает¹⁰⁵⁵. Явное неприятие всех форм абсолютной власти проявляется и здесь. Очевидно, что мыслителю ближе времена сословного представительства, дающего возможность для свободы действий достойным людям.

В то же время, в работе «Автор и авторство» Юнгер приводит «хорошую» на его взгляд, цитату из Полибия, в которой «демократией по праву» может называться не тот режим, в котором «массы обладают правом делать то, что им нравится» а то государство, в котором, «при условии воли большинства», «устоявшейся привычкой и традицией стало поклонение богам, почитание родителей, уважение к старикам и подчинение законам»¹⁰⁵⁶. Любопытно, что интересную и более понятную презентацию нового и традиционного, техники и культуры, утопии прогресса и традиции для Юнгера являет Япония, в которой индивид после работы приходит и надевает кимоно, тем самым символизируя возможность «ухода в себя» и способность «заново восстановить связь со своими собственными традициями»¹⁰⁵⁷.

¹⁰⁵² Ibid. S. 172.

¹⁰⁵³ Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 20.

¹⁰⁵⁴ «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik. S. 157.

¹⁰⁵⁵ Ibidem.

¹⁰⁵⁶ Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge. S. 312.

¹⁰⁵⁷ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 77.

Автор отдает себе отчет в том, что не все из «старого порядка» может быть принято им. Он признает факт противоречивых отношений между романтизмом и традицией, в которых «консервативные, либеральные и эстетические представления вступают в конфликт», примером чего «в высокой политике» является Шатобриан¹⁰⁵⁸. Юнгер полагает, что для консерватора, в том числе в литературном плане, наступает момент, в котором он должен закрыться, иначе традиция не может быть защищена¹⁰⁵⁹. В то же время, он считает, что консерваторы могут реализовывать свои цели через «молодых, выдающихся интеллектуалов»¹⁰⁶⁰.

Во многом с теологией связаны оптимистические надежды даже во временном аспекте. В письме одному знакомому пастору писатель считает Теодицею важнейшим «устремлением нашего времени»¹⁰⁶¹, что еще раз говорит о многоуровневости его представления о миропорядке. Он верит в простые доказательства существования бога¹⁰⁶², его надвременного характера¹⁰⁶³, представления о том, что божественное возникает в произведении искусства¹⁰⁶⁴. Возражая одному из своих кумиров и наиболее цитируемому автору, Фридриху Ницше, Юнгер утверждает, что «Божественное живо»¹⁰⁶⁵, что и подтвердил собственным примером, когда в 26 сентября 1996 г. перешел из протестантизма в католичество¹⁰⁶⁶. Очевидно, что это решение не было спонтанным, и являлось в какой-то мере логическим продолжением его размышлений о церкви и ее роли после Второй мировой войны, результатом общения с Карлом Шмиттом, чьи рассуждения о римской церкви как «взаимосвязи противоположностей» и «эстетической форме искусства» несомненно вдохновляли его во время

¹⁰⁵⁸ Jünger E. Autor und Autorschaft. S. 14.

¹⁰⁵⁹ Ibid. S. 151.

¹⁰⁶⁰ Jünger E. Siebzig verweht IV. S. 106.

¹⁰⁶¹ Jünger E. Siebzig verweht IV. S. 267-268.

¹⁰⁶² «То, что богов выдумали, не значит, что их не существует»// E. Jünger. Die Schere. S. 571.

¹⁰⁶³ Ibid. S. 528.

¹⁰⁶⁴ Jünger E. Autor und Autorschaft.Nachträge. S. 300.

¹⁰⁶⁵ Jünger E. Gestaltwandel.Eine Prognosen auf das 21 Jahrhundert. S. 609.

¹⁰⁶⁶ Schwilk H. Wolff U. Die Konversion. Ernst Jünger und Katolizismus // Welt am Sonntag. 28 März 1999. №13. S. 33

переписки. Особую роль сыграло и католическое сообщество Вильфлингена, на которое ссылался Юнгер – быть «как все здесь» и писал Шмитту о «братстве хорошей смерти» «общинном включении смерти в жизнь» и не включенности в эту общинную жизнь самого Юнгера¹⁰⁶⁷. Повлиял и Леон Блуа, «ярый католик», с творчеством которого Юнгера познакомил Шмитт в середине 30-х гг. прошлого века. Упоминается также и общение с иерархами римско-католической церкви в 80-90 гг, оказавшими влияние на его выбор¹⁰⁶⁸. И, наконец, много говорится о том, насколько важен был для Юнгера «идеальный гештальт» католицизма – связь религии и искусства, «источник космического знания, заключенный в соборах и монастырских садах», духовность религии¹⁰⁶⁹. Вообще это еще одно подтверждение близости Юнгера к консерватизму, так как он разделил участь многих консерваторов, переходивших, в конце концов, в «римское лоно». Еще в XIX в. обращение в католицизм было характерно для консерваторов-традиционалистов, с которыми его объединяет настрой против Просвещения. К тому же, в случае Юнгера, этот факт является подтверждением его консервативного транзита, поскольку в дихотомии «экзистенциальное-теологическое» (которая вообще является ключевой для всех консервативных мыслителей, ищущих ответа на вызовы и кризисы времени в первопричине – человеческих действиях или божественном промысле) он все более смещается к религии. Это не значит, что Юнгер, как полагает Морат, перешел от активизма к спокойствию. Речь идет о том, он в отличие от раннего периода творчества, не склонен переоценивать человеческие возможности, хотя и не готов, как и любой мыслитель, стремящийся к созданию реактивных или вневременных социально-исторических моделей в своих произведениях (иначе смысл творчества теряется), целиком все переложить на провидение. К тому же нужно учитывать личные психологические особенности Юнгера, человека, привыкшего брать на себя ответственность, и не готового «отсиживаться в тылу». Однако возросшая роль

¹⁰⁶⁷ Kiesel H. Eintritt in ein kosmisches Ordnungswissen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 29 März 1999. №74. S. 55.

¹⁰⁶⁸ Schwilk H. Wolff U. Die Konversion. Ernst Jünger und Katoizismus. S. 34.

¹⁰⁶⁹ Ibidem.

теологического в его творчестве к концу жизни прямо говорит о переходе от социального моделирования и попыток влиять на политику и историю к метафизическим оценкам, некоторому разочарованию в способностях и возможностях человека.

Подводя итог заключительного отрезка творчества писателя можно сказать, что в нем во всем богатстве проявилась структурная и ценностная иерархия мышления Эрнста Юнгера, обеспеченная интегральным консервативным стилем. Вопреки внешней противоречивости представлений о политике, государстве, человеке и истории, мыслителем осуществлен консервативный синтез, в котором стираются черты стилей различных типов консервативного мышления, в определенной последовательности и зависимости сочетаются их разнонаправленные содержательные единицы.

В зависимости от *рассматриваемой сферы человеческой деятельности, измерения континуитета и типа содержания (анализа, диагноза, прогноза, ценностей и убеждений)* происходит выход на первый план того или иного компонента консервативного калейдоскопа, правда, исключая доминирование, поскольку логические конструкции имеют одновременно равное значение. Предмет обсуждения, вышедший на первый план в анализе Юнгера, временно занимает первое место, уступая его последующему. Однако, это не нивелированное, постмодернистское рассуждение, как хотят представить некоторые исследователи. Постепенно Эрнст Юнгер выходит на самый высший уровень, на котором смыкаются все компоненты.

Почти в каждом из измерений континуитета можно обнаружить и пессимистические и оптимистические нотки. В историческом и метаисторическом измерениях, при оценке социально-политических явлений прошлого просматривается явная традиционалистская ностальгия, при постановке диагноза и критике современности — часто очевидное праворадикальное неприятие действительности, явный антиглобализм и антимультультикультурализм, при прогнозе на будущее — сочетание надежд и сомнений в отношении мирового государства. В вопросах экзистенциального порядка, в воплощении

консервативного индивидуализма и элитаризма (отнюдь не дендизма¹⁰⁷⁰, как полагают многие исследователи, поскольку речь идет все-таки не о позе или чертах характера, а стиле мышления или иногда об «эстетической защите от страха смерти»¹⁰⁷¹), просматривающегося в таких дефинициях как анарх, поэт, одиночка, также превалирует восторг по поводу прошлого (эпохи ренессанса и барокко), сомнения по поводу настоящего и устойчивый пессимизм по поводу будущего. При выходе на временной уровень, включающий в себя явления, выходящие за рамки человеческой истории, мифологию, юнгеровский баланс в исходном пункте концепции пессимистического равновесия (содержащем сдержанный оптимизм, отрицающий прогресс), частично обнаруживает себя через циклическое представление о времени. Мифы о борьбе титанов и богов, фаустовском человеке, Рабочем и тотальной мобилизации как их новой версии позволяют говорить Юнгеру о временном эффекте техники, ее самоисчерпаемости наряду с возможностью «одухотворения Земли», опасностью сциентизма¹⁰⁷², и уравнивают угрозы с надеждами. Наконец, на высшем, метафизическом, исключаящем время уровне, где речь идет в основном о теологическом и религиозном аспектах, возникает не часто упоминавшееся понятие Теодицея — термин, закрепляющий за Богом справедливость Абсолюта, вопреки злему миру. В этом религиозном завершении можно увидеть как либерально-консервативную, так и традиционалистскую стилистику, не исключает она и возможность праворадикального отрицания политического порядка, созданного человеком. На этом уровне, существовавшие до него противоречия между диагнозом, прогнозом, личными ценностями и убеждениями снимаются (в духе гегелевского *Aufhebung*) как несущественные, а пессимистическое равновесие выражается через извечный баланс между добром и

¹⁰⁷⁰ Noack P. Ernst Jünger. Op.cit. S. 330.

¹⁰⁷¹ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 83.

¹⁰⁷² «... в 21 веке нам готовятся новые сюрпризы... В конце концов, на исследования будут наложены запреты, не только церковью, но и общественным сознанием и юстицией. Кто знает, что сегодня в подвалах или на этажах, в джунглях или под прикрытием официальных лабораторий варится и переделывается? Может быть, они уже ушли дальше, чем можно предполагать?»// Jünger E. Die Schere. S. 471-472.

злом, и принимает свой окончательный вид. Широкий консервативный синтез состоялся.

Эрнст Юнгер в самый длительный и как уже говорилось, самый плодотворный период своего творчества, продемонстрировал все грани современного консервативного мышления с точки зрения его трансформации, оперативного и метафизического реагирования на происходящие изменения. Ключевым фактором 37-летнего самовыражения стал сформированный в эти годы интегральный консервативный стиль, отличительной особенностью которого является сочетание различных содержательных и образных компонентов, логических конструкций основных типов консервативного мышления, выходящих за границы архетипических атрибутов консервативного стиля мышления, описанных К. Манхеймом. И, разумеется, что феноменальным с точки зрения трансформации является консервативный синтез, который состоялся в последнее десятилетие творчества Эрнста Юнгера, показав глубину и охват, казалось бы, невозможный в подобных условиях и подобным образом. Отрицание ценностного универсализма в его позициях сочетается с признанием факта идущих глобальных процессов. Отсюда и возникает сочетание сомнений в их продуктивности с, вероятно, барочным представлением о Европейском сообществе.

Форма и содержание интегрального консерватизма заключительного периода творчества представлены следующим образом: во-первых, отсутствует явная консервативная доминанта, стилистически дефиниции могут включать в себя элементы нескольких типов консерватизма; во-вторых, происходит множественная ретроспективная репрезентация всех предыдущих периодов; в-третьих, в отличие от первого периода, когда неотрефлексированное, неосознанное следование различным консервативным стилям было отягощено личными мотивами, в последний период наблюдается последовательное стремление к синтезу, интегральному консерватизму, обоснованное метафизическим прочтением действительности. При этом интегральный консерватизм позднего Юнгера не исключает негативного восприятия

современной цивилизации. Однако, на самом высшем уровне обобщений, эти расхождения снимаются Юнгером как несущественные.

Интегральный консерватизм Юнгера дает ему возможность, при сохранении ценностной иерархии, не быть жестко связанным при ретроспективном и перспективном анализе в оценках политических, социально-экономических и культурно-цивилизационных явлений. В какой-то мере он является оптимальной моделью консервативного транзита, позволяющего использовать на разных уровнях континуитета весь имеющийся арсенал консервативной аргументации, без каких-либо ограничений. В такой модели Юнгер оказывается свободным и может перемещаться в своих суждениях в широком ценностно-типологическом диапазоне.

И наконец, важнейшим признаком интегрального консерватизма философа является отражение в нем почти всех основных направлений современного немецкого и международного консерватизма: от правого и традиционалистского, до технократического и либерального в нем есть компоненты неоконсервативной критики левых идей, ценности социальных консерваторов США, традиционалистские идеи прусского консерватизма, правда, без прямой связи со слишком неоднородными по своей структуре политическими позициями немецких консерваторов XIX века¹⁰⁷³. Именно поэтому Э. Юнгера с полным основанием можно назвать самым влиятельным немецким консервативным мыслителем второй половины XX века.

---

¹⁰⁷³ Имангалиев Р. Н. Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII-середины XIX веков. — Казань: «Яналиф», 2000. С. 196-197.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированные в работе источники позволяют сделать следующие выводы.

Консервативные воззрения Эрнста Юнгера претерпели на протяжении всей его жизни серьезную трансформацию, находясь под влиянием исторических событий, внутренних и внешних факторов творческого и идейно-политического процесса. На первоначальном, Веймарском этапе речь идет о праворадикальном подходе и экстремистско-консервативном стиле мышления, когда под воздействием поражения в Первой мировой войне начинающий писатель ведет активную публицистическую деятельность, направленную на подрыв республиканских основ и достижение военного реванша. Последнее является ключевым личным мотивом на данном этапе творчества, стимулирующим праворадикальные суждения, нашедшие свое окончательное воплощение в статье «Тотальная мобилизация» и трактате «Рабочий». Однако, праворадикальная доминанта даже тогда сочетается с традиционалистским компонентом, не позволявшим автору скатиться к нацизму. Поэтому при существенном сходстве с подавляющим большинством идеологов консервативной революции этого периода времени, радикальным состоянием немецкого консерватизма вообще, Э. Юнгера отличает своеобразие, основой которого является наличие даже в столь радикальный период сдерживающего традиционалистско-протоконсервативного компонента.

Затем, под воздействием сначала внутривнутриполитических действий нацистской диктатуры, а потом и сведений о зверствах нацистов во время Второй мировой войны, писатель примыкает к военной оппозиции и эволюционирует к умеренному консерватизму в его традиционалистской и либеральной ипостасях. С конца 50-х гг. XX века влияние Юнгера на общественно-политический режим ФРГ возрастает, причем это касается не только консервативного фланга,

пережившего после поражения Германии значительный дрейф к умеренности, но и леволиберальных сил, занимавших критическую позицию по отношению к Юнгеру. Транзит в послевоенное пятнадцатилетие при сохранении верности «фронтовому братству» связан с умеренной направленностью. Именно это обстоятельство стало причиной для расхождений с некоторыми соратниками и поклонниками справа.

Наконец, в заключительный период жизни речь идет о специфическом интегральном консерватизме и консервативном синтезе, возникшем в результате консервативного транзита. Его существенным отличием от прежних консервативных сочетаний в творчестве Юнгера является смешение, с трудом позволяющее идентифицировать то или иное произведение с каким-либо направлением консервативной мысли, отсутствие явной консервативной доминанты. При этом, еще одним подтверждением уникальности консервативного транзита Э. Юнгера является тот факт, что в 70-80-е гг. XX в. в его воззрениях происходит явное нарастание пессимистических настроений, критического отношения к действительности, глобальным процессам. Все это усиливает теологическую и деистскую составляющую во взглядах Э. Юнгера, приближая его к провиденциалистским концепциям традиционного консерватизма, существенно более правого, нежели тот, который был представлен во время Второй мировой войны и после нее. Однако, все же следует отметить, что если «ранний» Юнгер периода революционного консерватизма способствовал распаду Веймарской республики, то Юнгер заключительного периода творчества хорошо вписался в эволюцию ФРГ.

Безусловно, важнейшими факторами и причинами, повлиявшими на консервативный транзит воззрений Э. Юнгера, являются грандиозные события в истории Германии и Европы XX в. Речь идет, конечно же, о Первой мировой войне, во многом сформировавшей праворадикальный стиль автора, нацистской диктатуре и Второй мировой, приведших к традиционалистской, а потом и либерально-консервативной доминанте консерватизма в его взглядах. Не

случайно, что сам писатель, при всех сомнениях, в позднем интервью относил к числу важнейших в своей жизни произведений именно те, которые возникли в результате соприкосновения с этими явлениями: «В стальных грозах» и «На мраморных скалах»¹⁰⁷⁴.

Вне всякого сомнения, существенную роль в консервативном транзите Юнгера играла и мотивационная структура его мировоззрения. Если на первом этапе праворадикальные установки складывались под воздействием стремления к достижению реванша и носили сугубо личный характер, поскольку запущенный механизм действовал под влиянием невротического состояния, возникшего из-за переживаний поражения Германии в Первой мировой, то в более позднем возрасте Юнгер руководствовался уже политической и метафизической мотивацией. Политическая мотивация доминировала в период противостояния нацизму и побуждала к созданию работ, направленных на поиск оптимального политического режима. Метафизическая мотивация свойственна заключительному периоду творчества и имеет своей целью осмысление пережитого и перспектив будущего.

Однако, динамические изменения и транзит воззрений отнюдь не означали отсутствия во взглядах Юнгера постоянных установок, которые сохранялись на протяжении всего творчества. Речь идет, в первую очередь о мощном антицивилизационном напоре его произведений, неизменной позиции противника глобального нивелирования и мультикультурных процессов. Столь же явными и константными величинами можно считать глубокий традиционализм и органицизм автора, иррационализм, антирационализм и антисциентизм, — позиции, которые разделяли на протяжении двух веков и другие противники Просвещения. Наконец, нельзя не заметить, что и антилиберализм не был изжит писателем до конца, хотя и перестал быть лейтмотивом его произведений во второй половине XX в. Именно эти элементы сначала влияли на дисбаланс в сторону правого радикализма и экстремистского консерватизма в Веймарский

¹⁰⁷⁴ Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. S. 128.

период (или были подчинены ими), а затем, привели к балансу между традиционализмом и либерально-консервативным взглядом, к интегральному консерватизму. Проблема выбора между ценностными установками и политическими целями была залогом юнгеровского транзита с самого начала его творчества и была более или менее разрешена лишь в последний период его жизни.

Дополнительным подтверждением своеобразия юнгеровской позиции являются сходства и расхождения с такими интеллектуалами как К. Шмитт и М. Хайдеггер, А. Молер, а также трансформационное совпадение с выдающимся французским писателем М. Барресом, в сходном положении проделавшего путь от радикального до умеренного консерватора.

Ярким свидетельством широты консервативных воззрений Э. Юнгера, а также их динамического преломления является широта интеллектуального воздействия, оказанного на писателя в разное время. Если в первый период речь идет о представителях немецкого и европейского иррационализма и мистицизма, таких как Хаманн, Шопенгауэр, Ницше, Шпенглер; правого радикализма (Баррес), то со временем в работах Э. Юнгера появляются упоминания таких традиционных консерваторов, как Ривароль, Шатобриан, Доносо Кортес, либерального консерватора Токвиля, французских литераторов и поэтов (Стендаль, Рембо), швейцарского историка культуры Я. Буркхардта. Юнгеровская непредвзятость и широта его творческого диапазона в историческом процессе наглядно показала возможности объемного консервативного охвата, выраженного в интегральном консервативном стиле. Не случайно, что Э. Юнгера крайне сложно уместить в рамках какой-либо из типов консервативной идеологии, поскольку он в той или иной мере отдает дань им всем.

В юнгеровском творчестве во многом проявляется специфика немецкого консерватизма и всей консервативной традиции в XX в. Сложность сохранения ценностей и прерывистость из-за частой смены политических режимов

вынуждали мыслить неординарно и в то же время отстаивать основы консервативной культуры. И интегральный стиль писателя как нельзя лучше демонстрирует способ реагирования консервативной традиции в столь беспокойном XX веке. Э. Юнгер сумел почерпнуть в каждом из направлений консервативной мысли жизненно стойкие компоненты и трансформировать их в определенную систему взглядов, отразив в ходе эволюции своих воззрений, черты и принципы всех разновидностей консерватизма. Интегральный консерватизм в заключительный период творчества дает ясное представление о феномене юнгеровского транзита. Разнонаправленное перемещение в широком историческом диапазоне увеличивает творческий потенциал Юнгера и вообще консервативной традиции через смешение ее типов, многообразие консервативных ценностей и оценок различных сфер человеческой деятельности. В какой-то мере, эволюция немецкого консерватизма совпадает в общих чертах с идейным транзитом писателя, при всем его личном своеобразии. Хотя по итогам исследования можно сказать, что Э. Юнгер, в целом, находясь в рамках западноевропейской традиции, будучи приверженцем в исторической ретроспективе эпохи барокко и Европы до 1789 года, несмотря на свой антиамериканизм, ценностно ближе к американским консерваторам, нежели к западноевропейскому консерватизму, испытавшему серьезную трансформацию под влиянием европейских либералов и социал-демократов.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что консервативный транзит воззрений Эрнста Юнгера является уникальным явлением духовной и политической культуры Германии и Европы XX в., отражающим жизнеспособность и силу консервативной традиции даже в столь непростых условиях, каковые характерны для современного глобального мира. Юнгеровский транзит продемонстрировал новые возможности консерватизма как идейно-политического и духовного явления, обогатив его потенциал и расширив возможности для практического претворения, отразив почти все его существующие направления.

В связи с этим, заслуживает дальнейшего изучения влияние Э. Юнгера на политическую и духовную жизнь ФРГ, как с точки зрения продолжения традиций, так и преодоления прошлого, а также исследование созвучий и расхождений его позиций с современным американским консерватизмом. Несмотря на наличие серьезных биографических исследований, остается широкое исследовательское поле для комплексного изучения наследия Юнгера и его личности.

И наконец, большой объем работ о мыслителе за рубежом, а теперь и в России, создают необходимость историографического исследования «международной юнгерианы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники**1.1. Политико-философские и историософские работы и публикации Э. Юнгера**

1. Юнгер Э. «Рабочий». Господство и гештальт. «Тотальная мобилизация». «О Боли» / Э. Юнгер. Пер. с нем. — СПб.: 2000, «Наука». — 539 с.
2. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923-1933 / Э. Юнгер. Пер. с нем. — М.: «Скимень», 2008. — 362 с.
3. Jünger E. Der Friede/ E. Jünger // Werke. Esseys I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. — S. 203-244.
4. Jünger E. Der Weltstaat. Organismus und Organisation/E. Jünger//Werke. Esseys I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. — S. 497-538.
5. Jünger E. Die Totale Mobilmachtung /E. Jünger. // Werke. Esseys I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. — S. 125-147.
6. Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933/E. Jünger/ Hrsg. von S. O. Berggötz. —Stuttgart: 2001, Klett-Cotta. – 898 S.
7. Jünger E. Rivarol / E. Jünger //Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd.8. – S. 536-625.
8. Jünger E. Rivarol/ E. Jünger //Sämtliche Werke. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. — S. 210-243.
9. Jünger E. Der Gordischen Knoten/ E. Jünger//Werke. Esseys I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. – S. 391-494.
10. Jünger E. An der Zeitmauer/ E. Jünger//Werke. Esseys II. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd.6. – S. 407 – 661.

1.2. Дневники Э. Юнгера

1. Юнгер Э. Сады и дороги: дневник/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – М.: ООО «Ад Маргинем пресс», 2008. — 368 с.
2. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель 1945)/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – Спб.: «Владимир Даль», 2002. — 782 с.
3. Юнгер Э. Годы оккупации. (Апрель 1945-декабрь 1948)/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – Спб.: «Владимир Даль», 2007. — 366 с.
4. Юнгер Э. Семьдесят минуло. 1965-1970. (Излучения III)/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – М.: ООО «Ад Маргинем» Пресс», 2011. – 704 с.
5. Jünger E. Das Erste Pariser Tagebuch/E. Jünger//Werke. Tagebücher II, Strahlungen I. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd.2. – S. 233-426.
6. Jünger E. Kaukasische Aufzeichnungen/E. Jünger//Werke. Tagebücher II, Strahlungen I/. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd.2. – S. 429-517.
7. Jünger E. Das Zweite Pariser Tagebuch/E. Jünger//Werke. Tagebücher III, Strahlungen II. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. – S.11-304.
8. Jünger E. Kirchhorster Blätter/E. Jünger//Werke. Tagebücher III, Strahlungen II.. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. – S. 307-415.
9. Jünger E. Die Hütte im Weinberg (Jahre der Okkupation)/ E. Jünger //Werke. Tagebücher III, Strahlungen II.. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 3. – S. 419-686.
10. Jünger E. Strahlungen. Vorwort/E. Jünger //Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 2. — S. 11-24.
11. Jünger E. Siebzig verweht I/E. Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. – 597 S.
12. Jünger E. Siebzig verweht II /E. Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – 641 S.
13. Jünger E. Siebzig verweht III/E. Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1993. – 594 S.
14. Jünger E. Siebzig verweht IV/E. Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. – 487 S.
15. Jünger E. Siebzig verweht V/E. Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. – 204 S.

1.3. **Философские работы и эссе Э. Юнгера**

1. Jünger E. Grenzgänge. Essays – Reden – Träume /E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett, 1966. — S. 70-85.
2. Jünger E. «Maxima-Minima». Adnoten zum «Arbeiter»/ E. Jünger //Werke. Esseys II. — Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd.6. —S. 333 - 403.
3. Jünger E. Der Waldgang/E. Jünger //Werke. Esseus I. — Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 5. — S. 293-385.
4. Jünger E. Über die Linie /E. Jünger // Werke. Esseus I. — Stuttgart: Ernst Klett, 1960. Bd. 5. — S. 247-289.
5. Jünger E. Typus, Name, Gestalt/E. Jünger //Werke. — Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 8. — S. 385 - 473.
6. Jünger E. Philemon und Baucis. Der Tod in der mythischen und technischen Welt/E. Jünger //Sämtliche Werke. Esseys VI. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 12. — S. 439-471.
7. Jünger E. Autor und Autorschaft/E. Jünger//Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Esseys IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. — S. 9-267.
8. Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge/E. Jünger//Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Esseys IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. — S. 267-421.
9. Jünger E. Die Schere/ E. Jünger //Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Esseys IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. — S. 437-605.
10. Jünger E. Gestaltwandel. Eine Prognosen auf das 21 Jahrhundert/E. Jünger //Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Esseys IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. — S. 607-621.
11. Jünger E. Gott und Götter. Epigramme/E. Jünger //Werke. — Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 8. — S. 647-672.

12. Jünger E. Mantras/ E. Jünger//Werke. – Stuttgart: Ernst Klett, 1963. Bd. 8. – S. 657-672.
13. Jünger E. Der Kombinatorische Schluß; Das Entsetzen/E. Jünger. //Kulturchronik. Bonn, – 1998. №3. – S. 15-16.

1.4. Литературные произведения Э. Юнгера

1. Юнгер Э. В стальных грозах / Э. Юнгер. Пер. с нем. – Спб.: «Владимир Даль», 2000. – 329 с.
2. Юнгер Э. Гелиополь/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – Спб.: Амфора, 2000. – 446 с.
3. Юнгер Э. Рискующее сердце/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – Спб.: «Владимир Даль», 2010. – 326 с.
4. Юнгер Э. Сердце искателя приключений/ Э. Юнгер. Пер. с нем. – М.: «Ад Маргинем», 2004. – 284 с.
5. Юнгер Э. Эвмесвиль / Э. Юнгер. Пер. с нем. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 640 с.
6. Jünger E. Auf den Marmorkrippen/E. Jünger. – Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1941. – 157 S.

1.5. Отдельные статьи и юбилейные посвящения Э. Юнгера

1. Jünger E. An Friedrich Georg. Zum 70 Geburtstag/E. Jünger//Ad hoc.— Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970. —S. 18-33.
2. Jünger E. Zum 80 Geburtstag M. Heidegger. Federbälle/ E. Jünger//Ad hoc. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970. — S. 34-69.
3. Jünger E. Nachruf auf Andre Gid /E. Jünger//Sämtliche Werke. Ad hoc. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. — S. 39-40.
4. Jünger E. Geleitwort zu H. Schpeidels “Invasion 1944” / E. Jünger // Sämtliche Werke. Ad hoc. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. — S. 165-166.

5. Jünger E. Zur Geiselfrage/ E. Jünger // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. — Oldenburg, München: 51. Jahrgang/Heft 3/Juli 2003. — S. 418-472.
6. Jünger E. Alfred Kubin / E. Jünger // Antaios / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag. November 1965. Bd. VII. № 4. — S. 310-318.
7. Jünger E. Zur Verleitung des Schiller-Preises des Landes Baden-Württemberg/E. Jünger//Sämtliche Werke. Ad hoc. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. — S. 188-193.
8. Jünger E. Antaios. Zeitschrift für eine freie Welt. Ein Programm/ E. Jünger //Sämtliche Werke. Ad hoc. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd. 14. — S. 167-168.
9. Jünger E. Die Preußen und der Krieg/ E. Jünger //Sämtliche Werke. Essays V. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. Bd.11.
10. Jünger E. Steglitz. 1933/ E. Jünger // Neue Deutsche Hefte. 1967. Jg 14. H. 4.— S. 3-14.

1.6. Переписка Э. Юнгера

2. Ernst Jünger–Carl Schmitt. Die Briefe 1930-1983/E. Jünger. C. Schmitt /Hrsg. von H. Kiesel. – Stuttgart, 1999. — 893 S.
3. Ernst Jünger-Gershom Scholem. Briefwechsel 1975-1981/E. Jünger. G. Scholem//Sinn und Form, №3, 2009. —S. 293-302.
4. Jünger E. Briefe an Friedrich Georg /E. Jünger//Criticon. — München: Jan/Febr/März 1998. Nr. 157. —S. 20-21.

1.7. Интервью Э. Юнгера

1. “Wie ein Geschöß zum Ende”. der Schriftsteller Ernst Jünger über das Alter, den Glauben und seine Zukunftserwartungen/E. Jünger//Der Spiegel. 1995. №13. — S. 240-241.

2. «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik /E. Jünger// Der Spiegel. 1982. №33. — S. 154-163.
3. Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi /E. Jünger. Dt. von Peter Weiß. — Wien; Leipzig: Karolinger, 2002. —155 S.

1.8. Произведения и статьи мыслителей, писателей, собеседников и оппонентов Э. Юнгера

1. Манн Т. Доктор Фаустус. /Т. Манн//Собрание сочинений в 10 т – М.: Гос. изд. худ. лит. 1960. т. 5. — 694 с.
2. Рошель П. Д. ла. Фашистский социализм/ П. Д. ла Рошель. — Спб.: Владимир Даль, 2001. — 244 с.
3. Рошель П. Д. ла. Дневник 1939-1945/ П. Д. ла Рошель. — Спб.: Владимир Даль, 2000. — 602 с.
4. Хайдеггер М. О линии/М. Хайдеггер // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. —СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2006. — С. 67-119.
5. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. Пер. с нем. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. — 336 с.
6. Шмитт К. Теория партизана / К. Шмитт. Пер. с нем. — М.: Праксис 2007. —301 с.
7. Шпенглер О. Пессимизм? / О. Шпенглер. Пер. с нем. — М.: Изд. «Крафт +», 2003. — 304 с.
8. Шпенглер О. Годы решений/ О. Шпенглер. Пер. с нем. — М.: Скимень, 2006. —239 с.
9. Юнгер Ф. Г. Ницше/Ф. Г. Юнгер. Пер. с нем. — М.: Праксис. 2001. — 253 с.
- 10.Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф. Г. Юнгер. Пер. с нем. — Спб.: «Владимир Даль». 2002. — 559 с.
- 11.Эвола Ю. Оседлать тигра/ Ю. Эвола. — СПб.: Владимир Даль. 2005. — 511 с.

12. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Ю. Эвола. — СПб.: Владимир Даль. 2005. — 187 с.
13. Eliade M. Notes sur le journal d'Ernst Jünger/ M. Eliade. //Antaios / Hrsg. Mircea Eliade - Ernst Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1965. B. VI №5/6 März, 1965. —S. 488-492.
14. Evola. J. Zeitlichkeit und Freiheit/ J. Evola. // Antaios / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag, Mai 1967- März 1968. Bd. XI. № 1. — S. 86-100.
15. Jünger F. G. Der Bettler/F. G. Jünger // Antaios. Ernst Jünger zum 70. Geburtstag / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag, März 1965. Bd. VI. № 5/6. —S. 410-417.
16. Hesse H. Nach der Lektüre des Buches “An der Zeitmauer” / H. Hesse //Über Ernst Jünger/ Hrsg. von H. Arbogast . – Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. —S. 73-77.
17. Niekisch E. Die Gestalt des Arbeiters /E. Niekisch//Über E. Jünger/ Hrsg. von Arbogast H. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. — S. 79-86.
18. Niekisch E. Die Gestalt des Arbeiters/E. Niekisch // Antaios. Ernst Jünger zum 70. Geburtstag / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag, März 1965. Bd. VI. № 5/6. — S. 493-498.
19. Schmitt. C. Die Geschichtliche Struktur des heutigen Welt-Gegensatzes von Ost und West. Bemerkungen zu Ernst Jüngers Schrift: “Der Gordischen Knoten” /C. Schmitt //Freundschaftliche Begegnungen. Festschrift für E. Jünger zum 60. Geburtstag /Hrsg. A. Mohler. — Frankfurt am M.: Klostermann, 1955. —S. 135-167.
20. Schmitt. C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947-1951/C. Schmitt /Hrsg. von Eberhard Freiherr von Medem. – Berlin: Dunker und Humblot, 1991. — 321 S.
21. Prezzolini G. Intervista sulla Destra. A cura di Claudio Quarantotto/ G. Prezzolini. – Rom. Borghese, 1978. — S. 208-211.

2. Исследования.

2.1. Труды советских и российских исследователей.

1. Алленов С. Г. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Меллер Ван ден Брук/ С. Г. Алленов //Полис. — 2001, №3. — С. 123-138.
2. Артамошин С. В. Немецкий социализм в консервативной оправе: Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер/С.В. Артамошин// Всеобщая история: современные исследования. Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып.16. Брянск: РИО БГУ, 2008. – С. 158-171.
3. Артамошин С. В. Тотальная мобилизация как фактор современности в консервативной публицистике Эрнста Юнгера/С.В. Артамошин//Всеобщая история: современные исследования. Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып.17. Брянск, 2008. – С. 192-203.
4. Артамошин С. В. Символика гештальтов в консервативной политической публицистике Эрнста Юнгера/С.В. Артамошин//Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Вып. 10. – Ставрополь. – 2008. – С. 185-196.
5. Артамошин С. В. Метафизика Рабочего: консервативный проект модерна Эрнста Юнгера в годы Веймарской республики/С. В. Артамошин//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 25. (2). – М., 2009. – С.206-220.
6. Артамошин С. В. Интеллектуальное течение "консервативной революции" в политической жизни Веймарской республики: дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.03/Артамошин Сергей Викторович. — Брянск, 2011. — 390 с.
7. Архипов Ю. Эрнст Юнгер, буревестник «стальных ураганов» /Ю. Архипов //Литература человеконенавистничества. – М.: Худ. Литература. – 1980. — С. 118-138.

8. Архипов Ю. Эрнст Юнгер. После семидесяти. Дневники 1965-1980 гг. В 2-х томах/Ю. Архипов //Современная художественная литература за рубежом. - 1989. - №4. — С. 95-99.
9. Архипов Ю. Мафусаил немецкой словесности/Ю. Архипов // Москва. - 1998. - № 8. – С. 190-192.
10. Галкин А. А. Германский фашизм/ А. А. Галкин. — М.: Наука, 1967, (2 издание) М.: Наука, 1989. — 352 с.
11. Галкин А. А. Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем/ А. А. Галкин. П. Ю. Рахшмир. — М.: Наука, 1987. – 192 с.
12. Гинзбург Л. «Люцифер духа» и уроки истории/Л. Гинзбург //Литературная газета. 1969. №17. — С. 13.
13. Грицанов А.А. Юнгер, Эрнст/А.А.Грицанов//Всемирная энциклопедия. Философия. М. – 2001. — С. 1282-1284.
14. Грицанов А.А. Юнгер, Эрнст/А.А.Грицанов//Постмодернизм. Энциклопедия. Минск. – 2001. – С 1004-1006.
15. Григорьева О. В. Эрнст Юнгер в культурфилософском пространстве XX века: дис. канд. филос. наук : 09.00.13/ Григорьева Ольга Владимировна. — СПб. 2006. 165 с.
16. Гузикова М. О. Философия тотальной мобилизации в творчестве Эрнста Юнгера/М. О. Гузикова// Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке. - Екатеринбург: Изд. УГУ, 2000. — С. 67-73.
17. Гузикова М. О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация: автореф. дисс. канд. истор. Наук: 07.00.03. Гузикова Мария Олеговна – Екатеринбург. – 2004. 26 с.
18. Дугин А. Консервативная революция/А. Дугин. — М.: Арктогея, 1994. — 344 с.
19. Илловойская И. Эрнст Юнгер и лабиринты нашего века/ И. Илловойская// Русская мысль. 1998. №4211. — С. 12.

20. Имангалиев Р. Н. Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII-сердине XIX веков/ Р. Н. Имангалиев. — Казань: «Яналиф», 2000. — 223 с.
21. Исследования по консерватизму: история и современность. Материалы международной научной конференции. Вып. 1. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1994. — 152 с.
22. Исследования по консерватизму: история и современность. Материалы международной научной конференции. Вып. 2. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1995. — 124 с.
23. Исследования по консерватизму: история и современность. Материалы международной научной конференции. Вып. 3. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1996. — 202 с.
24. Исследования по консерватизму: история и современность. Материалы международной научной конференции. Вып. 4. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1997. — 232 с.
25. Исследования по консерватизму: история и современность. Материалы международной научной конференции. Вып. 5. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1998. — 247 с.
26. Исследования по консерватизму: история и современность. Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Материалы международной научной конференции. Вып. 6. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2000. — 140 с.
27. Ишимбаева Г. Г. Фауст в стиле экзистенц (антиутопия Эрнста Юнгера «Гелиополис»)/ Г. Г. Ишимбаева // Филологические науки. — М.: 1999, №4. — С. 50-56.
28. Казаков С. О. О политической философии Э. Юнгера/С. О. Казаков // Вестник Пермского университета. Вып. 1. — Пермь; Лазурь, 2007. — С. 108-113.
29. Казаков С. О. Современная историография творчества Эрнста Юнгера/С. О. Казаков//Известия Уральского государственного университета. Серия 2.

- Гуманитарные науки. — Екат.: Изд. Уральского ун-та. 2008. Вып. 16, №59. — С. 127-136.
30. Казаков С. О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера/С. О. Казаков//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М.: Книжный дом «Либроком», 2008. Вып. 24. — С. 352-364.
31. Казаков С. О. Эрнст Юнгер в XXI веке/С. О. Казаков//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. Вып. 38. — С. 373-381.
32. Казаков С. О. Война и мир в мировоззрении Эрнста Юнгера: убеждения и реальность/С. О. Казаков//Исследования по консерватизму: история и современность. Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Материалы международной научной конференции/Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2000. Вып. 6. — С. 94-99.
33. Казаков С. О. Техника и массовая культура в проекте «Рабочий» Э. Юнгера/С. О. Казаков//Майские чтения. Массовая культура как феномен XX века. Тезисы докладов научной конференции 14 мая 2001 года. — Пермь: ПГТУ, 2001. Вып. №13. — С. 4-6.
34. Казаков С. О. Проблема «Запад-Восток» в работе Эрнста Юнгера «Гордиев узел» /С. О. Казаков //Периферийность в культуре XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27-28 июня 2001 года. — Пермь, 2001. — С. 103-105.
35. Казаков С. О. Эволюция идейно-политических позиций Эрнста Юнгера/С. О. Казаков //Миф и рациональность в XX веке. Материалы четырнадцатой Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения» 15 мая 2002 г. — Пермь: ПГТУ, 2002. — С. 72-73.
36. Казаков С. О. «Гордиев узел» Эрнста Юнгера/С. О. Казаков //Политическая мысль и культура. Материалы международной научно-практической конференции (Пермь 11-12 ноября 2002 года). — Пермь: Перм. ун-т. 2003. — С. 121-129.

37. Казаков С. О. Понятие «политического» в произведениях Э. Юнгера/С. О. Казаков//Политический альманах Прикамья. — Пермь, 2003. Вып. 4. — С. 83-94.
38. Казаков С. О. Эволюция представлений Эрнста Юнгера о государстве/С. О. Казаков //Вуз XXI век. Научно-информационный вестник. — Пермь: ЗУИЭП, 2004. Вып. 9. — С. 82-93.
39. Казаков С. О. Многоцветный консерватизм Эрнста Юнгера/С. О. Казаков // В мире консерватизма: идеи, политика, люди. Межвузовский сборник научных трудов/ Гл. ред П. Ю. Рахшмир. — Пермь: Перм. ун-т.; ЗУИЭП, 2006. — С. 46-91.
40. Карельский А. Против идеологии реваншизма/А. Карельский //Вопросы литературы. 1963. №7. — С. 216-220.
41. Карельский А. Станции Эрнста Юнгера/А. Карельский // Иностранная литература. -1964. - №4 . — С. 230-236.
42. Консерватизм: идеи и люди / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1998. — 200 с.
43. Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. / Под ред. П. Ю. Рахшмира. — Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2003. — 252 с.
44. Кононов В. И. Героика и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э. Юнгера (Обзор)/ В. И. Кононов /Философия человека: традиции и современность. — М.: 1991. ИНИОН РАН, Вып. 2. — С. 196-222.
45. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность/ А. Н. Леонтьев.— М., Смысл, Академия, 2005. — 352 с.
46. Лукин А. Рымкевич В. Авантюрное сердце/ А. Лукин. В. Рымкевич //Иностранная литература. 1991. № 11. — С. 203-210.
47. Микушкевич В. Последний рыцарь («Эрнст Юнгер в молодости)/ В. Микушкевич. //Э. Юнгер. Рискующее сердце. — Спб.: Изд. «Владимир Даль», 2010. — С. 3-36.

48. Милиев В. А. Немецкий романтизм и формирование консервативной идеи: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03/Милиев Вадим Анварович. — Мурманск, 2006. — 290 с.
49. Михайлов А. В. Юнгер, Эрнст/А. В. Михайлов// Философская энциклопедия в 5 т. — М.: 1970. Т. 5. — С. 602.
50. Михайлов А. В. Юнгер, Эрнст/А. В. Михайлов//Краткая литературная энциклопедия. — М.; Советская энциклопедия, 1975. Т. 8. — С.1021.
51. Михайловский А. В. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера: дис. канд. филос. наук : 09.00.03/Михайловский Александр Владиславович. — М., 2001. 168 с.
52. Михайловский А. В. Зрение и ответственность: образ времени в эссеистике Эрнста Юнгера/А. В. Михайловский // Независимая Газета, «Ex Libris НГ», 18.01.2001. — С. 3.
53. Михайловский А. В. Юнгер, Эрнст/А. В. Михайловский//Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2001. Т.4. — С. 494-495.
54. Михайловский А. В. Послесловие переводчика/А. В. Михайловский //Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. Спб.: Наука, 2000. — С. 528-537.
55. Михайловский А. В. Послесловие/А. В. Михайловский//Э. Юнгер. Сердце искателя приключений. — М.: Изд. «Ад Маргинем», 2004. — С. 232-284.
56. Михайловский А. В. Гамбит Козловского/А. В. Михайловский // Логос. — М., 2003. Вып. 3. — С. 129-133.
57. Михайловский А. В. Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии/А. В. Михайловский //Э. Юнгер. Националистическая революция. Политические статьи 1923-1933. М.: Скимень, 2008. — С.317-362;
58. Михайловский А. В. Германия/А. В. Михайловский //Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов/Под ред. В. А.

- Куренного. — М.: некомм. фонд «Наследие Евразии», 2009. — С. 116—162.
59. Михайловский А. В. Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у «стены времени»/А. В. Михайловский // История философии. № 15. — М.: ИФРАН, 2010. — С. 57—82.
60. Мокроусов А. Фанфары для читателя/А. Мокроусов// Новое время. — 1999. №19. — С. 42-43.
61. Одуев С. Ф. Воля к власти как воля к тотальной мобилизации. Э. Юнгер/С. Ф. Одуев// Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию). — М.: Мысль, 1971. — С. 151-176.
62. Одуев С. Ф. Метаморфозы иррационализма/С. Ф. Одуев. — М.: Изд. РАГС, 1997. Вып. 1 и 2. 201 с.
63. Одуев С. Ф. Метаморфозы иррационализма/С. Ф. Одуев. — М.: Изд. РАГС, 1997. Вып. 3. — 187 с.
64. Одуев С. Ф. Философия “тотальной мобилизации”/С. Ф. Одуев//Вопросы философии. 1971. №3. — С.136-148.
65. Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм/ О. Ю. Пленков. — СПб.: РХГИ, 1997. — 576 с.
66. Пленков О. Ю. Э. Юнгер и его вклад в современное консервативное мышление/ О. Ю. Пленков. //Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. — Воронеж: Изд. Воронеж. Гос. Университет. 2001. — С. 226-236.
67. Пленков О. Ю. Замечания к дневникам вечного нонконформиста/ О. Ю. Пленков//Э. Юнгер. Годы оккупации. Пер. с нем. — Спб.: Владимир Даль, 2007. — С.5-42.
68. Пленков О. Ю. Роль и место Ривароля в творческой эволюции Э. Юнгера/ О. Ю. Пленков// Э. Юнгер. Ривароль. Пер. с нем. — Спб.: Владимир Даль, 2008. — С. 5-62.

69. Рахшмир П. Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время/П. Ю. Рахшмир// Новая и новейшая история, — М.: «Наука», 1990. №1. — С. 48-62.
70. Рахшмир П. Ю. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии/П. Ю. Рахшмир //Ежегодник германской истории. — М.: Издательство «Наука», 1973. — С.409-431.
71. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века/П. Ю. Рахшмир – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2001. — 272 с.
72. Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма/П. Ю. Рахшмир — Пермь: ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2004. — 338 с.
73. Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма/П. Ю. Рахшмир — М.: Наука (История и современность), 1981. — 184 с.
74. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика/Л. П. Репина. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с.
75. Рормозер Г. Френкин А. Консерватизм России и Германии: новое консервативное мышление как императив выживания/ Г. Рормозер А. Френкин. — М.: 1996. — 236 с.
76. Руткевич А. М. Консерваторы XX века: Монография/А. М. Руткевич. — М: Изд-во РУДН, 2006. — 180 с.
77. Савчук В. В. Судьба нигилизма. Послесловие/В. В. Савчук//Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. Пер. с нем. — СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2006. — С.165-220.
78. Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории/В. И. Салов. — М.: Наука, 1968. — 382 с.
79. Сендеров В. А. Кризис современного консерватизма/ В. А. Сендеров. //Новый мир. 2007, № 1. — С. 117-151.

80. Сендеров В. А. Выстоявший утес/ В. А. Сендеров. //Знамя. 2010. № 9. — С. 225-229.
81. Соколова Р. И. Философское обоснование войны в ранних произведениях Э. Юнгера/ Р. И. Соколова//Проблемы политической философии. — М. 1991.
82. Соколова Р. И. Юнгер, Эрнст/Р. И. Соколова// Политическая энциклопедия. — М.: Мысль, 1999. — С. 660-661.
83. Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа/ Ю.Н. Солонин// Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. Пер. с нем. — Спб.: Наука, 2000. — С. 5-54.
84. Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории/ Ю.Н. Солонин//Юнгер Э. В стальных грозах. Пер. с нем.— Спб.: Владимир Даль, 2000. — С. 11-34.
85. Солонин Ю.Н. Дневники Эрнста Юнгера: Впечатления и суждения/ Ю.Н. Солонин//Юнгер Э. Излучения (февраль 1941-апрель 1945). Пер. с нем. — Спб.: Владимир Даль, 2002. — С. 737-759.
86. Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. Пер. с нем.— СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2006. — 222 с.
87. Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемеровский государственный университет/О. Э. Терехов. — Кемерово, 2011. — 194 с.
88. Терехов О.Э. Эрнст Юнгер как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии / О.Э. Терехов / Веймарская республика: история, историография, источниковедение. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. / отв. ред. В.Л. Черноперов. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2011. — С. 333 – 352.
89. Терехов О.Э. Идеология немецкой «консервативной революции» как феномен правого модерна в Веймарской республике в современной германской историографии / О.Э. Терехов // Германия на перекрестках

- истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. Вып.3. Сборник статей. / Под общ. ред. А. А. Слинько. Отв. ред. С. И. Дмитриева. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. – С.28 – 36 – 0,4 п. л.
90. Терехов О.Э. Германский консерватизм в Веймарской республике в отечественной историографии 1970-х – 1980-х гг. / О.Э. Терехов // Беларусь и Германия: история и современность: материалы международной научной конференции. Выпуск 7. Книга 1. – Минск: МДЛУ, 2009.
91. Терехов О.Э. «Консервативная революция» в Веймарской республике в современной германской историографии: от концепции «преодоления прошлого» к попыткам деконструкции феномена / О.Э. Терехов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №103. – С. 22 – 29.
92. Филатов М. Н. Эрнст Юнгер и его мифы/М. Н. Филатов//Философские науки. 1977. №2. — С. 91-102.
93. Филатов М. Н. Неонацизм и искусство/М. Н. Филатов//Октябрь 1972, №10. — С. 186-188.
94. Филиппов А. Ф. Облик работника и революция справа: к истории радикального консерватизма/А. Ф. Филиппов// Россия 21. — М.: 1996, № 1/2. — С. 82-98.
95. Филиппов А. Ф. Облик работника и революция справа: к истории радикального консерватизма/А. Ф. Филиппов// Россия 21. — М.: 1996, № 3/4. — С. 85-105.
96. Филиппов А. Ф. Немецкая антропологическая политология: Э. Юнгер, Х. Фрейер, А. Гелен, Х. Шельски/А. Ф. Филиппов//Философские основания теории международных отношений. — М.: ИНИОН, 1998. — С.112-142.
97. Френкин А. А. Западногерманские консерваторы: кто они?/ А. А. Френкин. — М.: Межд. отн. - 1990. — 213 с.

98. Фрумкин С. Н. Философия истории неонацизма/С. Н. Фрумкин//Вопросы философии. 1970. № 11. — С. 142 - 152.
99. Хазанов Б. Юнгер. Слатолюбец варварства/Б. Хазанов// Новое время. — 1999. №46. — С. 36-37.
100. Хазанов Б. Юнгер или прелесть новизны/Б. Хазанов//Вопросы литературы. 1996. №46. — С. 178-201.
101. Хайдарова Т. Превращенная боль/Т. Хайдарова //Ступени. Петербургский альманах. — СПб. 2000. №1 (11). — С. 13-21.
102. Черная Л. Неофашизм в литературе Западной Германии/Л. Черная// Вопросы литературы. 1962. №11. — С. 122-137.
103. Черная Л. Десять томов ненависти/Л. Черная//Литературная газета, 7 декабря 1963. №146. — С. 2.
104. Юнгер, Эрнст// Краткая философская энциклопедия. — М.: Прогресс, 1994. — С. 551.
105. Юнгер, Эрнст//Философский словарь: основатель Г. Шмидт. М.: «Республика», 2003. — С.543-544.
106. Ямпольский М. Умер Эрнст Юнгер/ М. Ямпольский// Пушкин. 1 мая 1998. - С. 10-11.

2.2. Труды зарубежных исследователей.

1. Бенуа А. де. Дух буржуазности/А. де. Бенуа. URL://<http://arctogaia.com/public/v3/v3-1.shtml>
2. Бертольд В. «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма/В. Бертольд.— М.: Мысль, 1964. — 296 с.
3. Винклер Г. А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии/Винклер Г. А. — М.: Росспэн, 2013. — 890 с.
4. Козловски П. Трагедия модерна. Миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера/П. Козловски//Вопросы философии. 1997. №12. — С. 15-27.

5. Козловски П. Миф о Модерне. Поэтическая философия Эрнста Юнгера /П. Козловски. — М.: «Республика», 2002. — 239 с.
6. Лем С. Мифотворчество Томаса Манна/С. Лем // Новый мир. 1970. № 6. — С. 234-256.
7. Ленель-Лавастин А. Забытый фашизм. Ионеско, Элиаде, Чоран/ А. Ленель-Лавастин. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 528 с.
8. Манхейм К. Консервативная мысль/К. Манхейм//Диагноз нашего времени. — М.: Юрист,1994. — С.572-668.
9. Маслоу А. Г. Мотивация и личность\ А. Г. Маслоу. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
- 10.Нольте Э. Европейская гражданская война: национал-социализм и большевизм/ Э. Нольте. — М., Логос, 2003. — 528 с.
- 11.Фигаль Г. Юнгер, Эрнст/ Г. Фигаль //Современная западная философия: Словарь. 2-е изд. — М.: Тон - Остожье, 1998. — С. 526-529.
- 12.Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек/Ф. Фукуяма. — М.: АСТ: Ермак, 2005. — 588 с.
- 13.Хантингтон С. Столкновения цивилизаций/С. Хантингтон; Пер. с англ. — М.; ООО Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- 14.Шацкий Е. Утопия и традиция/Е. Шацкий. — М.: «Прогресс», 1990. — 455 с.
- 15.Ширер У. Взлет и падение третьего рейха/У. Ширер. — М. Воениздат. 1991. 2 тт.
- 16.Штраус Л. Введение в политическую философию/Л. Штраус. — М.: Логос, Праксис. — 364 с.
- 17.Штраус Л. Естественное право и история/Л. Штраус. — М.: Водолей, 2007. —312 с.
- 18.Эльм Л. Консерватизм в ФРГ: традиции, сущность, формы//Рабочий класс в мировом революционном процессе/Л. Эльм/ Отв. ред. Галкин А. А. М., 1983. — С. 80-89.

19. Arnold H.L. Krieger, Waldgänger, Anarch. Versuch über Ernst Jünger/H.L. Arnold. — Göttingen: Wallstein Verl., 1990. — 47 S.
20. Arnold. H. L. "Stendal war mein Meister" /H.L. Arnold//Die Zeit. 28.10.2010. №44. S.50.
21. Assheuer T. In der Löwengrube. Wie Hans Grimm, Ernst Jünger und andere konservative Autoren nach 1945 versuchten, Deutschland zum Opfer zu stilisieren, und warum heute manch einer wieder Gefallen daran findet/T. Assheuer//Die Zeit. - 2000. - № 37. — S. 84.
22. Assheuer T. Ernst Jünger. Ästhet des Schreckens, Chronist des Jahrhunderts, Poet der Käfer/T. Assheuer//Die Zeit. Archiv. [Электронный ресурс]. - URL: 09/1998//http://www.zeit.de/archiv/1998/09/juenger1.txt.19980219.html
23. Augstein R. Der Ton der Bratsche. Über den Weg Ernst Jüngers vom Krieger zum Elitebürger/R. Augstein // Der Spiegel. - 1995. №12. — S. 206-212.
24. Banine. Jünger, ce Méridional/Banine. //Antaios / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März 1965. Bd. VI. № 5/6. — S. 473-487.
25. Bastian K. - F. Das «Politischen» bei Ernst Jünger. Nonkonformismus und Kompromiß der Innerlichkeit. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Ruprecht-Karl-Universität zu Heidelberg / K. - F. Bastian. – Heidelberg: 1963. – 355 S.
26. Baron U. Und über Jünger nichts Neues/U. Baron //Zeit Literatur. November. 2007. №46. — S.27-28.
27. Bein S. Subtile Jagden. Kritische Anmerkungen zu Ernst Jüngers neuestem Werk/S. Bein// Welt und Wort. 1967. Jg. 22. H.12. — S. 402-405.
28. Bel J. Die welt ist eine Maschine, Der Mnsch ein Automat. Zu Friedrich Georg Jüngers gewangten Prognosen in «Die Perfektion der Technik»/J. Bel// Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag, 2001. — S. 121-135.
29. Benoist A. de. Kulturrevolution von rechts: Gramsci und die Nouvelle Droite/A. de Benoist. — Krefeld, SINUS-Verlag, 1985. — 156 S.

30. Benoist A. de. Ernst Jünger und die Nouvelle Droite/A. de Benoist//Sezession-
22. Februar, 2008. — S. 30-34. [Электронный ресурс]. — URL:
<http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008>
31. Benseler F. Frosteln in historischer Passage: Ernst Jünger/F. Benseler// Der Fall
Jünger und die Wende. Blätter für deutsche und internationale Politik. — Köln
1982. Jg. 27. H.10. — S. 1236-1242.
32. Berger J. Ideal deutsch. Ein Gespräch mit Heinz Ludwig Arnold,
Herausgeber von "Text+Kritik" und von 1960 bis 1962 Ernst Jüngers
Sekretär/J. Berger// Tageszeitung 29 März, 1995. № 4582 S. 3. [Электронный
ресурс]. — URL: http://home.snafu.de/os/juenger/taz29_03_95.html
33. Berggötz S. O. Nachwort. Ernst Jünger und die Politik/S. O. Berggötz//E.
Jünger. Politische Publizistik 1919 bis 1933 / Hrsg. von S. O. Berggötz. —
Stuttgart: 2001, Klett-Cotta. — S. 834-869.
34. Berggötz S. O. Ernst Jünger und die Geiseln/S. O. Berggötz//Vierteljahrshefte
für Zeitgeschichte/Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. —
Oldenburg, München; 51. Jahrgang. Heft 3. Juli 2003. — S. 405-417.
35. Bergsdorf W. Über den abnehmenden Utopiebedarf der Postmoderne. In:
Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten/W. Bergsdorf/Hrsg. G.
Figal, H. Schwilk. — Stuttgart: Klett-Cotta. 1995. — S.59-71.
36. Biographisches Lexikon zum Dritten Reich/Ernst Jünger/ Hrsg. von H. Weiß.
— Frankfurt am Main: 1999. — S. 245-248
37. Bluhm L. "ein geistiger Wegbereiter und eiskalter Wollustling der Barbarei".
Thomas Mann über Ernst Jünger. Ein Studie zu Manns politisch-literarischer
Urteilsbildung/L. Bluhm //Wirkendes Wort. — Dusseldorf. 1996. Jg. 46. H. 3.
— S. 424-445.
38. Boehlich W. Noch einmal Ernst Jünger/ W. Boehlich // Der Fall Jünger und die
Wende. Blätter für deutsche und internationale Politik. — Köln, 1982. Jg. 27.
H.10. — S. 1245-1249.

- 39.Bohrer K. H. Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk/K. Bohrer. – München/Wien: Hanser Verlag, 1978. – 634 S.
- 40.Bolz N. Auszug aus der entzauberten Welt. Philosophischer Extremismus zwischen den Weltkriegen/ N. Bolz. – München: 1989. – 260 S.
- 41.Brandes W. Der «Neue Stil» in Ernst Jüngers «Strahlungen»/W. Brandes. — Bonn: Bouvier Verlag, 1990. — 338 S.
- 42.Breuer S. Anatomie der konservativen Revolution/S. Breuer. — Darmstadt: Wiss. Buchges., 1993. – 232 S.
- 43.Breuer S. Die radikale Rechte in Deutschland 1871-1945: eine politische Ideengeschichte/S. Breuer. — Stuttgart: Reclam, 2010. — 292 S.
- 44.Braun F. X. A Letter from America/F. X. Braun //Antaios. Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März. 1965. Bd. VI. № 5/6. — S. 510-515.
45. Brentano B. v. Europa in Buch/B. v. Brentano//Antaios / Hrsg. Mircea Eliade - Ernst Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1965. B. VI №5/6 März, 1965. — S. 537-541.
- 46.Brock E. Das Weltbild Ernst Jüngers. Darstellung und Deutung/E. Brock. – Zürich: Max Niehans Verlag, 1945. — 279 S.
- 47.Busche J. Denker bewundert Dichter/J. Busche// Die Zeit. 23.03.2005, №13. S.54.
- 48.Bussche R. Von dem Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen/R. Bussche. – Heidelberg: Universität C. Winter, 1998. — 428 S.
- 49.Closs A. Dichter und dichtung im Wandel des gegenwärtigen Weltbildes// Antaios / Hrsg. Mircea Eliade - Ernst Jünger/A. Closs. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1965. B. VI №5/6 März, 1965. — S. 527-536.
- 50.Craig G. A. Deutsche Geschichte. 1866-1945/G. A. Craig. — München: Beck. 1999. — S. 531-533.

51. Crescenzi L. Die nächste Wahrheit des Romans Ortner's Epos-Vision in den Stücken zu Heliopolis/L. Crescenzi//Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 81-89.
52. Christadler M. Die "Nouvelle Droite" in Frankreich/ M. Christadler //Neokonservative und "Neue Rechte". — München, C.H. Beck Verlag, 1983. S. 198-206.
53. Dahl G. Radical Conservatism and the Future of Politics/G. Dahl. — New Delhi: Sage Publications. 1999. 180 P.
54. Decker K. "Columbo" auf LSD. Vor einem Jahr starb Ernst Jünger 54/ K. Decker //Der Tagesspiegel. 30.03. 1999. [Электронный ресурс]. — URL: http://home.snafu.de/os/juenger/tsp30_3_99.html
55. Deist W. Messerschmitt M. Volkmann H-E. Wette W. Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges/ W. Deist. M. Messerschmitt. H-E. Volkmann. W. Wette. — Frankfurt am Main: Fischer, 1989. — S. 40-63.
56. «Den alten Volksgeist erwecken». Alain de Benoist über die "Verwurzelung"-Ideologie der französischen Neuen Rechten//Spiegel. — Hamburg. 1979. Jg.33. №34. — S. 157-162.
57. Der Jungste Scoop //Die Tageszeitung 29 März, 1999. S. 17. [Электронный ресурс]. — URL: http://home.snafu.de/os/juenger/taz29_03_99.html
58. Deschner G. Macht und Zeitkritik/G. Deschner//Criticon. Dezember. 1999. — S.67-68.
59. Die Schleife. Dokumente zum Weg von E. Jünger/Zusammengest. A. Mohler. — Zürich: Im Verlag der Arche. — 154 S.
60. Dietka N. Ernst Jünger nach 1945. Das Jünger-bild der bundesdeutschen Kritik (1945-1985)/ N. Dietka. — Fr. am M., Bern. Lang, 1987. — 383 S.
61. Dupeux L. «Nazionalbolschewismus in Deutschland 1919-1933: kommunistische Strategie und konservative Dynamik/ L. Dupeux. — München: Beck, 1985. — 492 S.

62. Droste W. Ernst Jünger lebt: Brei auf Stelzen marschiert weiter!// W. Droste// Tageszeitung. 27 Februar, 1998 № 5469. S. 20. [Электронный ресурс]. — URL: http://home.snafu.de/os/juenger/taz27_02_98.html
63. Es hat mich bewegt, Ihre Handschrift zu sehen. Erinnerungen an den Krieg und Kabbala: Der Briefwechsel zwischen Ernst Jünger und Gershom Scholem erscheint in diesen Tagen// Frankfurter Allgemeine Zeitung, 15 Mai 2009, № 112. — S. 33
64. Engel M. Im Morgenrot Herodos. Ernst Jünger und die Antike/M. Engel// Antaios. Ernst Jünger zum 70. Geburtstag / Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März 1965. Bd. VI. № 5/6. — S. 473-487.
65. Encke J. Mann aus Marmor/J. Encke//FA, Sonntagzeitung 09/09/2007, №36, S. 34
66. Ernst Jünger – Leben und Werk in Bilddokumenten und Texten/Hrsg. H. Schwilk. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. — 320 S.
67. Ernst Jünger in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten / Hrsg. K. O. Paetel. — Hamburg: 1962. — 177 S.
68. Ernst Jünger//Text+Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 105/106/. Hrsg. H.L. Arnold. — München, edition text + kritik. 1990. — 167 S.
69. Ernst Jünger und der Widerstand // Welt am Sonntag, 24 Januar 1999. [Электронный ресурс]. — URL: http://home.snafu.de/os/juenger/wams24_1.htm
70. “Es hat mich bewegt, Ihre Handschrift zu sehen”: Der Briefwechsel zwischen Ernst Jünger und Gershom Scholem//Frankfurter Allgemeine Zeitung. 15. Mai 2009. №112. — S 33.
71. Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. 5. Aufgabe/ J. Fest. — München. 1997. — S. 310-341.
72. Figal G. Nochmals über die Linie. In: Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten/G. Figal/Hrsg. G. Figal, H. Schwilk. — Stuttgart: Klett-Cotta. 1995. — S.25-71.

73. Figal G. Die Gegenwartlichkeit des Vorauswissens/G. Figal/Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1/ Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 21-32
74. Fiorentino F. Mythographie einer zersplitzten Welt Ernst Jüngers konservativ-revolutionäre Antwort auf die Moderne/F. Fiorentino//Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 54-73.
75. Freundschaftliche Begegnungen. Festschrift für Ernst Jünger zum 60 Geburtstag/Hrsg. A. Mohler. — Frankfurt am Mein: Klostermann, 1955. — 232 S.
76. Gaede F. Jüngers Blick über die Zeitmauer. Das Chaos als Antizipationsgrund/ F. Gaede//Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp.- Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 90-106.
77. Geyer C. Wahl-Wahn/ C. Geyer//25.01.2008, FAZ. Nr.21. — S. 37.
78. Gerber H. Die Frage nach Freiheit und Notwendigkeit im Werke Ernst Jüngers/ H. Gerber. — Winterthur: Keller Verlag, 1965. — 113 S.
79. Gimbrecht H.U. Warten auf den Führen. 1926/H.U. Gimbrecht// Frankfurter Allgemeine Zeitung /18 Januar 1999. №14. — S. 45.
80. Goertz W. Thesentraumnebel. Giorgio Battistellis neue Oper “auf den Marmorklippen” nach dem Ernst-Jünger-Roman in Mannheim/W. Goertz//Die Zeit. 2002, №12. — S. 50.
81. Greifenhagen M. Das Dilemma des Konservatismus im Deutschland mit einem neuen Text/M. Greifenhagen. — Frankfurt am M., 1986. — 437 S.
82. Großheim M. Der Zauber der Moderne. Ernst Jüngers Absdage an die Kulturkritik/ M. Großheim//Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. - — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 32-54.
83. Gumbrecht H. U. Warten auf den Führer, 1926/H. U. Gumbrecht// Frankfurter Allgemeine Zeitung /18 Januar 1999. №14. — S. 45.
84. Gunther J. Ernst Jünger – Subtile Jagden/J. Gunther //Neue Deutsche Hefte. — Bonn. Jg.14 H.4, 1967 — S. 164-167.

85. Hartung H. Ernst Jünger. 1895-1998/H. Hartung //Kulturchronik. — Bonn. 1998. №3. — S. 11-14.
86. Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich/ J. Herf. — Cambridge, Cambridge University Press. 1984. — 251 S.
87. Herzinger R. Der komplette Text: Warum Ernst Jüngers Werk bei Linksintellektuellen salonfähig wurde/R. Herzinger//Die Zeit. 09/1998. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zeit.de/text/archiv/1998/09/thema.txt.19980219.xml>
88. Herzinger R. Der Fund des Parvenüs. Als Ernst Jünger von Adolf Hitler Post bekam/R. Herzinger// Die Zeit. 21 Januar, 1999. — S. 33
89. Herzinger R. Werden wie alle Jünger? Über die renaissance konservativer Modernerkritik und die postmoderne Sehnsucht nach der organischen Moderne/R. Herzinger//Kursbuch. Die Zukunft der Moderne. — Berlin. Dezember, 1995. — S. 93-117.
90. Hietala M. Der Neue Nationalismus in der Publizistik E. Jüngers und des Kreises um ihn 1920-1933/ M. Hietala. — Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1975. — 274 S.
91. Hoffkes K. Ernst Jünger und die Politik/K. Hoffkes//Nation Europa. Cobing. 1983. Jg.33. H2/3 — S. 22-24.
92. Hoffman A. Drogen und Rausch im Leben und Werk von Ernst Jünger/A. Hoffman//Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 8-20.
93. Hochhuth R. dreiundachtzig Jahre Autor. Tagebücher: die klassische Form Ernst Jüngers/R. Hochhuth //Criticon. — Bonn: GES Verlag, Sommer, 2000, — S. 37-41.
94. Holz H. H. Es geht nur nebenbei um Jünger/H. H. Holz // Der Fall Jünger und die Wende. Blätter für deutsche und internationale Politik. — Köln 1982. Jg. 27. H.10 — S.1243-1244.

- 95.«Ja, gut». Andre Müller spricht mit dem Dichter Ernst Jünger//Die Zeit, Dezember, 1989. Nr. 50 S.61-62.
- 96.Jessen J. Wer denkt für die CDU? /J. Jessen// Die Zeit. 2.06.2005, №23. — S. 61.
107. Jouhandeau M. Reconnaissance á Ernst Jünger /M.Jouhandeau//Antaios/ Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März 1965. Bd. VI. № 5/6. — S. 438-440.
108. Im Niemandsland. Rezension// Die Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11.10.1997, №236. — S. 5.
109. Kaiser H. Mythos, Rausch und Reaktion. Der Weg Gottfrid Benn und Ernst Jünger/H. Kaiser. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1962. — 371 S.
110. Kaltenbrunner G. K. Prospektiver Konservatismus/G. K. Kaltenbrunner //Kaltenbrunner G. K. Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Portrats. Herford, Berlin: Nicolai, 1975. S. 91-129.
111. Kaltenbrunner G. K. Gibt es eine konservative Theorie?/ G. K. Kaltenbrunner //Aus Politik und Zeitgeschichte. 1974, №42, — S. 3-13.
112. Katte M. v. Der Wink/M. v. Katte// Antaios Hrsg. Mircea Eliade - Ernst Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1965. B. VI. №5/6 März, 1965. — S.418-427.
113. Kämpfer W. E. Jünger/ W. Kämpfer. — Stuttgart: Metzler, 1981. — 188 S.
114. Kämpfer W. Gewalt und Wohlverhalten. Ernst Jünger und Die Revolte der Moderne/W. Kämpfer. //Text+Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 105/106/. Hrsg. H.L. Arnold. — München, edition text + kritik. 1990. — S.74-81.
115. Kamper D. Weltstaat im Kopf, Wildnis im Herzen. Ernst Jüngers Anmerkungen zum 'Post-Histoire'/D. Kamper//Text+Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 105/106/. Hrsg. H.L. Arnold. München, edition text + kritik. 1990. — S. 82-88.
116. Kerker A. Ernst Jünger – Klaus Mann. Gemeinsamkeit und Gegensatz in Literatur und Politik. Zur Typologie des literarischen Intellektuellen/A. Kerker. — Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1974. — 136 S.

117. Kiesel. H. Wissenschaftliche Diagnose und Vision der Moderne. Max Weber und E. Jünger/ H. Kiesel. — Heidelberg: Manutius Verlag, 1994. — 222 S.
118. Kiesel H. Eintritt in ein kosmisches Ordnungswissen/ H. Kiesel. // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 29 März 1999, №74. — S.55.
119. Kiesel H. Nachwort des Herausgebers/ H. Kiesel//Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. 1930-1983/Hrsg. von H. Kiesel. – Stuttgart, 1999. — S. 851-881.
120. Kiesel. H. Ernst Jünger. Die Biographie / H. Kiesel. – München 2007. Siedler Verlag. —717 S.
121. Klages O. Der Auftrag/O. Klages//Antaios / Hrsg. Mircea Eliade - Ernst Jünger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1965. B. VI №5/6 März, 1965. — S.428-437.
122. Klemperer K. von. Germany's New Conservatism. Its History and Dilemma in the Twentieth Century/ K. von. Klemperer. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. – 219 S.
123. Konitzer M. Ernst Jünger/M. Konitzer. – Frankfurt a. M./New York. 1993. — 134 S.
124. Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. – Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. – 301 S.
125. Korn K. Dr Antinihilist. Durch die Feuerzonen der Technik zum kosmologischen Spiritualismus/K. Korn // Über E. Jünger/ Hrsg. von Arbogast H. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. — S. 107-118.
126. Koslowski P. Der Mythos der Moderne. Die dichterliche Philosophie Ernst Jüngers/ P. Koslowski. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. – 200 S.
127. Kranz G. «Jünger und Dostojewski»/G. Kranz //Neuphilologische Zeitschrift 4(1952), — S.116-122.
128. Krockow C. Graf von. Die Entscheidung. Eine Untersuchung über E. Jünger, C. Schmitt M. Heidegger/C. Graf von. Krockow. — Frankfurt am Main: 1990. — 164 S.

129. Kröll F. "Postmoderne und 'Neue Rechte': 'Der Fall Ernst Jünger'"/F. Kröll //Sehnsucht nach Schicksal und Tiefe. Der Geist der Konservativen Revolution. Eickhoff V./Korotin I. (Hg). — Wien: Picus, 1997. — S. 166-182.
130. Krull W. "Im Foyer des Todes. Zur Ernst Jüngers 'In Stahlgewittern' und anderen Texten über den Ersten Weltkrieg"/W. Krull //Text + Kritik. — München, 105/106, 1990, —S. 27-35.
131. Lenk K. Deutscher Konservatismus/K. Lenk. — Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag, 1989. — 330 S.
132. Lubinsky M. P. Privater Heimgang. Nur der enge Kreis begleitete Ernst Jünger auf seinem letzten Weg/M. P. Lubinsky/ Criticon. München: Januar/Februar/März 1998, №157. — S. 18-19.
133. Loose G. Ernst Jünger: Gestalt und Werk/G. Loose. — Frankfurt am Mein: Klostermann 1957. — 357 S.
134. Magenau J. Brüder unterm Sternenzelt. Friedrich Georg und Ernst Jünger. Eine Biographie / J. Magenau. — Stuttgart: Klett-Cotta Verlag, 2012. — 315 S.
135. Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten/Hrsg. G. Figal, H. Schwilk. — Stuttgart: Klett -Cotta. 1995. — 332 S.
136. Mangold I. Zwei Abenteuerliche Herzen. Eine prächtige Entdeckung: Der Briefwechsel zwischen Ernst Jünger und Gershom Scholem/I. Mangold//Die Zeit, 20.05.2009, №22. [Электронный ресурс]. — URL: www.zeit.de/2009/22/L-Scolem
137. Mangold I. Das Ideal des Ganzkörperstahlhelms/I. Mangold//die Zeit 11.10.2010. №40. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zeit.de/2010/40/Interview-Juenger>
138. Mangold I. Die Käfearmee. Eine ausstellung in Marbach entgiftet Ernst Jünger/I. Mangold//Die Zeit. 11.11.2010 № 46. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zeit.de/2010/46/Spitze>
139. Mann O. Dandysmus als konservative Lebensform/O. Mann// Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. — Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. — S.156-170.

140. Martus S. Ernst Jünger/S. Martus. — Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. — 269 S.
141. Matz W. Nach der Katastrophe. Jünger und Heidegger/W. Matz// Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur /Hrsg. H. L. Arnold. — München, 1990 Januar, 105/106. — S. 74-81.
142. Mehring R. Nachbetrachtungen zu einem runden Jubiläum: E.Jünger/R. Mehring//Wirkendes Wort. 1995. Jg.45, H.2. — S. 318 – 324.
143. Meyer A. Kleistische Prosa oder Polizeibericht? Anmerkungen zu Ernst Jüngers Denkschrift “zur Geiselfrage”/A. Meyer//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. — Oldenburg, München: 52. Jahrgang. Heft 2. April 2004. — S. 281-289.
144. Meyer. M. E. Jünger/M. Meyer. — München-Wien: Hanser, 1990. — 698 S.
145. Migneco G. Besuch bei Ernst Jünger/G. Migneco//Antaios. Hrsg. M. Eliade, E. Jünger. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag. März 1965. Bd. VI. № 5/6. — S. 447-455.
146. Mitchell A. The Devil's Captain: Ernst Jünger in Nazi Paris, 1941–1944/A. Mitchell. —NY: Berghahn Books, 2011. — 119 p.
147. Modik K. “... daß jedes Ding viele Seiten hat”. Eine Mixtur aus Verwandtschaft und Feindschaft: die kulturelle Linke und Jünger/K. Modik //Die deutsche Tageszeitung, 18 Februar, 1998, № 5461, — S. 3.
148. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Ein Handbuch. Wissenschaftliche Buchgesellschaft/ A. Mohler. — Darmstadt: 1972. — 554 S.
149. Mohler A. Weißmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. 6, überarb. und erw. Auflage\ A. Mohler. K. Weißmann. — Graz: Ares-Verlag, 2005. — XXV — 643 S.
150. Mohler A. Ravensburger Tagebuch. Meine Zeit bei Ernst Jünger 1949/1950 /A. Mohler. — Wien und Leipzig: Karolinger, 1999. — 111 S.
151. Mohler A. Friedrich Georg Jünger/A. Mohler// Criticon, Konservativ Heute. März-April 1978, №46. — München. — S. 60-63.

152. Mohler A. Ernst Jünger und Karl Schmitt/ A. Mohler// Criticon. Konservativ Heute. Nov/Dez. 1991, Nr. 128. — München. — S. 294-298.
153. Mohler A. Die Schleife. Dokumente zum Weg von E. Jünger / A. Mohler. — Zurich. Verlag der Arche, 1955. — 154 S.
154. Mohler A. Der faschistische Stil/A. Mohler //Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. – Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. — S. 172-198.
155. Mohler A. Von rechts gesehen/A. Mohler. — Stuttgart; Seewald Verlag, 1974. —343 S.
156. Möller. H. Hans-Peter Schwarz zum 70. GeburtstagH. Möller// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / Hrsg. K. D. Bracher, H.-P. Schwarz, H. Möller. – Oldenburg, München: 52. Jahrgang. Heft 3. Juli 2004. — S. 563-569
157. Morat D. Rezensionen. Noack P. Ernst Jünger. Eine Biographie. Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998/D. Morat. — URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensio/buecher/moda1098.htm>
158. Morat D. Von der Tat zur Gelassenheit. Konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger/D. Morat. — Göttingen, Wallstein Verlag, 2007. — 592 S.
159. Mosse G.L. Die völkische Revolution. Über die geistigen Wurzeln des Nationalsozialismus/ G.L. Mosse. — Fr. am M. 1991. — 368 S.
160. Muhleisen H. Bibliographie der Werke Ernst Jüngers /H. Muhleisen. — Stuttgart, 1996. — 351 S.
161. Müller H. “Stählerne Romantik” und Mythos Krieg. Anmerkungen zur Ernst-Jünger-Renaissance im Konservatismus der achtziger Jahre/H. Müller//Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. — Berlin, 1989. — S. 130-142.
162. Neokonservative und “Neue Rechte”/Hrsg. von I. Fetscher. — München: C.H. Beck Verlag, 1983. – 268 S.
163. Noack P. Ernst Jünger. Eine Biographie/P. Noack. — Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. – 368 S.

164. Noack P. Flugtraume und höhere Trigonometrie. Ein Freundeskreis veranstaltet das erste Symposium über Bruder Ernst und Friedrich Georg Jünger/P. Noack // Süddeutsche Zeitung 1999, № 74. — S. 18.
165. Nolte E. Carl Schmitt und Ernst Jünger/E. Nolte// E. Nolte. Geschichtsdenken im 20. Jahrhunderts: von Max Weber bis Hans Jonas. — Berlin, Frankfurt am Main, Propyläen, 1991. — S. 259-271.
166. Pekar T. Ernst Jünger und der Orient. Mythos-Lektüre-Reise T. Pekar. — Würzburg: Ergon Verlag, 1999. — 225 S.
167. Petzold J. Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur/ J. Petzold. — Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. — 311 S.
168. Pfahl-Traugher A. "Konservative Revolution" und "Neue Rechte". Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. A. Pfahl-Traugher. — Opladen: 1998. — 239 S.
169. Philippi K. P. "Versinken im Wirbel". Chaos und Ordnung im Werk Ernst Jüngers 165/K. P. Philippi//Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. - 1989. — Jg.63. H.1 — S.154-183.
170. Plard H. Ernst Jünger in Frankreich. Versuch eine Erklärung/H. Plard // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur /Hrsg. H. L. Arnold. — München, 1990 Januar, 105/106. — S. 141-154.
171. Porath E. Stralungen Ernst Jüngers. Anmerkungen zu einem Tagebucheintrag/ E. Porath // Wirkendes Wort. 1995. Jg.45, H.2. — S. 241-257.
172. Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — 139 S.
173. Prümm. K. Vom Nationalismus zum Abendland. Zur politischen Entwicklung Ernst Jüngers/K. Prümm // Basis. Jahrbuch für deutsche Gegenwartsliteratur/ Hrsg. R. Grimm und J. Hermand. — Frankfurt am Main: 1976, Bd. 6. — S.7-29.

174. Pschera A. Sehnsucht nach der großen Destillation. Jüngers Lektüren, zweiter Teil der JF-Serie: Ernst Jünger liest Leon Bloy, den Nietzsche Frankreichs 170\A. Pschera //Junge Freiheit. 09/05/2005.
175. Reinhold U. Ernst Jünger: "Der Friede" – ein Beitrag zum Frieden?/U. Reinhold // Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. — Berlin, 1989. —S. 110-119.
176. Rekonstruktion des Konservatismus/ Hrsg. G. - K. Kaltenbrunner. — Freiburg: Verlag Rombach Freiburg, 1972. – 614 S.
177. Rohkrämer Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880-1933/Th. Rohkrämer. — Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. — 404 S.
178. Rupprecht M. Thomas Mann und Ernst Jünger/M. Rupprecht// Wirkendes Wort. 1996. Jg. 46. H. 3. — S. 411-423.
179. Saltzwedel J. Ein zackiger Flaneur. Ernst Jünger und die deutsche Literatur – Kniefalle, Attacken und Ratlosigkeit/J. Saltzwedel // Der Spiegel. – 1995. №12. — S. 213 – 222.
180. Scheuffelen T. Einführung in die Ausstellung. Barbara Figal:Photographien aus dem Jünger-Haus in Wilflingen/T. Scheuffelen//Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. - Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. —S. 136-139.
181. Schirracher F. H-M. Hitler, Jünger und der entwandete Brief/F. Schirracher //Frankfurter Allgemeine Zeitung. 18 Januar 1999, №14. S. 45.
182. Schloßberger M. Ernst Jünger und die Konservative Revolution. Überlegungen aus Anlaß der Edition seiner politischen Schrifte/M. Schloßberger.- URL:http://www.iaslonline.lmu.de/index.php?vorgang_id=2382.
183. Schluter C. Ernst Jünger und kein Enden/C. Schluter// Neue Gesellschaft/ Frankfurter Hefte. — Bonn, 1995, Jg. 42, № 5. — S. 474-477.
184. Schmitter. E. Zum Glück nur Blut/E. Schmitter// Der Spiegel. 2010. №44. S.155-156.

185. Schöttker D. Zum Briewechsel zwischen Ernst Jünger und Gershom Scholem/D. Schöttker //Sinn und Form, 2009, №3. S. 303-308.
186. Schutz E. Das Leben baut Todes ein/E. Schutz// Tageszeitung. 1998. №5461, S. 3. [Электронный ресурс]. – URL: http://home.snafu.de/os/juenger/taz18_02_98.html
187. Schulze H. Die Deutsche und Ihre Nation. Weimar. Deutschland 1917-1933. 183/H. Schulze. – Berlin: Siedler Verlag, 1982. — S. 125-129.
188. Schwarz H. P. Die konservative Anarhist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers./H. P. Schwarz. — Freiburg in Br.: 1962. — 309 S.
189. Schwarz H. P. Treffer und offene Fragen. Ernst Jüngers Progniosen// Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten./H. P. Schwarz/Hrsg. G. Figal, H. Schwilk. —Stuttgart: Klett -Cotta. 1995. — S. 94-108.
190. Schwarz T. Zur Technikphilosophie Ernst Jüngers/T. Schwarz// Deutsche Zeitschrift für Philosophie 1967. Jg.15. H.5. — S. 528-535.
191. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biografie/H. Schwilk. — München, Piper Verlag GmbH, 2007. — 623 S.
192. Schwilk H. Ernst Jünger - A. Hitler. Die Briefe/H. Schwilk// Welt am Sonntag. 17.01. 1999. — S. 31-32.
193. Schwilk H. Widerstand durch reine Geistnacht. Ernst Jünger im Dritten Reich /H. Schwilk//Criticon. Konservativ heute. — München: Januar/Februar/März 1998, №157. S. — 22-27.
194. Schwilk H. Ernst Jünger – Prophet der Globalisierung/H. Schwilk//Criticon. Konservativ heute. — München: Winter 2000, № 168. — S. 26-30.
195. Schwilk H. Wolff U. Die Konversion. Ernst Jünger und Katolizismus/ H.Schwilk. U. Wolff // Welt am Sonntag. — 28 März 1999. №13. — S. 33-34.
196. Seferens H. «Leute von übermorgen und von vorgestern». Ernst Jüngers Ikonographie der Gegenaufklärung und die deutsche Rechte nach 1945/ H. Seferens. —Bodenheim, 1998. — 398 S.

197. Segeberg H. Regressive Modernisierung. Kriegerlebnis und moderne Kritik im Ernst Jüngers Frühwerk/H. Segeberg // *Wirkendes Wort*. 1989. Jg.39. H.1. — S. 95-111.
198. Siefert R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lesch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer/R. P. Siefert. — Frankfurt/Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. — 250 S.
199. Syndram A. Rhetorik des Mythos. Literarische Bilderwelt und politische Symbolik im Werk von Maurice Barres und Ernst Jünger. Masch. Diss/A. Syndram. — Aachen, 1995.
200. Sohn G. Planet Eumeswil: Empfehlungen für Anarchen und Waldgänger/G. Sohn // *Criticon* №163. — S. 40-44.
201. Sontheimer K. Wegbereiter der Nazis. Die politischen Schriften des glühenden Nationalisten Ernst Jünger/K. Sontheimer//*Die Zeit*. Zeitschrift. 4.10.2001.
202. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933/K. Sontheimer. — München: 1968. — 359 S.
203. Steil A. Die imaginäre Revolte: Unterscheidungen zum faschistischen Ideologie und ihrer theoretischen Vorbereitung bei George Sorel, Carl Schmitt und Ernst Jünger/A. Steil. — Marburg: 1984. — 188 S.
204. Stein D. "Ein Ozean erfüllter Augenblicke". Zum Tod von Ernst Jünger: Gespräch mit Heimo Schwilk über das Leben und Werk des Dichters/D. Stein//*Junge Freiheit*, 1998, № 9. — S. 3.
205. Stern über dem zwanzigsten Jahrhundert// *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 10.10.2007. Nr. 235.—S. 14.
206. Thamer H.U. Die Deutsche und Ihre Nation. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945/ H.U. Thamer. — Berlin: Siedler Verlag, 1986. — S. 35-46.
207. Über Ernst Jünger/Hrsg. von H. Arbogast. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. — 185 S.

208. Vollmann R. Ernst Jünger. Bei den Kafern beginnt die Metaphysik/R. Vollmann //Die Zeit. 27.11.2003, №49. — S. 53.
209. Volpi F. Der Mensch zwischen Polis und Weltstaat. Fragen im Anschluß an Ernst Jünger/ F. Volpi // Prognosen. Jünger – Studien. Bd.1 / Hrsg. G. Figal/G. Knapp. — Tübingen: Attempto-Verlag., 2001. — S. 73-81.
210. Von den Göttern zu den Titanen. Intellektuelle äußern sich gegenüber der JF Tode des Dichters Ernst Jünger/Junge Freiheit. 1998, № 9.
211. Wehler H.-U. Im Gruselkabinett deutscher “Helden”/ H.-U. Wehler/Die Zeit. 24.06.2004, №27. — S. 41.
212. Weilmeier C. Eumeswil. Ernst Jüngers Philosophie der institutionellen Ordnung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Hochschule für Philosophie Philosophische Fakultät SJ, München/C. Weilmeier—München, 2004. — 200 S.
213. Weißmann K. Maurice Barrès und der “Nationalismus” im Frühwerk Ernst Jüngers/K. Weißmann//Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten/Hrsg. G. Figal, H. Schwilk. -Stuttgart: Klett -Cotta. 1995. — S. 133-146.
214. Weißmann K. Jünger und Mohler/K. Weißmann//Sezession-22. Februar, 2008. S. 10-14. — URL: <http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008>.
215. Wiegel G. Die extreme Rechte in der Bundesrepublik/G. Wiegel//Die extreme Rechte in Europa. Zur neueren Entwicklung in Deutschland, Österreich, Frankreich und Italien. — S. 63-97.
216. Wimbauer T. Das Buch, das es zweimal gab/T. Wimbauer//Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.02.2008, № 40. — S.4.
217. Wohl R. The Generation of 1914/R. Wohl. – Cambridge, Massachusetts: 1979.–307 S.
218. Zeitzeuge des Jahrhunderts. Ernst Jünger//Welt am Sonntag. 2002. №12. —S. 33.